

Бегунов Ю.К., Лукашев А.В., Пониделко А.В.

13

ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ

Бегунов Ю.К,
Лукашев А.В.,
Пониделко А.В.

13

теорий демократии

*«Если людьми не будет править Бог,
то тогда ими должны править тираны»*
Уильям Пэнн

Издательский Дом «Бизнес-Пресса»
Санкт-Петербург
2002

Бегунов Ю.К., Лукашев А.В., Пониделко А.В.

13 теорий демократии

Издательский дом «Бизнес-Пресса», СПб, 200 . – с. 240.

Б 37

Настоящая работа посвящена анализу существующих теорий демократии. Сделан научный анализ многочисленных источников, начиная с античных философов и заканчивая современными учеными-политологами. Оказалось, что разные виды демократий могут отличаться друг от друга в большей степени, чем одна форма государственного правления от другой. Демократии в разных странах носят ярко выраженный национальный характер и не могут рассматриваться в отрыве от традиционной культуры народа, который выбрал демократическую форму правления в своем государстве. В книге приведена и критика демократии. В качестве критических источников также выбраны наиболее авторитетные авторы, никак не ангажированные какими бы то ни было политическими силами. В заключительной части книги приведены возможные варианты развития событий в России, дана характеристика существующего социально-экономического положения и предложены пути реализации Национальной идеи Русского государства.

Книга предназначена для широкого круга читателей и может быть использована как в виде учебного пособия, так и для научного обоснования выбора Россией дальнейшего пути развития.

ББК 66.0

УДК 321.7

ISBN 5-8110-0060-X

© Бегунов Ю.К.

© Лукашев А.В.

© Пониделко А.В.

© Машков М.А., худ. оформление, верстка, дизайн

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ В ДЕМОКРАТИЮ	7
ЧАСТЬ I. ИДЕНТИТАРНЫЕ ДЕМОКРАТИИ	25
1.1. Античные демократии	25
1.2. Традиционная Русская народная демократия	31
1.3. Коллективистская модель Жан-Жака Руссо	46
1.4. Социалистическая демократия	50
ЧАСТЬ II. КОНКУРЕНТНЫЕ ДЕМОКРАТИИ	53
2.1. Социал-демократия	53
2.2. Христианская демократия	60
2.3. Со-общественная, или Согласительная, или Сонсоциативная демократия	66
2.4. Репрезентативная, или Элитарная, или Представительская демократия	68
2.5. Плебисцитарная, или Мандатная, или Партийная демократия	71
2.6. Партиципаторная демократия, или Частичная теория демократии	73
2.7. Плюралистическая теория демократии	76
2.8. Демократия классического либерализма	81
2.9. Рыночная, или Экономическая демократия	86
2.10. Информационная демократия	92
2.11. Интегральная демократия	94
ЧАСТЬ III. КРИТИКА ДЕМОКРАТИИ	97
3.1. Николай Бердяев. «Философия неравенства»	97
3.2. Митрополит Иоанн (Снычев). «Великая ложь демократии»	106
3.3. Александр Зиновьев «Мировое негодяйство»	112
3.4. А.В. Пониделко, А.В. Лукашев. «Анатомия демократии»	117
3.5. Майкл Паренти. «Демократия для немногих»	121
3.6. Ральф Эшперсон. «Невидимая рука»	134
3.7. Александр Крыленко. «Деньги и демократия»	149
ЧАСТЬ IV. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	157
4.1. Методологические основы социального бытия	157
4.2. Общественно-политическая ситуация в современной России ..	167
4.3. Сценарии развития событий в России	194
4.4. Пути предотвращения катастрофы России	215
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	221
Приложение 1: Тринадцать вопросов реформаторам	225
Приложение 2: Лев Николаевич Толстой о частной собственности на землю	227
БИБЛИОГРАФИЯ	229

Предисловие

История написания этой книги достаточно проста: соавторы давно издают работы по проблемам истории, государственного строительства и выбора Россией дальнейшего пути развития, и заочно они были знакомы с работами друг друга. Поэтому, однажды встретившись, они нашли общий язык, несмотря на различия в базовом образовании и, порой, существенно отличающиеся взгляды на проблемы развития государства российского. Идею написания труда, который бы обобщил теории демократии с системных позиций, высказал Ю.К. Бегунов. Он же дал общие направления исследований и написал ряд разделов и материалов в книгу, в том числе по источникам, пока не переведенным на русский язык.

По странному стечению обстоятельств, основных теорий демократии оказалось тринадцать. Разумеется, мы могли бы описать еще некоторые, претендующие на научность, например, «персоналистический солидаризм» и т.п., однако, это отвлекло бы читателя от наиболее значимых теорий демократии, которые исповедуются развитым миром. К тому же число «13» нам представляется весьма удачным с точки зрения привлечения внимания широкой публики к настоящему труду.

Предупреждая критику читателей, которые уже подсчитали количество рассмотренных демократий в оглавлении, укажем, что ряд демократий, например, христианская и социал-демократия, не могут быть отнесены к самостоятельным теориям демократии по процедурным признакам их реализации. Скорее, они

являются платформами политических партий, имеющими национальные особенности в разных странах, и относятся, по тем или иным признакам, к основным базовым формам демократии. Однако мы не могли не рассмотреть основное содержание этих демократий в силу их широкой распространенности в цивилизованном мире.

В ходе проведенного анализа были использованы многочисленные источники, как на русском языке, так и зарубежные издания. Основные из них приведены в Библиографии, по ссылке читатель может найти оригинал, который описывает элементы той или иной формы демократии. Это может помочь преподавателям политологии, студентам вузов и просто политикам, которые часто рассуждают о демократии, не вникая конкретно в ее форму и национальные особенности. Кстати, именно фактор игнорирования национальных особенностей формы государственного правления стал камнем преткновения в методологическом обосновании проводимых в России реформ. Поэтому книга может послужить подспорьем и в этом вопросе.

Большое внимание в книге уделено критике демократии. Здесь широко использованы различные источники, как отечественные, так и, в основном, зарубежные, представляющие исследователей и ученых демократического мира. Критики в адрес демократии раздается много, однако, мы попытались объединить в единый системный взгляд многие критические воззрения на демократию с точки зрения различных научных уровней и аспектов.

Разумеется, мы не претендуем на истину в последней инстанции и призываем заинтересованных читателей к диалогу с авторами, но было бы лучше развернуть дискуссию на страницах нашей «свободной и демократической» прессы, ратующей за демократию, свободу слова и независимость средств массовой информации.

Введение в демократию

О демократии написано множество книг и статей. Но она продолжает будоражить умы ученых, ищущих формы оптимального государственного правления с точки зрения человеческих идеалов справедливости и счастья. На протяжении всей истории человечества величайшие умы бились над проблемой создания теории идеального общества, в котором царили бы социальная справедливость, мир, счастье, а люди были бы свободными и равноправными. Основной идеей этого поиска является создание социального механизма, с помощью которого общество могло бы справедливо распределять общественные блага между своими членами. Такая идея отождествляется, в первую очередь, с теорией демократии.

Демократия в дословном переводе с греческого означает «народовластие», поэтому такая трактовка является нормативной и может служить критерием оценки практической реализации той или иной формы государственного правления с точки зрения теории демократии.

Наиболее общее определение демократии, приведенное в [1], звучит так: «Демократия есть форма устройства любой организации, основанная на равноправном участии ее членов в управлении и принятии решений по большинству».

Поэтому понятие демократии может существовать не только в общественно-государственном устройстве, но и в хозяйственной организации, общественном объединении, политической партии, профессиональном союзе и даже в семье.

В своем труде «Политика» Аристотель сформулировал первичное понятие демократии. Его можно считать первоисточником, но при этом помнить, что мыслитель считал демократию самой неудачной формой правления: «Наиболее чистой демократией является такая, которая обеспечивает равенство – оно предписано законом данного государства, и бедные не подвергаются большему угнетению, чем богатые, верховная власть не принадлежит ни одному из этих слоев, и оба они в ней участвуют. Если, как полагают некоторые, свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии, то это нашло свое осуществление главным образом в том, чтобы все принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, и постановления большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократией».

Древнегреческие мыслители связывали форму государственного правления с общественной жизнью и условиями общественного развития. Это мнение древних развивали и средневековые европейские теоретики государственного устройства, а также первые американские основатели демократии.

Джон Локк, который видел возможность народовластия в условиях различных форм правления, писал: «Когда какое-либо число людей создало общину с согласия каждого отдельного лица, то тем самым они сделали общину единым организмом, обладающим правом выступать как единый организм, что может происходить только по воле и решению большинства» [2].

Жан-Жак Руссо обосновал теорию общественного договора: «Есть только один закон, который по самой природе своей нуждается в единодушном одобрении. Это общественный договор. Кроме этого первичного договора, все остальные законы всегда скрепляют голосование большинства. В действительности, это доказывает, что волеизъявление большинства – суть волеизъявление всего народа. Когда это не так, какую бы сторону ни принял человек, свобода невозможна» [3].

Алексис де Токвиль писал: «Сама сущность демократического правления состоит в абсолютной суверенности большинства, так как нет ничего в демократических государствах, что было бы способно противостоять ему» [4]. Отстаивая идеи классического либерализма, он понимает суверенность народа как такой принцип равенства, который нуждается в ограничении: если в

конституции правового государства не ограничивать демократию народа, то дополитические свободы человека оказываются в опасности [5].

Таковы были неискаженные основы, чистый родник, самая суть демократии. Однако реальное народовластие является недостижимой целью по многим причинам. Прежде всего, неравенство есть естественное свойство человеческого общества. Поэтому те лица, которые имеют в обществе привилегированное положение в силу своего имущественного статуса, всегда будут искать способ расширить свою власть над остальными людьми. Вместе с тем, идеи демократии настолько привлекательны для большинства людей, во всяком случае, в западном мире, что не использовать их во имя достижения политических целей было бы по крайней мере неразумно. Поэтому постепенно под лозунгами демократии в общественное сознание начинают внедряться положения, имеющие малое отношение к ней по определению.

Применительно к этому нашему утверждению можно привести несколько цитат из более поздних определений демократии.

Томас Джефферсон в своей инаугурационной речи 4 марта 1801 г. сказал: «Все должны помнить священный принцип, что, хотя во всех случаях должна преобладать воля большинства, эта воля должна быть законной, **должна быть разумной**» [6].

Один из основателей американской модели демократии Джеймс Мэдисон считал демократию компромиссом власти большинства с властью меньшинства, достигаемым равноправием всех взрослых граждан в политическом процессе, с одной стороны, и ограничением их суверенитета, с другой стороны [7]. При этом основным условием демократии является отсутствие тирании. А это полностью противоречит нормативному определению демократии.

Йозеф Шумпетер определяет демократию как форму правления, основанную на конкуренции потенциальных руководителей за доверие избирателей, выражаемое ими на выборах. Это определение дано на основании эмпирических исследований реальных форм правления в истории государства.

Роберт А. Даль пошел в обосновании невозможности реализации классической демократии еще дальше. Вот, что он писал: «Никто, кроме, может быть, фанатика, не желает достижения двух целей – политического равенства и народного суверените-

та – за счет остальных. Мы должны спросить себя, насколько мы способны пожертвовать досугом, уединением, согласием, стабильностью, доходом, безопасностью, прогрессом, статусом и т.д. для достижения большего политического равенства. В жизни почти никто не считает, что политическое равенство и народный суверенитет стоят того, чтобы принести в жертву эти блага» [8].

Этот автор после глубоких исследований сути политических процессов в демократических странах предлагает вообще заменить термин «демократия» на другой термин – «полиархию», как правление меньшинства, избираемого народом на конкурентных выборах. Такой подход применим и к античным демократиям, и к средневековым республикам, и к современным конституционным государствам. Он отображает наличие всеобщего и равного **избирательного права** в условиях конкурентной борьбы за власть политических партий, наиболее прогрессивных в социальной активности частей народа. В трактовке полиархии демократия является недостижимым идеалом, к которому следует стремиться. В демократии же существует всеобщее и равное **право участия** граждан в управлении государством и принятии решений.

Однако в реальной политической деятельности и в обслуживающих такую деятельность политологических институтах и центрах этот взгляд не был встречен благожелательно по чисто идеологическим мотивам. Этот подход, хотя он и достаточно четко обоснован научно, не укладывается в схему ведения политической борьбы за власть путем агитации избирателей и управления общественным мнением. А поскольку этот термин не принят, то уже в самом определении современной демократии скрывается не столько натяжка, сколько манипуляция общественным сознанием. Людям говорят то, чего на самом деле нет, никогда не было, и не может быть.

Скептически относится к демократии в ее классическом определении и Гаэтано Моска: «Каждое общество создает правящий класс. Всесторонний контроль со стороны народа невозможен. Тем не менее, степень чувствительности правящего класса к желаниям народа и реакция его на результаты выборов зависят, в какой-то мере, от конституционной системы, преобладающей идеологии и социальных установок. Доктрины и конституционные процедуры обеспечивают абсолютный народный суверенитет и власть большинства, являющиеся наиболее слабыми сдер-

живающими факторами для правителей. Поскольку большинство в любом случае не будет править, доктрины и процедуры такого рода на деле вручают неограниченную власть правящему меньшинству, которое претендует на право представлять большинство. Следовательно, нигде тирания не является более вероятной, чем в обществе, где конституционная система и господствующая идеология узаконивают неограниченную власть большинства» [9].

Классическое определение демократии, основанное на принципах власти большинства, народном суверенитете и политическом равенстве граждан, что составляет ее суть, в 1954 году от Э. Шилза получило ярлык «популистской демократии» [9].

Французский политолог Ф. Лово дает следующее определение демократии: «Демократия – это такой институциональный строй, при котором назначение руководителей осуществляется на ограниченный срок мирным способом в результате выборов, регулярно проводимых на конкурентной основе» [10].

Один из виднейших философов современного Запада Юрген Хабермас пишет: «Демократический законодатель издает свои законы, имея в виду только большинство. (Однако) решение большинства может приниматься только таким образом, что его содержание считается мотивированным (хотя и не застрахованным от ошибки) итогом дискуссии, которая как бы условно завершается, поскольку необходимо наконец принять решение» [5].

Поэтому термин «демократия» и содержание скрытого за ним реального политического процесса требуют существенных уточнений применительно к различным теориям и практике организации правления в различных государствах, именующих себя «демократическими».

По отношению к общественному устройству демократия рассматривается как основанный на присущей ей системе общественных ценностей идеал общественного устройства, построенный на соответствующем мировоззрении. В качестве основных из таких ценностей демократия провозглашает индивидуальную свободу, социальное равенство, народный суверенитет, права человека, свободу совести и свободу слова. Именно за счет этих привлекательных для любого образованного человека лозунгов демократия и получила свою популярность во всем мире.

С учетом нормативного идеала демократии как народовластия, возникают как сильные, так и слабые стороны этой формы общественно-государственного устройства. К сильным сто-

ронам следует отнести привлекательность идей равенства и социальной справедливости, способность увлечь этими идеями широкие народные массы, вовлечь их в политический процесс, организовать общество на решение общих для всех людей проблем и задач всестороннего развития.

Однако в общем случае идеи демократии, по большей части, утопичны. История человечества не знает фактов их полной реализации. В лучшем случае демократия является властью большинства над меньшинством, а чаще всего, что мы и наблюдаем в современном мире, она является властью (хорошо организованного и привилегированного меньшинства) над большинством, более или менее подконтрольной общественным организациям.

Один из основоположников Американской Конституции Александр Гамильтон говорил: «Отдайте всю власть многим, и они будут угнетать немногих. Отдайте всю власть немногим, и они будут угнетать многих» [9].

И это не удивительно. Ведь народовластие предусматривает власть всего народа, получается, что общество должно быть большой общественной организацией. Выделение из состава общества государства как механизма принуждения уже означает ограничение народовластия. В этой связи существуют различные толкования происхождения государства. Обсуждение этих истоков выходит за рамки настоящей книги, поэтому мы выскажем лишь частное мнение на этот счет, не вступая в полемику и обоснования.

Мы считаем, что наиболее разумным объяснением происхождения государства является добровольное ограничение индивидуальной свободы в пользу общего блага.

Но вернемся к демократии.

Демократию можно идентифицировать, отвечая на вопрос: «Кто правит?» (Карл Поппер), и, если имеет место истинное народовластие, то мы имеем демократический режим.

Но можно поставить вопрос иначе – «Как править?». По Аврааму Линкольну, демократия – это власть для народа, а это уже технология, не тождественная правлению народа. По Максиму Веберу, массы должны выбирать власть из числа конкурирующих элит и оказывать им поддержку. По Йозефу Шумпетеру, демократия – это вообще власть политиков в интересах народа. Среди множества мнений и трактовок, а также ввиду плохой осведомленности почти всех политиков России в теории вопроса, попро-

буем найти общие черты, которые позволят идентифицировать тот или иной правящий режим как демократию.

Демократия имеет собственные конституирующие признаки. При этом сама конституция рассматривается как внешний ограничитель для правителей, удерживающий их от стремления к расширению власти с последующим злоупотреблением ею. К ним, по современным воззрениям, можно отнести следующие критерии, наличие которых позволяет рассматривать то или иное государство как демократическое (с учетом уже сделанного нами допущения при введении термина полиархии).

Во-первых, это законодательное провозглашение верховенства власти народа, являющегося единственным источником власти. В демократии источником власти выступает именно народ, а не какой-либо другой субъект (монарх, духовенство, аристократия). На практике суверенитет народа выражается в том, что народ избирает своих представителей в органы власти, он может менять этих представителей, и это его право законодательно закрепляется в высшем законодательном акте государства – конституции. Кроме того, народу принадлежит право выдвижения социальных инициатив и участия в референдумах. Однако и на суверенитет накладывается ограничение. Юлиус Фребель, на которого ссылается Юрген Хабермас, укоренял суверенную волю коллектива не в форме закона, подобно Жан-Жаку Руссо, а в процедуре образования мнения и воли [11]. Дословно, он пишет: «Единство убеждений было бы несчастьем для прогресса познания, но единство цели в делах общества – это необходимость» (там же).

Во-вторых, демократия предполагает ротацию лиц, находящихся у власти. Любое должностное лицо избирается на определенный период и ограничено сроком нахождения у власти. Однако это положение весьма спорно. Например, уже упомянутый нами выше Роберт А. Даль в [8] пишет: «Республика – это правление, которое (а) получает всю власть прямо или опосредованно от большого числа людей и (б) осуществляется людьми, занимающими свой пост до тех пор, пока они сами этого хотят в течение ограниченного промежутка времени или пока они должным образом себя ведут».

Один из авторов Конституции США Александр Гамильтон в Конституционном конвенте внес предложение о пожизненном сроке для президента на посту с правом абсолютного вето на решения конгресса и единоличного назначения глав и гражданс-

ких лиц в департаментах, ведающих финансами, военными делами и внешней политикой.

При этом Гамильтон был не просто автором Американской Конституции, «Гамильтон был величайшим административным гением своего времени в Америке и одним из величайших администраторов всех времен» (Леонард Уайт) [9].

Как видим, критика со стороны прессы нынешнего Председателя Совета Федерации С.М. Миронова в отношении его высказывания о продлении срока полномочий президенту В.В. Путину, «ведущему себя должным образом», не вполне обоснована. При этом сам новоиспеченный глава верхней палаты оказался плохо подготовленным теоретически и к тому же духовно слабым, поскольку отступил от своей идеи под первым же натиском оппозиции.

В-третьих, всем гражданам предоставляется равное право на участие в управлении государством. На практике это означает, что любой дееспособный гражданин имеет право выдвигать свою кандидатуру на любой выборный пост в государстве. Граждане имеют право на создание политических партий и общественных организаций, ассоциаций и объединений с целью их волеизъявления и участия в конкурентной борьбе за власть.

В-четвертых, демократия определяет исход дискуссий при принятии решений по большинству и подчинение меньшинства большинству.

В-пятых, граждане имеют право на доступ к информации, которая затрагивает их коренные интересы.

Перечисленные критерии можно считать минимальными требованиями, которые позволяют, по существующим в наше время воззрениям, классифицировать государство как демократическое.

Можно пойти дальше и расширить спектр демократических признаков. Прежде всего, это государственное устройство по принципу разделения властей, легальное существование плюрализма в обществе, под которым понимается многопартийность и признание права политической оппозиции на свободное выражение своих взглядов через средства массовой информации.

Среди всех теоретиков демократии, первым, кто распознал конституционно-политическое значение партий и политической борьбы, был уже упомянутый нами Юлиус Фрёбель, трудам которого большое внимание уделяет Юрген Хабермас.

Другой ипостасью демократии с некоторых пор стал либерализм, трактуемый как обеспечение демократических свобод и прав граждан, ограничение вмешательства в деятельность частных лиц государства и общества. Либерализм провозгласил индивидуальные права и свободы выше национальных, классовых и религиозных интересов.

В современном мире, как и в целом в истории человечества, демократические системы существенно отличаются друг от друга. Именно поэтому, уважаемый читатель, вашему вниманию и предлагаются различные модели, теории демократии. Их следует знать для того, чтобы уметь правильно ориентироваться в сложном хитросплетении политических механизмов осуществления власти и защиты прав своего народа (разумеется, если вы действительно намерены защищать его интересы).

Очень часто за респектабельным фасадом декларации демократии скрываются авторитарные режимы, обеспечивающие интересы определенных социальных групп, как правило, имущественных кланов. В этом случае демократия является ширмой для общественного сознания, прикрывая истинные интересы этих кланов в отношении власти над обществом.

Следует отметить, что особый отпечаток на лицо современной демократии наложила борьба либеральной формы демократии в XX веке с ее коммунистическим гомологом. Этот отпечаток остался не только в определенных социальных механизмах, становящихся теперь, после краха СССР и социалистического содружества, ненужными, но и повлиял на научные обоснования демократических теорий. В массовом сознании населения стран развитой демократии были сформированы идеализированные представления о демократии, явно завышенные оценки социальной справедливости и ее эффективности. Это вызвано многочисленными попытками обоснования демократии как единственно возможной для цивилизованного развития формы государственного устройства, исключительной моделью реализации социальной справедливости.

Существуют различные подходы к обоснованию демократии. В первую очередь следует выделить ценностную группу обоснований. Они рассматривают демократию как самоценность, независимо от ее реального статуса в обществе и в государственной форме правления. Провозглашены, так называемые, общечеловеческие ценности – свобода, равенство, социальная

справедливость, право избирать свою власть и быть избранным в ее органы, частная собственность представляется священной и неприкосновенной, а личная жизнь защищается законом от посягательств на нее со стороны других граждан и государства.

Первой и наиважнейшей из демократических ценностей является свобода. При этом однозначной трактовки этой категории нет. Одни понимают ее как возможность делать все, что заблагорассудится. Другие считают, что индивидуальная свобода должна быть ограничена рамками интересов других членов общества. Некоторые цивилизации, например, китайская или арабский мир, вообще не знали либерального толкования свободы как независимости личности от общества и государства. Культуры этих народов понимали социальную справедливость в условиях естественной общественной и политической иерархии как заботу старших о младших, соблюдение юридических законов и морально-нравственных норм социального общежития, воспитание через поощрение и наказание.

Поскольку в современном мире большинство людей, не раздумывая, поменяли бы политическую свободу, по большей части являющуюся виртуальной декларацией, на стабильное, безопасное и материально обеспеченное существование, то провозглашение свободы в качестве наиболее важной общечеловеческой ценности является весьма сомнительным с точки зрения обоснования демократии в целом. Кроме того, в реальной жизни свобода, в первую очередь политическая, подменена на диктат большинства над мнением личности, по сути, тиранией большинства над меньшинством.

Поэтому единственным аспектом свободы, доступным всем гражданам, остается право участия в выборах власти. Однако и эта безусловная ценность демократического общества не является необходимой для всех членов общества. Значительная его часть вообще никогда не принимает участия в выборах, оставаясь безразличной к институту политической свободы в форме волеизъявления на выборах. Это обусловлено тем, что жизненно важные интересы людей лежат вне политического процесса, а их достижение никак не связано с демократией. Большая часть людей не видит личной пользы от реализации своих прав и свобод. Более того, в ряде случаев эта свобода может напрямую препятствовать их реализации.

Да и сам механизм подчинения меньшинства большинству может быть использован для ограничения индивидуальной свободы. Так произошло в ходе демократической процедуры передачи верховной власти в Веймарской республике Гитлеру.

«Общечеловеческие ценности» не всегда и не всеми народами принимаются в качестве общечеловеческих. Существуют многочисленные культуры, в которых народ не рассматривает подобные ценности в качестве необходимых атрибутов социальной справедливости и собственного счастья. В таких государствах и целых этнических объединениях подобные ценности могут быть не только бессмысленными, но и нежелательными, поскольку они противоречат традиционной культуре народов.

В целом, политическая свобода имеет невысокую значимость для большинства населения, поэтому представляется сомнительным ставить ее в качестве ценностного обоснования социальной справедливости.

Другое направление ценностного обоснования демократии состоит в ее отождествлении с равенством и социальной справедливостью. Но и эти понятия людьми, в том числе учеными, трактуются неоднозначно.

Всеобщее равенство можно рассматривать как предоставление всем людям одинаковых шансов на достижение поставленных ими жизненных целей. И этот же тезис можно трактовать как равноправное пользование всеми благами, созданными обществом, всеми его членами в одинаковой степени.

Еще один подход состоит в предоставлении таких благ пропорционально труду на общую пользу. Но люди изначально не могут иметь равных шансов на успех в жизни, а блага никогда и нигде не распределялись между ними справедливо, поскольку распределяющий всегда имеет возможность взять себе больше. При этом, очень часто уравниловка более несправедлива, чем неравенство, поскольку люди трудятся на благо общества в разной степени. Лозунг социализма «От каждого – по способностям, каждому – по труду» был провозглашен, но так и остался лозунгом, поскольку человек слаб и часто пытается обмануть общество, преувеличивая собственные заслуги перед ним, а также стремясь получить побольше прав и привилегий.

Поэтому демократия, с точки зрения обеспечения всеобщего равенства и социальной справедливости, есть в большей степени формальное, юридическое установление этого принци-

па, никогда не реализовывавшегося на практике. Попытки развитых стран, в первую очередь США, «осчастливить» весь остальной мир институтами свободы, равенства и социальной справедливости выглядят по меньшей мере сомнительными, а в большей степени подозрительными и похожими на ширму в достижении геополитических целей.

Сами западные теоретики демократии признают очевидность противоречия между свободой и равенством. Попытки разрешения этого противоречия предпринимаются постоянно. Тот же Юрген Хабермас пишет: «Нормативная напряженность связей между равенством и свободой может быть разрешена только тогда, когда мы отказываемся трактовать принцип народного суверенитета в духе сугубой конкретности» [5]. Получается, что народная воля носит отвлеченный, абстрактный характер. На практике это теоретическое положение философа подтверждается полностью, поскольку конституции демократических стран всего лишь декларируют, но редко обеспечивают практическую волю народа. Ю. Хабермас пытается вывести суверенитет из сферы закона в область дискурса, который должен вестись обществом в ходе принятия политических решений. Он представляется как процесс образования мнений и воли, как процесс, который сам себя дифференцирует. Цитируя Юлиуса Фребеля, Хабермас пишет: «Свободная же воля... должна образовываться из свободной воли всех граждан путем дискуссии и голосования» [5]. Согласитесь, трудно конкретную категорию суверенитета применить к разноплановому политическому процессу в многообразных и постоянно меняющихся условиях.

Другое направление обоснования демократии принято называть рационально-утилитарной группой аргументов. Этот подход состоит в трактовке демократии как наиболее рациональной формы общественно-государственного устройства. Он рассматривает демократию как наиболее эффективную форму правления с точки зрения учета и гармоничного сочетания интересов всех слоев населения и социальных групп. Предполагается, что демократия наиболее динамичная форма реакции на социальные процессы, она позволяет находить оптимальное разрешение проблем и вопросов, возникающих в ходе этих процессов.

Демократия рассматривается как механизм поиска, селекции и отбора наиболее эффективных политических решений при реализации инициатив отдельных лиц, социальных групп и об-

ественных организаций. Демократия органично сочетается с рыночной экономикой, позволяет говорить об открытости общества для любых идей и вариантов решения задач социального развития, избираемых народом. Именно поэтому, с такой точки зрения, демократию нельзя называть ни капитализмом, ни социализмом. Демократия провозглашается открытым обществом.

Это направление в обосновании демократии выглядит перспективным и позволяет взглянуть на вещи более трезво. В первую очередь, это обусловлено тем, что в рамках такого подхода проще дать реальную оценку той или иной демократической системы.

С точки зрения рациональности демократии как политической системы, формы государственного устройства можно говорить об ее адекватности применительно к естественному стремлению человека самостоятельно решать свою судьбу, принимать участие в разрешении общественных проблем. Но мир построен иерархически, поскольку никакое управление, в том числе и государственное, невозможно без установления соподчиненности элементов систем, к числу которых относится и общество. Поэтому речь может идти лишь о рациональном сочетании принципа иерархии с определенной степенью свободы граждан, ограниченной общественной необходимостью.

Самый близкий пример установления такой общественной необходимости можно привести на примере США после террористических актов 11 сентября 2001 года (сейчас модно ссылаться на этот пример, однако, каждый автор трактует события по-разному). Мы же укажем, что в целях обеспечения общественной безопасности демократические права и свободы были ограничены настолько, что от них остался лишь институт выборов. Было ограничено право на тайну переписки и электронного информационного обмена – спецслужбы получили право их проверки. Отменена неприкосновенность жилища – те же спецслужбы получили возможность обыскивать их даже в отсутствие владельца, причем, без санкции суда. Резко ограничена информация в средствах массовой информации – государственный департамент в ходе ежедневных брифингов устанавливает политику информирования граждан о событиях в мире и в стране. Личный досмотр поголовно всех пассажиров самолетов прямо нарушает юридический принцип презумпции невиновности.

Кстати, возвращаясь к ценностному варианту обоснования

демократии, на этом же примере можно проиллюстрировать ничтожность основного института прав человека – неприкосновенности частной собственности, ее идеализации, а также социальную установку на достижение в жизни материального благополучия. В индивидуальном и общественном сознании американского общества небоскребы-близнецы были увязаны с символами могущества и процветания Америки. Когда эти небоскребы рухнули, то погибли не только люди. Произошел явный сбой в психике огромного числа людей, общества в целом. Фактически, оно погрузилось в кому, и только ценой огромных усилий по подъему патриотических настроений, являющихся традиционными для народа США, удалось вывести население из этого состояния и предотвратить панику.

На основе этого примера можно утверждать, что материальные символы не могут обеспечить устойчивое положение общества. Таковыми могут быть лишь истинно духовные идеалы, которыми всегда славилась Россия. Но и она в ходе реформ все глубже погружается в омут стяжательства и эгоцентризма.

Рационально-утилитарное обоснование демократии содержится в системных теориях (Н. Луманн, К. Дойч и др.) [1]. Системные теории рассматривают демократию в качестве наиболее рациональной формы государственного правления не с точки зрения гуманистических ценностей, а как наилучший способ адаптации к внешним условиям, возможность сохранения и развития наилучших социальных условий для граждан. Такая теория выделяет в числе признаков демократии реализацию следующих основных принципов государственной организации.

Плюрализм мнений – основной принцип, обеспечивающий многообразие интересов различных групп и социальных слоев населения. По теории, этот принцип способен обеспечить представление на политическом поле всего спектра таких интересов с тем, чтобы общество могло осуществить правильный выбор, произвести синтез разнородных интересов путем оптимального сочетания интересов различных групп.

Наличие оппозиции позволяет объединиться меньшинству во имя защиты своих интересов, выдвинуть альтернативы, выявить слабые стороны мнения большинства и, таким образом, найти более рациональное решение.

Сменяемость власти – парламента и правительства – дол-

жна способствовать исправлению ошибок предшественников, гибкому реагированию на новые вызовы в международных отношениях и на изменения во внутренних делах государства.

Демократическое соучастие – участие в политическом процессе всех заинтересованных политических партий и общественных организаций, ассоциаций граждан – позволяет представить весь спектр общественных мнений по актуальной проблеме, требующей своего разрешения, выбрать наиболее приемлемое.

Однако системные обоснования демократии подвергаются критике ученых, ратующих за общечеловеческие ценности, гуманизм и нравственные императивы осуществления власти.

Модель личности как политически активной человеческой единицы, заинтересованной в участии в политическом процессе, в соблюдении традиционных для демократии прав и свобод, является подходящей, в основном, для западной цивилизации. При этом следует отметить, что эта цивилизация, так и называющая себя – «цивилизированный мир», на деле пренебрегает интересами целых народов, их традиционной культурой и общественными устоями, сложившимися на протяжении многих тысячелетий. Находясь на более высоком уровне экономической, вооруженной мощи и технологического развития, эта цивилизация сама отвергает ею же провозглашенные принципы уважения прав других людей – национальную, расовую и религиозную терпимость, принцип компромисса в разрешении противоречий, – сводя их разрешение к экономическим санкциям, политическому и моральному нажиму, а в последнее время, и вовсе, к бомбежкам суверенных держав.

Другим системным возражением системной же модели подхода к обоснованию демократии может служить достаточно распространенное мнение многих ученых-антропологов о том, что человек есть существо противоречивое и опасное, готовое к вырождению и лишь частично разумное. Многие народы привыкли к патерналистическому ограждению самих себя от собственных агрессивных инстинктов и эгоистических устремлений, к властному ограничению со стороны государства [1].

Поэтому демократия может иметь преимущество при наличии определенных предпосылок. К таким предпосылкам можно отнести готовность народа к индивидуальной свободе при наличии чувства социальной ответственности за принимаемые решения, способность большинства граждан к самоограничени-

ям и к уважению прав и интересов сограждан, привитое с детства чувство уважения к закону. При таких условиях демократия действительно способна создать определенные условия для динамичного социального развития, реализации провозглашенных демократических ценностей: свободы, равноправия, справедливости, творчества.

Реализация этих идей возможна только тогда, когда будет существовать надежный механизм контроля над властью и ограничения общества от ее деградации, в результате которой возникает произвол в отношении индивидуальной свободы граждан, их творческого начала и самовыражения. И одной из форм реализации идеалов социальной справедливости может быть именно демократия. Немного забегаая вперед, все же отметим уже сейчас, что демократия уместна там, где ее механизм наиболее эффективен и не позволяет использовать себя для манипуляции общественным сознанием в целях достижения корыстных интересов отдельных социальных групп и кланов. Она хороша при рациональном сочетании с другими способами государственного управления, в том числе, на основе жестких механизмов вертикали государственной власти.

Современные западные политологи классифицируют демократию по-разному. Одни сводят различия к традициям (Ф. Лово) [10] и выделяют демократию западную (либеральную) и восточную (марксистскую), другие выделяют президентскую, парламентскую, а иногда полупрезидентскую (полупарламентскую) демократии. С точки зрения механизма народовластия большинство политологов выделяют прямую, полупрямую и представительскую формы демократии. Кроме того, демократии можно разделить на идентитарные и конкурентные. Существуют и просто волюнтаристские классификации, например, американских политологов. Они считают, что есть демократия полная, к которой они относят режимы США, Великобритании, Франции, Австралии и т.д., и демократия ограниченная, например, в таких странах как Мексика, Египет, Индонезия, Чили, Бразилия, Аргентина и т.д.

Ряд политологов предлагает выделять демократии по структуре партий в обществе. В этом случае существуют демократии двухпартийные (США, Великобритания), многопартийные (большинство европейских стран, например, в Нидерландах – 14 партий) и с доминированием одной партии (например, Испания).

Американская методика определения степени «демократичности» страны сводится к анализу следующих признаков государства:

- партийные системы;
- система формирования правящих групп (самовыдвижение, партийное назначение, демократические выборы);
- уровень реализации прав и свобод граждан;
- характер конституционного ограничения власти и правительства;
- вертикальная подвижность общества с уклоном к социальному и экономическому равенству;
- доступ в общественные учреждения (свободный, ограниченный);
- свобода печати (полная, неполная).

Таким образом, существуют различные способы толкования демократии в целом, а также многочисленные теории демократии, отличающиеся друг от друга не меньше, чем одна форма государственного правления от другой. Демократия имеет собственные признаки и критерии, которые позволяют идентифицировать ее как самостоятельную форму государственного правления, однако, для реальной оценки положения общества следует проводить глубокий системный анализ по сопоставлению провозглашенных юридических институтов и системы власти со степенью их практического воплощения в жизнь.

В настоящей работе рассмотрены основные теории демократии, в основном современные, в той или иной степени реализованные в практике государственного правления. Мы не придумали здесь ничего нового, а лишь свели в единую систему различные взгляды, распределили их по группам на основе общих черт и дефиниций. Мы будем рассматривать виды и модели демократии с точки зрения ее институтов. К таким институтам следует отнести институты прямой и представительской демократии, организацию законодательной, исполнительной и судебной власти, институт права, политические партии, средства массовой информации, систему местного самоуправления, федерализм (для многосоставных обществ). Перечисленные институты базируются на принципах демократии, реализуемых в технологиях и процедурах. К ним относятся: выборы органов власти, голосование, плебисцит, референдум, делегирование полномочий, переговоры, компромисс и некоторые другие.

Такой подход поможет глубже уяснить существо демократии, разобраться с возможностью использования этого механизма социальной справедливости применительно к российским условиям. Кроме того, мы, безусловно, ставим заслон профанации категории демократии некоторыми нашими политическими силами, пытающимися на привлекательности ее идей повысить свой рейтинг среди избирателей и достичь корыстных экономических целей путем политических манипуляций.

Перейдем к рассмотрению видов демократии.

Часть I

Идентитарные демократии

Идентитарной, или Всеобщей, или Коллективистской является демократия, основанная на понимании народа как единого целого, слившегося добровольно в некий единый организм, где каждый отдельный человек является его членом, принужденным исполнять всеобщую волю. Идентитарные демократии были распространены, в основном, в древнем мире, в частности, в античной Древней Греции, в Древнем Риме, а также в вечевых республиках Древней Руси. Концепции идентитарной демократии нашли свое развитие в учении французского мыслителя Жан-Жака Руссо.

Современные концепции идентитарной демократии основаны на критике либеральных идей разделения общества по критериям «публичное» и «частное». Они исходят из целостности народа, нации, наличия у него единой воли еще до ее публичного выражения.

1.1. Античные демократии

Мы надеемся, что читатель достаточно хорошо знаком с историей государства и права, в которой вопросы античных учений о демократии изучаются достаточно основательно. Поэтому мы не будем утомлять его пересказами и остановимся лишь на самых главных мыслях древних философов и политиков. Это нужно для того, чтобы глубже понять, с чего все начиналось и как задумывалось, а также, что из этого вышло.

Наиболее ранние упоминания о демократии как о форме государственного правления приходятся на период Древней Греции, начиная со второй половины V века до н.э. В истории этот период известен также под названием золотого века или «века Перикла», по имени одного из вождей и философов Древней Греции. Первичной идеей демократии была идея просвещения и обучения широких масс мудрости, и этим практически занималась школа софистов (софос – мудрый). Именно знания, степень развития ума служили критериями, по которым отбирались кандидаты на государственные должности. К виднейшим софистам старшего поколения принадлежат Протагор, Горгий, Гиппий и Антифонт.

Протагор обосновал собственную теорию происхождения общества, согласно которой первобытные люди отличались от животных лишь умением обращаться с огнем, которому их научил Прометей. Людям было неизвестно умение жить в обществе. Как только люди собирались вместе, сразу же начинались споры и раздоры. Тогда боги наделили людей качествами стыда и правды, и каждый из людей стал причастен к справедливости и политическому искусству. Протагор утверждал, что никакое государство не устоит, если политическим искусством будут владеть немногие

Понятие социальной справедливости в учениях старших софистов трактуется относительно условий деятельности человека и его положения в социальной иерархии и отрицает наличие единого, абсолютного блага для всех. Такой подход получил название этического релятивизма. Старшие софисты развивали учение о законах, отводя им роль критерия высшей справедливости, на которую не может претендовать ни один человек. По мнению Протагора, закон есть выражение согласованной взаимной справедливости. В этой трактовке закон представляет собой особую форму общественного договора, совместно установленного всеми гражданами.

Но уже в то время появились критические высказывания в адрес подобной трактовки социальной справедливости. В частности, Антифонт указывал, что законы искусственны и произвольны, в то время как в природе все происходит само собой, по необходимости. В развитие критики Антифонта, один из младших софистов, Алкидамант, указывал, что «Бог сделал всех свободными, природа никого не сделала рабом» [12].

В IV веке до н.э. идеи демократии развили и продолжили ораторы во главе с Демосфеном. В своих речах они критиковали

софистов за их поверхностное отношение к философии, подчеркивали идею равенства граждан, неизбежность закона, и, что весьма существенно, защищали права собственников, указывая на положительную роль богатства в государственной жизни [12].

Много позже эти идеи легли в основу политико-правовых учений эпохи Возрождения и периода буржуазных революций в Европе.

Но мы не можем обойти таких столпов мировой истории человеческой мысли, как Платон (427-347 гг. до н.э.) и Аристотель (384-322 гг. до н.э.). В своих диалогах, в частности, в диалоге «Государство» [13] Платон рассматривал государство как единство трех сословий – правители-философы, воины и земледельцы с ремесленниками – в рамках общежительства людей. Такое сословное деление населения философ обосновывал как условие прочности, устойчивости государства. При этом самовольный переход в высшее сословие не допускался – каждый обязан заниматься своим делом, будучи искусен в своем ремесле.

Платон считал, что «пока в государстве не будут царствовать философы, либо, так называемые, нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать, до тех пор государство не избавится от зол». При этом форма осуществления власти могла быть как монархической, так и аристократической.

Однако платоновские идеи не прижились на практике, поскольку его слова: «прежде всего, никто не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости; затем ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступ всякий желающий» вряд ли могут понравиться собственникам и рабовладельцам (там же).

Платон установил круговорот превращений форм государственного правления. Аристократия мудрых сменяется на власть частных собственников при чрезмерном наращивании своей собственности. При этом свободные земледельцы постепенно становятся рабами (ср. с ситуацией в российском Черноземье, где крупные собственники приватизировали землю, а крестьян превратили в наемных работников, отняв у них землю в обмен на «акции»). По Платону, государство превращается в тимократию, господство сильнейших воинов. По теории, применительно к античности, подобное государство должно постоянно вести войны.

В современных российских условиях классическая вооруженная борьба заменяется войнами технологичными – инфор-

мационными, финансовыми, торговыми, а также банальным отстрелом собственников-конкурентов с целью передела сфер влияния и рынков сбыта.

В ходе накопления богатства появляется новая высшая общественная прослойка – олигархия, которая захватывает власть, отстраняя от участия в управлении народные массы. По платоновской модели, олигархическое государство должны раздирать клановые войны.

Социальная несправедливость не может продолжаться долго, и власть олигархии сметается народным восстанием. Воздвигается демократия – народоправство, сопровождающееся пьянящим чувством свободы. В результате своеволия и безначалия чрезмерная свобода вырождается в свою противоположность – тиранию и рабство.

Основной причиной смены справедливых форм государственного правления на несправедливые философ считал порчу человеческих нравов. Такое его мнение осталось актуальным и поныне.

Ученик Платона, Аристотель, продолжил размышления своего учителя на тему справедливого государственного устройства. Его взгляды на этот счет изложены трактатах «Политика», «Никомахова этика» и «Афинская полития» [14]. Методологическую основу взглядов философа на политико-правовую сферу составляла предустановленная в природе цель, которая распространялась и на человеческое общество. Социальные явления, в том числе собственность, рабство рассматривались им как естественные и предустановленные природным порядком явления.

Применительно к происхождению и природе государства Аристотель говорил: «Государство не есть общность местожительства, оно не создается для предотвращения взаимных обид или ради удобства обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо, но даже и при наличии всех их, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни.... Государство – это общение подобных друг другу людей ради достижения возможно лучшей жизни».

Симпатии Аристотеля были на стороне созданной им политики – смешанной формы олигархии и демократии. При этом в государстве должна преобладать собственность средних размеров (вот, где корни учений о среднем классе), что позволяет све-

сти к минимуму противоречия между богатством и бедностью и гарантировать «самодостаточность семей».

Любопытно трактовал мыслитель и справедливость. Он разделял ее на два вида. С одной стороны он видел уравнивающую справедливость, затрагивающую отношения обмена и имущественные наказания, перед которыми все лица были равны. С другой стороны он выделял справедливость распределяющую, при которой воздаяние учитывало социальный статус гражданина, его заслуги перед обществом. Более того, по мнению Аристотеля, самой аристократии, обладающей «избытком добродетели», законы не нужны.

Политические учения периода Древней Греции завершаются «Историей» Полибия в сорока книгах (ок. 200-100 гг. до н.э.) [15]. Здесь также имеется описание круговорота политических форм власти. Монархия – единоличное правление, основанное на разуме, разлагаясь, переходит в тиранию.

Тиранов свергают благородные мужи при поддержке недовольного народа. В результате устанавливается аристократическая форма правления. Аристократия вырождается в олигархию, используя власть для стяжания и наживы. Этим своим поведением олигархи возбуждают толпу, что неизбежно приводит к смене власти, а с ней и формы правления. Народ берет власть в свои руки – воцаряется демократия, постепенно вырождающаяся в охлократию, власть черни, толпы.

«Тогда водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца» [15].

Для преодоления этого порочного круга требуется мудрый правитель, способный установить равновесие в государстве. В целях обретения равновесия Полибий предлагал использовать смешанные формы правления по примеру Спарты, Карфагена и Крита. Особенно он выделял Римское политическое устройство, в котором были представлены:

- монархия – консулат;
- аристократия – сенат;
- демократия – народное собрание.

Равновесием этих трех властей мыслитель объяснял могущество Рима, покорившего «почти весь известный мир», и его государственную устойчивость. В идеях Полибия содержится

прообраз современной концепции «сдержек и противовесов», распространенной в некоторых демократических странах и, в первую очередь, в США.

Идеи древнегреческих мыслителей были развиты и продолжены в учениях древнеримских политических и общественных деятелей. Цицерон (106-43 гг. до н.э.) признавал равенство всех людей от природы и возможность достижения мудрости любым человеком, получившим соответствующее образование. Частная собственность возникает не от природы, но в результате давнишнего завладения, войны, либо закона и соглашения [16]. При этом само государство держится на кредите, т.е. на собственниках.

Цицерон вводит термин *res publica* – дело народа, где под народом понимается «соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов». При этом право является определяющим началом государства. Здесь уже, в отличие от аристотелевской трактовки, государство является не столько моральным общением свободных граждан, сколько правовым сообществом. Эти взгляды легли в основу учений о правовом государстве, где и лежат по сию пору.

В дальнейшем воззрения Цицерона получили развитие в деятельности римских юристов, но мы не будем утомлять читателя повторением теории государства и права, которое он изучал в любом из существующих вузов в России или, более старший читатель, в СССР.

Мы также не можем обойти своим вниманием и учения раннего христианства в сфере общественного устройства, поскольку они прямо относят нас к демократическим идеалам. В I-II вв. н.э. христианство существенно отличалось от последующих церковных учений и правоустановлений. Христиане обособились от социального зла, воцарившегося в Римской империи, затворившись в христианских общинах. В ходе дискуссий об оставленных Спасителем Заветах была преодолена идея богоизбранности отдельных народов, и провозглашено равенство всех верующих независимо от национальности (христианство Св. апостола Павла).

Жизнь в общинах была основана на демократических принципах: не было частной собственности, все свое имущество члены общины отдавали на общее благо. Все трудились наравне, многочисленного духовенства пока не существовало, как не было и сложных обрядов, и богослужений. Между общинами поддерживали связь апостолы, ученики Иисуса Христа, которые не имели

никаких привилегий. Они находились на пищевом довольствии общины несколько дней, после чего либо шли проповедовать учение Божье в другие общины, либо трудились наравне со всеми.

Нравственные установки, провозглашенные в десяти заповедях Господних, были настолько привлекательными для людей, а вера была так сильна, что к середине II века христианские общины распространились по всей огромной территории Римской империи. В их лоно потянулись не только бедные и угнетенные слои населения, но и выходцы из богачей и аристократии, которые искали свободу, в первую очередь, свободу духа, и пути нравственного совершенства.

Надо сказать, что подобные нравы были распространены не только в Римской империи, но и в Америке, тогда еще не открытой. Это засвидетельствовали испанские конкискатодоры, которые весьма удивились порядкам, царившим в племенах ацтеков, инков и майя. Правитель трудился на маисовом поле рядом со всеми и исполнял обязанности царя, вождя «в свободное от основной работы время».

В заключение отметим, что современная молва создает вокруг античных демократий ореол романтичности, воспевает эти времена как царство добра и справедливости. Но вот что писал Гюстав Лебон об этих временах: «Греки, которые, по мнению невежественных краснобаев, наслаждались такой свободой, в действительности были подчинены игу общественного мнения и обычая. Каждый гражданин был окружен сетью безусловно ненарушимых верований: никто не смел и думать об оспаривании общепринятых идей и подчинялся им без протеста. Греческий миф не знал ни религиозной свободы, ни свободы частной жизни, ни какой бы то ни было свободы вообще» [17].

На этом мы ограничиваем раздел об античной демократии.

1.2. Традиционная Русская народная демократия

Сложившееся, не без постороннего вмешательства, общественное мнение в мире, да и в России, отождествляет демократию с античностью и западными традициями. Так, по мнению одного из наиболее авторитетных политологов современности Сэмюэля Хантингтона, «демократия, рожденная в лоне западной

цивилизации, постепенно распространяется по всему миру» [18]. Советская идеологизированная историческая наука также не поддерживала теорию о традиционном укладе общественной жизни на Руси, характеризовавшемся, в первую очередь, традициями истинной, неискаженной природной демократии и социальной справедливости.

Современные историки, которые ведут свои кропотливые исследования не на зарубежные гранты и подаяния с целью извращения исторических сведений, обоснованно показали, что эти традиции имели место в обычае русского народа Древней Руси X-XIII веков. Были они возрождены и позже, уже после татаро-монгольского ига и становления монархии в России.

В доказательство этого нашего утверждения мы приведем некоторые строго научные источники, не ангажированные нашими недоброжелателями.

Особенностью древнерусской государственности являлся тот факт, что носителем публичной власти и ее источником выступала городская община. Эту государственность историки именуют вечевыми республиками, не знавшими представительных форм народной власти, в которых демократия носит прямой и непосредственный характер.

Это позволяет утверждать, что политический строй Древней Руси можно характеризовать как демократический [19, 20]. Города-земли домонгольского периода представляли собой вечевые республики, где в делах государственной власти и управления участвовали самые широкие общественные силы. Особенностью являлось то, что решение старшего города было обязательным для подчиненных городов и для всей волости. «Новгородци бо изначала и Смоленяне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вече сходятся; на что же стареишии сдумають, на томь же пригороди стануть» [21].

Приведенный текст становился предметом неоднократных исследований и интерпретировался разными исследователями по-разному. Сторонники раннего утверждения на Руси феодально-монархического строя считают, что в данном документе говорится о представителях знати – князьях и боярах Новгорода, Киева, Смоленска и др. городов, которые собираются на думу или вечевой совет, решая все за простых людей [22].

Неосновательность подобных интерпретаций убедительно показал И.Я. Фроянов. По его мнению, выражение «власти»,

употребляемое летописцем, в данном случае есть всего лишь неполногласная форма слова «волости». Это многократно встречается как взаимозаменяемая форма в древнерусских текстах («вся власти» – все волости) [23].

Другие исследователи разрабатывают теорию «дружинного государства» в Древней Руси, выделяя княжескую дружину в отдельный правящий класс. По мнению таких авторов, например, Е.А. Мельниковой, «переход от родоплеменного к классовому (феодалному) обществу в Восточной и Северной Европе... осуществлялся через несколько последующих типов социально-политических систем: вождество, являвшееся еще догосударственным образованием, дружинное государство, в котором потестарные структуры представлены военной организацией, и раннефеодалное государство» [24].

Такая точка зрения не находит своего подтверждения в других исследованиях [25, 26, 27]. Показано, что нет никаких оснований считать древнерусскую княжескую дружину институтом феодального общества. Она никак не нарушала доклассовой социальной структуры. Более того, наряду с княжеской существовали дружины и в общинах, в том числе, подчиненных городов. К такому выводу в свое время пришел Н.М. Карамзин [19, 151].

«Эти профессиональные военные дружины, находившиеся на содержании общин, не уступавшие в военном мастерстве и сноровке дружинам княжеским, являлись ударными подразделениями ополчений («воев»), повышавшим и боеспособность народного войска», – считает И.Я. Фроянов [28]. Эти и множество других сведений показывают многозначность понятия «дружина». Они не допускают применения его в узком, классовом, контексте и свидетельствуют о тесной связи дружин с общинной средой.

Существуют также предположения о том, что в состав веча входила лишь знать, крупнейшие феодалы, поэтому оно не было народным собранием, см., например, [29]. Этот исследователь считает, что число участников веча составляло «300 золотых поясов», о которых говорит немецкая грамота 1331 года. При этом якобы вся территория Древнего Новгорода состояла из боярских усадеб, владельцы которых и осуществляли власть в городе.

Такие утверждения основаны, в основном, на неверном определении расположения княжеского двора. Анализ многочисленных источников показывает, что «Ярославов двор» располагался не к западу, а к юго-востоку от Никольского собора, а на этой территории могло свободно уместиться несколько тысяч чело-

век. Искусственно занижена и численность подворий Новгорода в исследованиях В.Л. Янина.

Итак, древнерусская государственность включала три основных института власти: вече, князя и боярскую думу. При этом вече – верховный орган власти – не являлось парламентом, состоящим из наделенных соответствующими полномочиями народных представителей. В нем имел право участвовать любой гражданин, любой член общины, своим голосом оказывая влияние на все принимаемые решения. Хотя практика и традиция состояла в том, что в деятельности веча принимал участие глава семейства или старший из числа нескольких домов. На вече принимали решения за себя и за своих «детей, физически вполне взрослых, но не достигших еще гражданского равноправия» [30].

«Вече есть общеземская власть, необходимая для решения земских дел общей волей князя, бояр и народа» [31], поэтому оно носило общенародный характер.

Сфера компетенции веча охватывала политические, административные, судебные, военные и финансовые вопросы. Вечевые постановления принимались на основе консенсуса, общего согласия, хотя порой этот консенсус достигался в ходе жарких дебатов и острой борьбы мнений. В этой связи большую роль в процедуре веча играли лидеры общин, которые убеждали своих сограждан в необходимости принятия того или иного решения. Они убеждали рядовых общинников в необходимости учета государственных интересов, и это было, по сути, воспитание масс, убеждение людей в приоритете общегосударственных интересов над интересами личными и групповыми (как нам сегодня не хватает такого института воспитания масс и, в первую очередь, нашей «славной» элиты). Однако окончательное решение оставалось за рядовыми участниками вечевого собрания, что свидетельствует о демократических началах древнерусской государственности.

На Древней Руси считалось, что любое принуждение при принятии государственных решений может эффективно исполняться только при согласии с ним народа, общенародном одобрении, поэтому никакого голосования никогда не было, как не было и подчинения меньшинства большинству [32].

Вот, где находятся корни нашей законодательной неэффективности. В крови народа, в его генетической памяти имеется противление насилию, особенно интеллектуальному и духовному. В России ни один закон не будет исполняться простыми гражданами.

данами, да и самой элитой, принявшей его, если нет внутреннего убеждения в такой необходимости, если он не обоснован и не нашел одобрения у широких народных масс. Исключение этих масс из политического процесса есть предпосылка разрушения основ российской государственности.

Также чуждой для русской государственности является и конкурентная борьба между различными общественными группами и социальными слоями – слишком велика энергетика, заложенная в свободолобивом духе нашего народа. Поэтому такая конкурентная борьба разрушительна для всех сторон политической борьбы, а консенсус, как итог борьбы, достигается в редких случаях, да и то на короткое время. И здесь весьма уместно привести евангельскую истину: «Царство, разделившееся в себе, не уцелеет, и дом, разделившийся в себе, не устоит», которая получила убедительное подтверждение в современности на примере Югославии. Она же грозит воплотиться в реальность и в России.

Вторым институтом государственной власти в Древней Руси был князь. Положение князя раскрывается двояко. С одной стороны, он – представитель высших слоев, где он – первый среди равных. И это не могло не накладывать отпечаток на его деятельность. Князь, в определенной мере, представлял интересы знати. Но, с другой стороны, система политической власти была устроена таким образом, что влияние знати было весьма ограниченным, а князь был вынужден вести такую политику, которая отвечала бы интересам широких слоев простонародья. В противном случае ему не усидеть на своем месте, поскольку князь назначался и снимался вечами.

Князь был главой земского войска, которое строилось на принципах единоначалия, и здесь его власть была наиболее концентрированной. В других общественных делах – законодательных, судебных, административных и даже дипломатических – князь и городская община составляли части единого механизма демократической власти.

До нашего времени дошли памятники права XI–XIII веков – «Правда Ярослава», «Правда Ярославичей», «Устав» Владимира Мономаха, церковные уставы и т.д. Они свидетельствуют о том, что законотворчество «не являлось сугубо частным делом князя или его ближайшего окружения. Древнерусское земство через своих представителей тоже имело отношение к созданию судебных сборников» [28].

Приобретение стола и успех государственного правления были тесно связаны с поддержкой такой деятельности князя со стороны городской общины. Община заключала с князем договор, «ряд на всей своей воле», нарушение которого вело к изгнанию князя. Наиболее обстоятельно и полно данный вопрос исследовался в до-революционный период в Российской империи (см. труды М.Ф. Владимирского-Буданова, М.С. Грушевского, В.О. Ключевского, М.В. Довнар-Запольского, С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова и др.).

Но и в советский период истории признавали значительное влияние народа на политический процесс в Древней Руси. «Летописи пестрят указаниями на вмешательство горожан в политические дела. Горожане сажают на княжеский стол своих кандидатов или, наоборот, отказывают им в помощи. На городских площадях разыгрываются бурные сцены, и княжеская власть отступает перед разъяренными народными массами» [33].

Именно здесь часто использовалась мощь общинной городской дружины, земского войска, объединявшего боеспособное население волости, которое отстаивало демократию и справедливость на городских площадях. Ведь без согласия веча князь не мог провести мобилизацию войска и имел в своем распоряжении лишь ограниченную собственную дружину, численность которой могла составлять от нескольких сотен до двух трех тысяч человек.

Задолго до введения в практику западных демократий импичмента, на Руси существовал институт общенародного (вечевого) суда над князем, нарушившим договор, допустившим злоупотребления и, уж тем более, совершившим преступление. Спектр наказаний был невелик: обычным было изгнание из города или заключение под стражу.

Поэтому мнение некоторых историков об абсолютном характере княжеской власти в Древней Руси явно преувеличено. Западная демократическая традиция устанавливает определенный, строго фиксированный срок пребывания лиц во главе исполнительной власти. Древнерусская традиция ограничивает исполнительную власть ее реальной эффективностью. Она могла быть короткой, а могла быть и длительной, все зависело от способностей князя к государственной деятельности и от его добросовестности в исполнении своих обязанностей.

Поскольку высшим органом государственной власти на Руси было вече, то князь представлял собой главу исполнительной, а одновременно, и судебной власти. При этом вече осуще-

ствляло общий контроль над государственной деятельностью князя, не вмешиваясь в оперативные дела и вступая в политический процесс лишь в ходе острых конфликтов.

Третьим институтом общинной государственности Древней Руси была Боярская дума, или совет. Она не имеет четко зафиксированного статуса в писанном праве, однако, ее роль была настолько велика, что не учитывать ее влияние – значит не понимать существа механизма власти и древнерусской демократии. Так, например, великий князь Киевский Юрий Долгорукий хотел передать Киев Вячеславу [19], но «бояре же размолвиша Дюргя рекоуче: «Брату твоему не удержати Киева: да не будет его ни тебе, ни оному. Дюргови же послушавши боярь» [34]. Этот и многие другие документы свидетельствуют о высокой роли боярской думы в государственных делах и в системе политической власти.

Отказ князя от сотрудничества с думой, пренебрежение ее мнением вели к падению авторитета князя в общине в целом, и делом только времени было отстранение такого князя от власти. Так, например, князь Галицкий Владимир Ярославич был изгнан за то, что был «любезнивъ питию многу, и думы не любяшеть с мужами своими» [35].

В.О. Ключевский, автор единственного в отечественной историографии обобщающего труда о Боярской думе, полагал, что она была постоянно действующим органом. «Князю принадлежал выбор советников; он мог изменять состав своего совета, но не считал возможным остаться совсем без советников, мог разойтись с лицами, но не мог обойтись без учреждения» [36].

Длительные споры о статусе Боярской думы не утихают до сих пор, однако, наиболее обоснованным выглядит мнение о том, что этот третий институт политической власти воплощал «аристократическое начало» российской государственности, поскольку боярами, лидерами общин, были действительно лучшие люди земли, общины. Исторические факты свидетельствуют, что князья были обязаны совещаться с боярами, ведь бояре общались со своими общинами и передавали им все сведения о советах у князя и его позиции в отношении учета общественного мнения народных масс, стиль руководства, ошибки и удачи в процессе исполнения власти. Нарушение этого правила влекло для князя самые тяжелые последствия, вплоть до отстранения его от государственной деятельности.

Таким образом, задолго до Джона Локка и Шарля-Луи Мон-

теские на Руси существовало разделение властей в целях демократического ее осуществления в интересах самых широких слоев населения. При этом высшим органом власти было вече – общенародное собрание, представлявшее самые широкие слои населения. Интересы знати, аристократии представляла Боярская дума, частью, сам князь, однако, оба эти органа целиком и полностью зависели от народного волеизъявления.

Эти традиции наиболее близки по духу нашему народу, в первую очередь, русскому, составляющему подавляющее большинство в структуре населения современной России, поэтому не учитывать эти традиции и генетическую память неправильно и недальновидно. Такое игнорирование народных традиций чревато неудачей в осуществлении демократических реформ, поскольку их эффективность может быть основана только на мощной социальной базе, народной поддержке и принятии этих реформ широкими слоями коренного населения России, но отнюдь не прозападными политологами и оппозицией, не имеющими родовых корней в нашем Отечестве.

В XIX веке, в условиях подъема революционного движения против монархизма в России, под влиянием западных теорий о республиканском государственном устройстве традиции русской демократии были возрождены, в первую очередь, в трудах А.И. Герцена, В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского.

Герцен назвал свою теорию теорией «русского социализма». Она основывалась на традициях сельской общины, как готовой ячейки социализма. При этом земля должна была перейти в собственность общины. Государство в целом представлялось демократической социальной республикой, в определенной степени сходной с европейской социал-демократией, в которой сочетался бы принцип прямого народоправства с принципом представительства. Все органы государственной власти должны были быть выборными на основе всеобщего голосования. При этом выбранные органы власти должны были быть подотчетными народу – немаловажный элемент государственного механизма обеспечения демократических принципов народного самоуправления. Процедура волеизъявления народа по важнейшим вопросам связывалась с деятельностью общин, а система государственной власти должна была быть децентрализованной.

Основные идеи В.Г. Белинского отражены в его цитате: «Горе государству, когда оно в руках капиталистов». Белинский

критиковал не только внутренние порядки Российской империи, но и народившиеся европейские республики, называя европейские демократии формальными и пустыми лозунгами.

Н.Г. Чернышевский связывал происхождение государства с возникновением частной собственности. В результате государство, по его мнению, стало обслуживать интересы именно собственников, отодвинув от управления большую часть общества и закрепив имущественное неравенство. Эти идеи легли в основу ленинского учения о классах и классовой борьбе. Чернышевский, как и Белинский, критиковал западноевропейские демократии, справедливо указывая на тот факт, что они обслуживают крупный промышленный капитал. Под огонь этой критики попали и тогдашние европейские либералы, добившиеся принятия красивых по форме законов, но не уничтожившие экономических пут рабства основного числа граждан. Провозглашенные идеи равенства и прав личности уже тогда русскому мыслителю представлялись иллюзорными: «Мало того, чтобы сказать, что ты имеешь право, надобно дать средство, чтобы пользоваться этим правом». По мнению Чернышевского, парламент представлял собой «говорильню», а реальная власть держится на «штыках и картечи».

Как и Герцен, Чернышевский был склонен к общинному землевладению, однако, с большим уклоном в сторону коллективной формы собственности. Эти понятия были расширены и на промышленность, где должна господствовать кооперативная форма собственности.

Идеи государственного устройства у Чернышевского связаны с республикой, выборностью органов власти, народоправством, но под народом понимаются, в первую очередь, угнетенные классы земледельцев, рабочих промышленных предприятий. Большое место в государственном устройстве уделено вопросам организации экономических отношений, которые, по мнению Чернышевского, являются центральным звеном в государстве. В этой связи он предлагал осуществить строгое государственное регулирование производства, всестороннюю поддержку промышленных и сельскохозяйственных товариществ, что должно было привести к экономическому подъему и социальному прогрессу.

Давление, под которым оказалось самодержавие в Российской империи, не прошло бесследно. В 1861 году царь-освободитель Александр I отменил крепостное право. Обычно историчес-

кие комментарии и ссылки на этом завершаются, игнорируется целый ряд реформ крестьянской (а Россия была на 90 процентов крестьянской) жизни, а особенно, их содержание. И мы восполняем этот пробел, очень кратко характеризуя эти реформы применительно к рассматриваемой в нашей книге теме.

В полном соответствии со взглядами Джона Локка о том, что демократия может быть достигнута в рамках различных форм государственного правления, в Российской империи начались преобразования, направленные на внедрение или, если хотите, возрождение в сельском укладе начал самоуправления, читай, демократии.

После реформы 1861 года и вплоть до 1889 года этот институт практически не действовал. Правления волостей и сельских общин попали под гнет и корыстное управление волостных и сельских старшин и старост, по большей части, безграмотных, а те, в свою очередь, оказались в руках писарей-подъячих. Последние известны нам по достоверным описаниям наших писателей-классиков. Они пользовались темнотой крестьянства и использовали вновь созданные структуры в целях наживы. Ниже мы почти дословно приводим материалы, представленные в обзоре деятельности Крестьянских учреждений за 20 лет [37] на примере Курской губернии.

Обзор представляет собой аналитическое исследование практики применения закона от 12 июля 1889 года, принятого с целью «поставить местную власть в подобающее ей и согласное с пользами Государства положение». Над органами местного самоуправления устанавливался Высочайший контроль в лице Непременных членов Губернского Присутствия, Председателей Уездных съездов и Земских Начальников. Это было вызвано тем, что волостные и сельские писари, взявшие местную власть в свои руки, обязанности исполняли крайне плохо в силу своих низких морально-деловых и нравственных качеств, чем уронили престиж института самоуправления.

Избрание выборного состава обуславливалось количеством выставленного на сходах вина, а отнюдь не личными качествами, подготовленностью и знаниями избираемого. За водку, взятки и подлоги старшины и старосты под влиянием дельцов-писарей творили неблагоприятные дела, оканчивавшиеся растратами общественных средств и имущества, застоєм в делах и их полным расстройством (абсолютная аналогия с современностью!).

Волостные и сельские сходы начинались и оканчивались пьянством. Дела вершились группой мироедов и крикунов, всегда за «угощение» и посулы находивших «законное» число голосов, подтверждающих заранее подготовленное решение.

До принятия указанного закона на селе действовал волостной суд, составлявший такую привилегию крестьян, которой не было ни в одном другом сословии. Однако волостные судьи, избиравшиеся сходом в количестве от 4 до 12 для «бессменного в течение целого года отправления своей должности, или для отправления оной по очереди, заранее установленной сходом», не приводились к присяге. Они избирались без предъявления, каких бы то ни было требований, в том числе, по грамоте. Вознаграждение своей деятельности судьи получали по решению схода, и не было председателя суда. Не существовало процессуальных правил, и в делах о гражданской подсудности суд распоряжался «по совести и местному обычаю». В судебной практике обычаем был «могарыч», который еще в дореформенном суде составлял самое главное доказательство правоты одной из сторон.

Вновь введенный законом 12 июля 1889 года институт контроля над местной властью позволил резко изменить положение. Пьяный старшина и злой гений крестьян подъячий-лихоимец-писарь отошли в область преданий. Согласно Временным правилам был введен ряд мер, направленных на повышение качества волостного суда: судьями избирались лица, владевшие грамотой, сроки исполнения обязанностей судей повысились до трех лет, судей стали приводить к присяге, а из их числа избирался председатель. Судейские должности оплачивались из казны.

В ведении местного самоуправления находились вопросы хозяйственной и культурной жизни, управления распределением общинных доходов, призрения местных сирот и установления опеки над потерявшими родителей детьми, а также сохранения их имущества до наступления совершеннолетия и ряд других вопросов. Деньги общины расходовались только по приговору общины, но Земские Начальники осуществляли обязательный контроль над такими решениями, с тем, чтобы они в буквальном смысле не пропивались.

Надо особо подчеркнуть тот факт, что деспотическое и одиозное, по описаниям наших «историков» и партийных лидеров прозападного толка, царское правительство прекрасно осознавало (в отличие от современных реформаторов), что никакие

реформы и местное самоуправление невозможны без его финансового обеспечения. В подтверждение этого факта мы приводим некоторые цифры из этого же источника [37], характеризующие финансовое обеспечение демократических институтов в условиях монархической формы правления и самодержавия.

Основным источником дохода волостных и сельских общин были мирские сборы по разверстке между всеми домохозяевами. Хотя были в их составе и поступления от казны, а также пожертвования частных лиц (0,4% от общих поступлений). По Курской губернии общая сумма этих доходов превышала 2 млн. рублей, что составляло около 90 копеек на десятину крестьянской земли. Много это или мало? По разным, самым осторожным оценкам рубль 1900 года соответствует 20-25 современным долларам США. Поэтому 2 млн. рублей составляют примерно 40-50 млн. современных американских долларов. Мечтают ли наши «муниципалы» о таких суммах?

Средства общины расходовались на содержание аппарата самоуправления (48,8% для волостей и 20,8% для сельских органов), образование (4,9 и 10,3% соответственно для волостных и сельских органов). Показательны и расходы на религиозные потребности. В сельских общинах на них тратилось 13,8%, но 0,3% расходовалось и из волостных средств. В сельских общинах значительная доля – 19,1% – тратилась на сельскохозяйственные расходы. Были и другие расходы – на медицинское и ветеринарное обслуживание, наем пастухов, содержание пожарной части, содержание дорог и т.д.

Община давала ссуды своим членам, но только тем, кто действительно в них нуждался.

В абсолютных цифрах картина по Курской губернии выглядит следующим образом. С 1 сентября 1890 года по 1 сентября 1910 года по приговорам крестьян из свободной наличности было израсходовано:

- на построение и ремонт церквей – 2346241 руб. (не менее 46 млн. совр. долларов);
- на построение и ремонт училищных зданий – 1164059 руб.;
- на построение общественных зданий – 1051429 руб.;
- на общепользные надобности – 985809 руб.

В рамках общин крестьяне решали вполне насущные проблемы сельской жизни. Например, зерно засыпалось и хранилось в ямах, по губернии таких было в 1890 году 354. Однако в этих

ямах зерно теряло в качестве, а следовательно, и падало в цене, и община уже не могла продать его с выгодой. Поэтому общины стали строить зернохранилища, и к 1 сентября 1910 года осталось лишь 108 ям в местах, где хранение зерна позволяли свойства грунта.

Зерно продавалось через специальные магазины, куда члены общины свозили излишки собственного хлеба. Однако эти магазины были плохо приспособлены для хранения зерна, и оно также портилось. Поэтому общины продали 860 магазинов из 3818, одновременно построив современные по тем меркам магазины в числе 661.

Демократические реформы были экономически эффективными. Они существенно повысили жизненный уровень сельского населения, составлявшего подавляющее большинство населения России. Это подтверждается и цифрами. Применительно к той же Курской губернии к 1 сентября 1910 года при общей законной норме обеспечения в 6750488 пудов хлеба и 1434188,99 рублей капитала налицо состояло 2765486 пудов зерна, 1439658,45 руб. общественного капитала и 11318 руб. 43 копейки личных вкладов. Кроме этого, по благонадежным кредитам общины выдали населению 265144 пудов зерна, 392038 руб. 83 коп. по общим капиталам и 6236 руб. 85 коп. по частным лицам. Кроме того, в процентных бумагах было размещено 209974 руб. 76 коп.

Общины вели свое дело настолько эффективно, что, несмотря на целый ряд неурожайных лет, не только сохранили, но и несколько увеличили собственные капиталы. Это явно не нравилось нашим революционерам, и после революции 1905-1906 гг. они добились введения института частного землевладения. В результате введения института частного владения землей из общего числа в 257319 домохозяев Курской губернии 82017 (31,87%) вышли на хутора и заявили об окончательном закреплении за собой земли, образовав кулачество.

И в этом случае, несмотря на свои уступки революционному движению, самодержавие обеспечило финансовую сторону реформ, заботясь о своих подданных. Для мелкого собственника по Курской губернии были созданы 57 кредитных учреждений, а также 13 сельских банков (до этого времени действовало 20 кредитных учреждений, которые также остались). Общая сумма капиталов этих учреждений составляла 1102772 руб., в том числе вкладов частных лиц – 368900 рублей, сиротских – 18621 руб., а

общая сумма благонадежных к поступлению долгов составляла 972781 руб. 47 коп.

В качестве альтернативного мнения приведем выдержку из статьи В.И. Ленина на тему о разрушении крестьянских общин, приуроченной к пятилетней годовщине Указа от 9 ноября 1906 года [38]. «...Охвативший Россию голод и неурожай самым наглядным образом свидетельствуют, сколько заведомой лжи или ребяческого непонимания скрывалось в этих надеждах на столыпинскую аграрную политику. Даже по правительственным подсчетам, точность и «скромность» которых доказали предшествующие голодовки, бедствием неурожая охвачено 20 губерний, 20 млн. душ населения «имеют право на оказание продовольственной помощи», т.е. пухнут от голода и разоряют свое хозяйство».

Мы обращаем внимание наших реформаторов и законодателей на эту статью ввиду принятия закона об обороте сельскохозяйственных земель. Уже теперь, даже на черноземной Кубани, по сведениям свободных и демократических СМИ, огромные площади поросли бурьяном и простаивают без пользы: новоявленные «землевладельцы» ждут повышения цен на землю, чтобы с выгодой их продать. Где уж тут общественная или государственная польза?

Мы также не можем обойти вниманием и другое наблюдение автора «Обзора...», поскольку к рассматриваемому периоду времени в народ стали проникать не только революционные идеи, но и промышленная «цивилизация». Развитие промышленности в городе породило спрос на рабочую силу, которую можно было взять только на селе. И часть крестьян, особенно молодого возраста, подалась за «легким хлебом» на заводы и фабрики в город. Крестьянин-общинник в городе попадал в положение «сам себе голова».

В результате такой «самостоятельной» жизни получалась полная перемена в убеждениях, характере, наклонностях, привычках и даже во внешности недавних землепашцев. Их появление на родине, даже временное, вносило деморализацию в общественную среду. Непочтительность к родителям, неуважение к старшим, пренебрежение к сверстникам-аборигенам, пьянство, разгул, буйство и насилие, воровство, конокрадство и т.п. пороки вытекали из стремления легким путем искать средства для удовлетворения приобретенных привычек.

Не правда ли, картина очень похожа на современную Рос-

сию, но в нашем случае она приобрела гораздо более омерзительные формы и неизмеримо большие масштабы в условиях вседозволенности института свободы слова и «совести».

Таким образом, совершенно очевидным является факт демократического государственного устройства домонгольской Древней Руси. Уже после татаро-монгольского ига русские земли воссоединялись, государство российское строилось как империя в рамках монархической формы правления. Однако и внутри этой формы существовала достаточно эффективная, с точки зрения общественной пользы, демократия в форме самоуправления крестьянских общин. Поэтому большинство утверждений недобросовестных ученых и политиков о деспотической истории государства российского не имеют под собой научных оснований.

Именно в России всегда существовала подлинная свобода, не подчиненная игу общественного мнения, она находилась в рамках православной нравственности. Не страдала эта свобода и от технологического давления корпоративных групп собственников, собственность была общинной. Русский народ по своей природе не может жить без свободы и духовных идеалов, поэтому общины и строили храмы на свои кровные деньги. Душа заботила наших предков более, чем мошна, но и жили достойно. Община строила молодоженам дом, в котором молодые рожали детей, крепили семью, продолжали свой Род, приумножали достаток.

Добропорядочный православный христианин не мог жить в противоречии с нормами общественной нравственности и государственными законами. Продолжая аналогию, можем утверждать, что и в наше время истинно православный человек, равно, как и исповедник других мировых религий, не может быть ни наркоманом, ни террористом, ни преступником. В доказательство нашего мнения можно исследовать еврейский народ, большинство представителей которого исповедуют иудаизм, – много ли среди них наркоманов?

Государство при этом имело огромный, неоспоримый авторитет на международной арене, защищая интересы своих подданных, которые, кстати, могли беспрепятственно выезжать за границу и обменивать там императорские рубли, обеспеченные золотом, на любую другую валюту.

Кому все это мешало?

1.3. Коллективистская модель Жан-Жака Руссо

В Европе идеи идентитарной демократии в XVIII веке были восприняты и получили развитие в теории Ж.-Ж. Руссо [3] и К. Шмидта [1]. По их мнению, вся власть должна принадлежать народу, который образуется путем добровольного слияния отдельных людей, атомизированных индивидов, в единое целое. Личность не обладает правами, а добровольно отчуждает их в пользу своей общины, поскольку община должна заботиться об удовлетворении всех потребностей своих членов.

В модели Руссо власть народа, обладающего неотделимым суверенитетом, абсолютна. Не допускаются понятия большинства и меньшинства, равно как и учет мнения этого меньшинства. Меньшинство должно подчиняться воле большинства, в котором сосредоточена единая власть народа в целом. Воля народа выражается на общих собраниях, где непосредственно формируются управленческие решения. Задачи власти сводятся всего лишь к техническому исполнению принятых решений.

Предвосхищая Французскую революцию, Жан-Жак Руссо понимает свободу как автономию народа, как равное участие всех в практике законодательства, при котором народ дает законы самому себе. При этом принцип автономии ограничен следующим условием: «Закон существует всего лишь для того человека, который либо сам его создал, либо же согласился с ним. Для любого другого человека это не закон, а заповедь или приказ» [5].

По модели Руссо, в обществе исключаются любые противоречия, как и противоречия общества и государства, поскольку государство жестко исполняет волю общества, а каждый член общества обязан заботиться о государственных интересах.

По мнению Руссо, цитирующего Иммануила Канта по [156], «Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа. В самом деле, так как всякое принуждение должно исходить от нее, она непременно должна быть не в состоянии поступить с кем-либо не по праву. Но когда кто-то принимает решение в отношении другого лица, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не по праву, однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого... Следовательно, только согласованная и объединенная воля всех в том смысле, что каждый в отношении всех и все в

отношении каждого принимают одни и те же решения, стало быть, только всеобщим образом объединенная воля народа может быть законодательствующей» [5].

Все члены общества уравниваются в имущественных правах, при этом частная собственность не ликвидируется, а лишь ограничивается при ее справедливом распределении между всеми членами общины.

В полноценном виде идентитарная демократия не реализована. Некоторые ее идеи, например, принцип прямого и равного голосования, принцип народного суверенитета, впервые нашли свое отражение на родине автора теории – во Франции.

Однако они же послужили обоснованием и оправданием якобинского террора, а в конституции 1793 года принцип равноправия распространялся лишь на революционеров-якобинцев и их единомышленников.

Идентитарная демократия является ярким примером крайности в понимании народовластия, и основная ее ценность состоит в том, что ее можно использовать в качестве точки отсчета при качественном анализе других форм демократии.

С точки зрения формы народовластия, идентитарную демократию следует отнести к прямой демократии, поскольку воля народа реализуется непосредственно от принятия решений до их исполнения без «политических посредников» в виде партий или других общественных организаций.

В современном мире демократий ее в прямом виде не существует, однако, ближе всех к такой модели находится Швейцария, поэтому мы приведем некоторые особенности народовластия в этой стране, ни в коем случае не относя ее к идентитарной модели.

В ряде кантонов Швейцарии решения по большинству проблем принимаются на общих собраниях открытым голосованием. Первоначальным названием государства было Eidgenossenschaft – «Товарищество, скрепленное кровью» [39], которое сформировалось в ходе объединения против общего врага.

В Швейцарии законодательная инициатива может принадлежать народу. Инициативная группа граждан вправе собрать нужное количество подписей с целью выдвижения требования об упразднении старого закона или принятия нового. Это же положение относится и к изменению положений конституции. При этом положение об изменении конституции относится к феде-

ральному уровню, в то время как изменения законов осуществляются на кантональном уровне. При населении в 6,8 млн. человек, среди которых 4,5 млн. имеют право голоса, для законодательной инициативы об изменении конституции требуется всего 100000 подписей.

Прямая демократия реализуется также механизмом референдума – при принятии закона и до его вступления в силу инициативная группа путем сбора 50 тыс. подписей может потребовать проведения референдума по принятому закону.

При изменении конституции или вступлении страны в какую-либо международную организацию, в стране проводится обязательный референдум (без сбора подписей за его проведение). Для принятия закона об изменении конституции или вступления страны в международную организацию требуется не только большинство голосов имеющего право голоса населения, но и большинство голосов кантонов. Кантоны в этом случае имеют статус избирательных округов, в которых по числу голосов, поданных «за» и «против», устанавливается общее соотношение голосов, в соответствии с которым и определяется мнение кантона в целом.

На сегодняшний день в ведение правительства переданы функции конъюнктурной и социальной политики, защиты окружающей среды, городское строительство, планирование развития транспорта, вооруженные силы и правоохранительные функции, внешние сношения.

Некоторым лидерам оппозиции, например, молдавской, белорусской, украинской полезно знать, что в Швейцарии государственными языками законодательно признано одновременно четыре языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. При этом большинство населения – 75 процентов – говорит по-немецки, примерно 20 процентов – по-французски, 10 процентов – по-итальянски и только 1 процент – по-реторомански. Языки меньшинств охраняет «территориальный принцип», заключающийся в соблюдении традиционных языковых границ и в их употреблении в школах, судах и учреждениях местной власти.

Однако не все так гладко в современной действительности. В последнее время из-за большого потока законодательных инициатив возникли мнения об ограничении права народа на инициативу и на референдум путем увеличения числа подписей и сокращения сроков подачи инициативы.

В Швейцарии поднимается вопрос о свободе прессы. Обоснованно указывается, что из хронистов, беспристрастных наблюдателей и комментаторов, пресса все больше занимает позицию определенной стороны. Начиная с 60-х годов, большинство журналистов видит себя критиками, экспертами, способными повернуть общественное мнение в интересующую их сторону. При этом указывается, что лица, обладающие достаточными финансовыми средствами, могут пользоваться свободой слова в большей степени, чем другие. Поднимается также и проблема информационных потоков. Их объем в индустриальных странах в значительном числе случаев приводит освещаемые проблемы к абсурду.

Точно так же, как возможно злоупотребление властью, возможно и злоупотребление средствами массовой информации, поскольку информирующий может и дезинформировать. В этой связи очень серьезно обсуждаются вопросы ответственности и этической мотивированности действий профессиональных журналистов.

Другой проблемой швейцарской демократии является степень участия населения в политическом процессе. Ряд политологов указывает, что в промежутке между первой и второй мировыми войнами обычной нормой участия граждан в референдуме было 70-80 процентов населения. Сейчас эта доля едва ли доходит до 40 процентов. Это означает, что решения принимают от 13 до 20 процентов населения. Основную причину такого пассивного поведения людей в отношении политического процесса социологи усматривают в высоком благосостоянии людей, которых все меньше заботит политика, и все больше интересует сфера личных интересов.

Политические партии потеряли свое значение и уже не могут осуществить ориентирование граждан в области политики, им все труднее находить своих сторонников. Кроме того, существенно возросла сложность политических и экономических проблем, требующих компетентной оценки для принятия правильного решения.

Результаты опроса общественного мнения свидетельствуют, что 20 процентов населения вообще не интересуются политикой, 20 процентов осознают свою некомпетентность и еще 20 процентов разочарованы и считают, что их мнение не оказывает никакого влияния на конечный исход в принятии решения.

Мы привели пример Швейцарии, по [39], в качестве образца, наиболее соответствующего нормативному определению демократии и реализованного на практике. В современном мире нет более ярких примеров осуществления народовластия и политического равенства. Здесь наиболее четко отработан механизм этих основополагающих идей демократии. На этом примере наиболее благополучной страны развитой демократии даже невооруженным глазом видны проблемы демократии в целом.

Разумеется, не следует слепо копировать опыт Швейцарии применительно к России, однако, отдельные элементы, например, механизм учета мнения народа при принятии законов и изменении конституции представляется ценным. Он может быть весьма полезен и для расширения сферы компетенции местного самоуправления, которое временно попало у нас в руки бизнесменов, облеченных муниципальной властью.

1.4. Социалистическая демократия

Тоталитарная подоплека, представленная в теории Жан-Жака Руссо в форме идей всеобщего равенства и справедливости, оказалась востребованной. В дальнейшем Карл Маркс и В.И. Ленин развили эту теорию в социалистическую демократию. Политологи Хайек и Боббио называют «тоталитарной» социалистическую демократию, которая господствовала в СССР, а ныне существует в Китае, на Кубе, во Вьетнаме [1].

В социалистической демократии общая воля народа выражается через Советы. При этом Советы действуют по принципу демократического централизма – это жесткое подчинение органов общим решениям снизу доверху.

Особенностью социалистической демократии является ее ярко выраженный социальный аспект. Она исходит из однородности воли рабочего класса, как наиболее прогрессивной, организованной и единой части общества. Поэтому на первом этапе построения социалистической демократии предусмотрена диктатура пролетариата, которая должна отмирать по мере нарастания однородности общества и естественного слияния интересов различных классов и групп в единую волю народа.

Власть народа реализуется через советы, в которых представлены рабочие и их естественные союзники – крестьяне. Со-

веты обладают полной властью над всеми сферами хозяйственной, политической и общественной жизни. Советы обязаны исполнять волю народа, выраженную на народных собраниях, а также в форме наказов избирателей.

Основной особенностью социалистической демократии является полное отрицание частной собственности и всякой автономии личности.

Ранние социалисты были полны надежд на то, что правильно устроенный процесс производства сам собой породит соответствующие ему жизненные формы, где рабочие будут вступать в свободные ассоциации. Эта идея рабочего самоуправления потерпела крах из-за того, что развитое, функционально дифференцированное общество оказалось слишком сложным. Маркс же представлял себе утопию общества труда как царство свободы, которое должно было быть воздвигнуто на базе царства необходимости и которое развивалось бы стабильно благодаря системному управлению [5].

С самого начала была дискредитирована и идея советов, поскольку было провозглашено, что интересы народа должны представляться коммунистической партией. По теории, в партии должны находиться наиболее зрелые граждане, которые и являются носителями интересов широких трудящихся масс. Вся управленческая элита сконцентрировалась в коммунистической партии и, в свою очередь, распределилась негласной табелью о рангах по принципу принадлежности к уровню властных полномочий. Поскольку социалистическая демократия отрицает само понятие оппозиции, то, вполне естественно, система предусматривает однопартийность.

Понятно, что такая система выродилась в некую информационную ширму социальной справедливости, прикрывая корыстные интересы правящей элиты. Реальная власть оказалась сконцентрированной у высшего партийного руководства, вырабатывавшего политическую линию в области внешних и внутренних отношений и проникавшую в самые различные области общественной и личной жизни граждан.

Юрген Хабермас основной причиной краха социалистической системы считает отсутствие удовлетворительной теории, вследствие чего социалистический бюрократизм запутался во главе со своим авангардом, так называемой номенклатурой [5].

Тем не менее, не следует однозначно считать, что однопар-

тийная система есть зло по определению. В Японии либерально-демократическая партия господствует уже несколько десятилетий, однако, никому не придет в голову считать эту страну недемократичной по этой причине. Просто обстоятельства сложились так, что различные группы сформировались внутри самой партии, где идет политическая борьба между этими группировками, обеспечивая демократический политический процесс. Аналогичная картина наблюдается и в Испании.

Подводя итог разделу об идентитарных демократиях, отметим общие черты, основными из которых являются следующие:

- признание народа единым однородным целым, имеющим общую волю и интерес еще до своего осознания;
- отрицание разнородных мнений и оппозиции вообще, вплоть до признания ее патологией, врагом народа, подлежащим насильственному устранению;
- единая трактовка свободы как активного участия в политической жизни, в государственных и общественных делах;
- отождествление правящей элиты, якобы служащей народу, с нацией, социальной группой, при реальной беззащитности личности перед полным произволом государства;
- подмена «естественных прав человека» общегосударственными, по социалистической теории, тождественными им;
- декларация прямого народного управления, при котором руководители в органах управления являются не самостоятельными и ответственными лицами, действующими в рамках законов, а лишь проводниками его воли;
- подмена юридической процедуры участия граждан в государственном управлении заботой правящей коммунистической партии о создании социальных условий для публичного выражения своих интересов.

Еще уроки античной демократии, по словам Д. Актона, «учат, что правление всего народа, будучи правлением самого многочисленного и могущественного класса, есть зло такого же порядка, что и неограниченная монархия..., неограниченное в произвольных переворотах во мнениях» [1].

Социалистическая демократия была реализована в СССР и странах социалистического содружества. Она и поныне существует в успешно развивающемся Китае, на Кубе и во Вьетнаме.

Часть II

Конкуренционные демократии

К конкурентной демократии относятся такие ее формы, при которых власть в государстве приобретает в ходе политической борьбы между различными группами населения по установленным законам и процедурам. В конкурентных демократиях возникает проблема учета интересов меньшинства и их защиты, поскольку лозунги равенства, справедливости и свободы не могут относиться только к победившим в ходе борьбы за власть партиям. Существует много моделей конкурентной демократии, и основные из них представлены в этом разделе.

2.1. Социал-демократия

Идея соединения демократии с социализмом принадлежит Эдуарду Бернштейну: «Демократия – это средство и цель одновременно. Она является средством завоевания социализма и формой осуществления социализма» [41].

По происхождению, социал-демократия является в чистом виде идентитарной, однако, по современной сути, она далеко ушла от своих корней и вобрала в себя различные формы конкурентных демократий, применительно к национальным особенностям в разных странах.

Социал-демократию нельзя отнести к чистой теории демократии как формы организации правления. Она, скорее, является идеологической платформой политических партий в демок-

ратических государствах, а отдельные элементы этой платформы в разных странах можно отнести к различным демократическим учениям – плюралистической, партиципаторной, репрезентативной и даже либеральной ее формам. Хотя Мишель Рокар и писал, что «мы отказываемся верить, что человечество лишь сумма индивидов, как об этом заявляют либералы» [42].

Социал-демократия зародилась в условиях идеологического противостояния марксизма и лассальянства. Коммунисты выступали за революцию, демократический централизм и диктатуру пролетариата, в то время как социал-демократы предлагали реформы, парламентскую демократию и социальное партнерство. Лассаль писал: «Предназначение государства состоит в том, чтобы тяготение человека к позитивному развитию и высокому предназначению, т.е. к культуре, всё, к чему способен род человеческий, воплотить в реальность. Это воспитание и формирование рода человеческого в духе свободы. Это собственная нравственная природа государства, его настоящая и более ответственная задача» [43].

Коммунисты отрицали частную собственность на средства производства вообще, а социал-демократы признавали возможность различных форм собственности. Надо сказать, что такая мягкая стратегия управления общественным сознанием оказалась в странах Западной Европы более продуктивной, и социал-демократические партии доминируют здесь до сих пор. В XXI веке в 11 странах Евросоюза из 15, в том числе, в Великобритании, Германии и Франции, у власти находятся социал-демократы, и еще в двух странах они входят в коалиционные правительства с другими партиями.

В центре социал-демократических ценностей находится коллективизм, а его лозунгом является «Свобода, справедливость, солидарность». Годесбергская программа СДПГ рассматривает государство как организацию всего народа, а не как инструмент господства одного класса [44, 45].

Социал-демократия провозглашает следующие основные общественные ценности:

- свобода во всех ее формах (индивидуальная и коллективная);
- защита прав и свобод человека;
- распространение демократии на политику, социальную и экономическую сферу;

- солидарность – отдельный человек связан с судьбой всего человечества;
- самостоятельность в сочетании с ответственностью;
- приоритет права;
- социальная защита со стороны государства;
- защита мира.

В ходе противостояния двух политических систем после Второй мировой войны социал-демократическая модель базировалась на сильном интервенционистском государстве, социал-демократы Западной Германии пытались ее воплотить в союзе с либералами (СвДП). Однако в конце 70-х годов эта модель подверглась резкой критике со стороны как неоконсерваторов, выступавших за ослабление государства в пользу рынка, так и со стороны «зеленых», выступавших за экологическое переустройство общества и создание малых самоуправляемых ячеек общества. Эта критика подвигла идеологов социал-демократии сформировать модернистское направление (О. Лафонтен, П. Глоц, Б. Энгхольм), пытавшееся в условиях усиления индивидуализации общества привлечь на свою сторону часть средних слоев, средних и мелких предпринимателей. В этих условиях развернулась дискуссия о недостаточности представительной демократии, поскольку она не способствует преодолению отчуждения власти от народа, и о необходимости введения элементов прямой демократии.

В целях обеспечения большего представительства различных социальных групп в правительстве были созданы комитеты, представляющие собой систему функционального представительства. Эта система была призвана создавать своеобразный корпоративный треугольник власти и общества. Однако несколько позже от такого представительства отказались сами инициаторы – движения экологистов, потребителей и др. социальные группы, – поскольку они оказались отодвинутыми от деятельности в этих комитетах. Было разработано новое положение, расширяющее перечень и состав комитетов, а принципы демократического государства были закреплены в следующих основных положениях:

- парламентская форма демократии и сменяемая власть;
- строгое соблюдение правовой законности;
- разделение властей;
- гласность;
- демократический контроль над государственным аппаратом;

- привлечение граждан к участию в управлении;
- независимость судей;
- свобода печати.

Берлинская программа 1989 года [44] рассматривает общество и государство как относительно самостоятельные, но тесно связанные части единого целого. При этом демократическое государство трактуется, как государство, основанное на «общечеловеческих ценностях». Государство и экономика существуют для людей с их правами, а не наоборот. Однако констатируется и раскол общества – вследствие несправедливого распределения доходов, имущества, шансов – на тех, кто распоряжается другими, и тех, коими распоряжаются. А это влияет на процессы волеобразования в политике и государстве.

Поставлена в этой программе и проблема глобализации: «Гигантские транснациональные корпорации... уклоняются от демократического контроля и вынуждают принимать политические решения» [44].

Однако развал СССР, крах коммунистических режимов и, в первую очередь, очевидные преимущества рыночной экономики над плановой, а также отсутствие очевидного идеологического противника, привели социал-демократию к некоторому кризису идей. Это заставило лидеров партий искать новые мотивы, по которым можно было бы привлекать сторонников на свою сторону в ходе политической борьбы.

В этой связи Тони Блэр и Герхард Шредер 8 июня 1999 года, перед выборами в Европарламент, опубликовали своеобразный манифест «социал-либерализма», получивший название «третьего пути», пути между социализмом и либерализмом. Его основная суть сводится к переходу от стратегии борьбы между классами к стратегии социального партнерства, поиску компромиссов на основе общественного согласия при сохранении близкого европейским гражданам духа предпринимательства, свободы во взаимосвязи с чувством гражданской ответственности и принадлежности к сообществу.

Ранее роль государства состояла в ликвидации несправедливости, порождаемой рыночной экономикой, а это порождало громадные бюрократические издержки. Оно занималось перераспределением общественного продукта в форме налогов, социального страхования, развивало органы борьбы с безработицей, поддерживало уровень минимальной зарплаты и содержало

нерентабельные структуры социального обеспечения. Наибольшее развитие эта система получила в скандинавских странах и называется «шведской моделью» социализма. Однако уже к началу 80-х годов XX века она начала исчерпывать себя в силу различных причин. В частности, это было вызвано ростом продолжительности жизни в условиях материального благополучия, иждивенческими настроениями в обществе (жизнью на социальные пособия), сокращением рождаемости и, как следствие, уменьшением числа занятых в реальном секторе экономики людей.

Это привело к увеличению налогов, снижению инвестиций в экономику и оттоку капиталов в другие страны, где социализация экономики не была столь ярко выражена и не являлась предметом государственной заботы. Сложилось явное противоречие между интересами различных социальных слоев. Крупные собственники, предприимчивая часть населения не хотели более мириться с положением «дойных коров» в угоду пассивной части общества, занявшей иждивенческую позицию.

Однако в условиях демократии партиям нужны не только голоса избирателей, большее число которых представлено относительно бедными слоями, но и поддержка со стороны крупного капитала, в основном, в форме пожертвований на политическую деятельность и предвыборные кампании.

Эти и ряд других причин подвигли социал-демократические партии к поиску новых путей овладения властью. Манифест Блэра – Шрёдера [46] оставлял неизменными такие ценности, как социальная справедливость, свобода и равенство шансов, солидарность и ответственность перед другими людьми. Тем не менее, в современном мире, подчеркивали они, социал-демократическая политика требует очевидной модернизации с учетом новых реалий XXI века. Основным смысл такой модернизации заключается в том, чтобы коренным образом уменьшить вмешательство правительств в деятельность частных компаний. Более того, она предполагает всяческую их поддержку, а также требует положить конец отождествлению социальной справедливости с уравнительностью в доходах, заменить перераспределительный принцип социальной защиты накопительным, решительно сократить расходы бюджета, облегчив налоговое бремя, и, снизив издержки производства, стимулировать инвестиции, повысить конкурентоспособность европейской продукции на внутреннем и внешнем рынках.

Согласно положениям Манифеста, можно эффективно бороться с инфляцией, бьющей, прежде всего, по интересам наименее обеспеченных слоев, добиться устойчивых высоких темпов экономического роста, преодолеть главную социальную проблему Европы – безработицу – не путем административной гарантии занятости, а, напротив, приданием большей гибкости трудовому законодательству. Одним словом, «государство всеобщего благосостояния», провозглашенное Новым курсом Рузвельта в США после Великой депрессии 1929-1933 гг. и утвердившееся в Западной Европе после Второй мировой войны не без влияния опыта СССР, а вместе с ним и социализм как конечная цель сдавались в архив.

И вновь моделью нового пути, вследствие которого появились «новые демократы», «новые лейбористы» и «новый центр», является пример США, которые в 90-х годах XX века существенно усилили собственную экономику, создали дополнительно более 22 млн. рабочих мест при минимальной инфляции, росте доходов населения и капитала. В США, за счет ликвидации бюджетного дефицита и замены его профицитом бюджета, оказалось реальным существенно расширить социальные программы поддержки беднейших слоев населения.

В качестве ремарки заметим, что все эти успехи оказались недостаточными для сохранения демократической партии у власти, и на президентских выборах 2000 года победил республиканец Джордж Буш-младший. В ходе нового курса администрации США прежние достижения оказались перечеркнутыми во имя геополитических интересов транснациональных корпораций, что явным образом характеризует саму суть современной западной демократии как технологию овладения и удержания власти на основе манипуляции общественным сознанием населения. Такие манипуляции нужны для того, чтобы не тратиться на полицейское обеспечение удержания власти.

Принятие Манифеста и провозглашение «третьего пути» было неоднозначно встречено в Европе. Ряд политических лидеров, в частности О. Лафонтен, даже отказались от участия в деятельности социал-демократов и осудили этот документ. Основная суть возражений сводилась к тому, что ликвидация социальных достижений европейской социал-демократии в области государственного регулирования рыночной экономики и перераспределения валового национального продук-

та больно ударит по гарантиям равноправия граждан. Она приведет к поляризации общества по имущественному признаку, усугубит положение беднейших слоев населения и подорвет гарантии равенства доступа к системе здравоохранения, образования и т.д. [46]. Эта же политика, по мнению, например, бывшего премьер-министра Франции Лионеля Жоспена, углубит разрыв между странами «золотого миллиарда» и остальной частью населения земного шара. Поэтому он определил свою позицию, как «Да» рыночной экономике и «Нет» рыночному обществу.

Современное состояние оппонентов вначале характеризовалось временным затишьем в спорах. Тони Блэр переизбрался в 2001 году на второй срок, а его основной оппонент Лионель Жоспен попытался баллотироваться на пост президента Франции. В комментариях по итогам выборов президента Франции недостатка нет. Однако, поскольку мы не раз описывали политические, в том числе, выборные технологии, мы можем допустить, что Л. Жоспен проиграл выборы не просто так. Может быть, его провалили с треском ввиду того, что «третий путь» очень нужен «сильным мира сего» и политика, попытавшегося занять собственное мнение и противостоять этому, весьма жестко убрали с политической сцены единой Европы, даже не допустив его во второй тур голосования. Выход же одиозной фигуры Ле Пэна во второй тур послужил отвлекающим внимание общественности от позиции Л. Жоспена маневром. Если это действительно так, то надо признать, что всё было сделано не только эффективно, но и очень «изящно».

В России перспективы социал-демократии на современном этапе весьма сомнительны. Социал-демократия ратует за коллективистские формы собственности на основные средства производства. Для России это означает национализацию имущества «олигархов», сотрудничающих с властью на «равном удалении». Вряд ли такая перспектива может порадовать как крупнейших собственников, по существу, оказывающих непосредственное влияние на формирование внутренней политики в стране, так и саму власть – перспектива разрыва отношений с собственниками вряд ли возможна. Тем более, что с молчаливого согласия центральной власти эти собственники становятся хозяевами богатейших регионов России, побеждая на выборах глав этих регионов.

2.2. Христианская демократия

Христианские демократы относятся к консервативному крылу политических течений. Они ищут сторонников среди той части населения, которая склонна к поддержанию традиционных религиозных, семейных и общинных ценностей, особенно католических. Также, как и социал-демократия, христианская демократия не может быть классифицирована как самостоятельная теория государственного устройства. Это, скорее, политическая платформа, набор социально-политических инструментов осуществления власти на демократических принципах.

В Европе христианские демократы представлены партиями христианско-демократического толка – Народно-республиканским движением во Франции, Христианско-демократической партией – ХДП в Италии, Христианско-демократическим союзом – ХДС, выступавшим в блоке с более консервативным баварским Христианско-социальным союзом – ХСС, в ФРГ. Аналогичное положение сложилось в Австрии, Бельгии и т. д.

Прежде всего, несмотря на наименование партий, следует отметить, что христианские демократы не рассматривают Библию как книгу политических рецептов и не используют ее как источник положений для политических программ партии. Однако своим пониманием человека Библия дает этическую основу для проведения собственной политики [47, 48].

Христианская демократия исходит из естественных и неотчуждаемых прав личности и принципов свободы, справедливости, солидарности, subsidiarности и общего блага. По мнению христианских демократов, основной задачей государственной политики является приведение в соответствие личного интереса и общего блага.

В понимании христианских демократов, государство есть инструмент свободы и ответственности граждан для решения общих проблем и обеспечения правового и мирного общежития (сообщества). Отсюда, задачами государства являются:

- защита от военного, политического и уголовного насилия;
- обеспечение экономического благополучия;
- сохранение элементарных средств жизни;
- обеспечение достоинства человека, его прав, свобод и собственности [49].

Христианские демократы ведут политику, направленную на равный учет индивидуальных особенностей человека и его принадлежности обществу. Постоянная забота этой политики – уравнивание свободы и солидарности. Христианские демократы считают, что правовое и социальное государство дополняют друг друга.

Сделаем небольшую ремарку. В XIX веке Роберт Моль впервые ввел термин «правовое государство», но точного и всеми принятого определения этого термина нет до сих пор. Не собираемся развеивать туман в этом отношении и мы. Демократия хороша тем, что она есть ровно то, что под этим термином понимают разные теоретики и, в первую очередь, политики.

Главную роль в политике демохристиан играет принцип субсидиарности, выделенный из социального католического учения. Этот принцип регулирует как отношения между личностью и обществом, так и отношения различных общностей, включая государство. При этом, поскольку государство является продуктом общества, оно должно служить обществу, а не наоборот.

Принцип субсидиарности предусматривает делегирование каждым нижним уровнем иерархии общественных и государственных органов таких функций, которые не могут быть решены ими на своем нижнем уровне. Идущие дальше и глубже этого формы организации государства или органов общественного типа можно и должно привлекать только для того, чтобы справиться с такими задачами, решение которых превышает возможности инициативы отдельного человека или свободного объединения [49].

Сфера применения принципа субсидиарности достаточно широка, она распространяется и на социальную политику, что весьма немаловажно: «Социальная политика нашего строя следует заповеди субсидиарности. То, что может осуществить своими силами малое сообщество, не должно брать на себя более крупное сообщество» [48].

«Все дела местного сообщества целесообразно решать в сфере общинной ответственности и, насколько это возможно, многие задачи государства передать общинам» [49].

Христианские демократы выступают против политизации всех сфер общественной и личной жизни, что следует из этого же принципа субсидиарности.

Особо следует остановиться на отношении к понятию

«сильного государства», поскольку эта тема отечественными либералами и оппозицией изрядно извращена. Безнаказанно она искажается и многочисленными политологами, подрабатывающими на ниве оппозиции действующей в России законно избранной власти. Не могут правильно сформулировать свою позицию и новоиспеченные партии, претендующие назваться почетным званием «партий власти», в силу недостаточной базовой подготовки их идеологических работников.

В программе ХДС [48] есть такие положения:

«Только в том случае, если демократическое государство сильно, оно сохраняет жизнеспособный свободный общественный строй».

«Только сильное государство, строго соблюдающее принципы правовой государственности и наделенное авторитетом, обладает необходимой дееспособностью».

«Только сильное государство может быть либеральным».

При этом под сильной властью христианские демократы понимают такую власть, которая, не покушаясь на основные ценности демократии, способна обеспечить порядок в обществе, понимаемый, как личная безопасность, борьба с преступностью, поддержание общественной морали (забытая функция в нашем государстве российском).

И ХДС, и ХСС выступают за «мировоззренческий нейтралитет государства и политически нейтральное управление» [49]. При этом они хотят «связать разные точки зрения общими ценностями и целями» [48].

Йозеф Штраус писал: «В центре нашего политического мышления – человек и его свобода. Мы – приверженцы приоритета личности в сравнении с организацией, преимущества свободы решения в сравнении с государственным управлением» [49]. Такая позиция германских социал-демократов позволила им вступить в долгосрочный союз с либералами (СвДП) и удержаться у власти в течении продолжительного времени.

В рамках политической платформы христианских демократов граждане добровольно отдают государству те свои права, которые вступают в противоречие друг с другом во взаимоотношениях людей и общностей. Всякие претензии на иные права делают государство тоталитарным. Однако и всякие претензии общности удержать за собой вступающие в противоречия права означают анархический хаос.

Поэтому одной из основных целей сильного государства является ограничение действий групп с общими интересами, в том числе, предприятий, организаций, профсоюзов и т.д., если они направлены на оттеснение традиционных институтов власти или же навязывают свою волю другим.

И еще один важный тезис, актуальный в силу того, что наша ортодоксальная оппозиция и некоторые асы-неудачники информационного пространства пытаются втянуть в свои «разборки», капиталистические противоречия Президента России, обвиняя его во всех своих неудачах.

«Государство, полностью втянутое в противоборство общественных сил, не было бы больше в состоянии выступать по отношению к обществу в качестве авторитета, опирающегося на конституционные нормы» [49].

И еще: «государство не является учреждением для удовлетворения любых претензий» [48].

Отличие христианских демократов от традиционных правоконсервативных партий состоит в том, что они в принципе признают необходимость создания системы социального страхования путем реформ в духе доктрины «социального христианства». Это была не только тактика, вызванная стремлением перехватить у левых популярные лозунги, – в ФРГ, например, ХДС немало способствовал участию профсоюзов в управлении предприятиями.

Современные неоконсерваторы взяли курс на перераспределение функций государства – ослабление одних и усиление других, в первую очередь, политических в пользу рыночных – при одновременном повышении их общей эффективности.

Из среды христианских демократов были выдвинуты крупные государственные деятели европейского масштаба, например, К. Аденауэр, Л. Эрхард, Г. Коль в ФРГ, А. де Гаспери, А. Моро и А. Фанфани в Италии. Христианские демократы сыграли значительную роль в восстановлении и модернизации экономики своих стран, преодолении ими последствий поражения во Второй мировой войне, в развитии общеевропейского дома и становлении современного Евросоюза.

Однако долгое пребывание у власти привело к заметному «моральному износу» их наследников. Прибрав к рукам основные рычаги государственной власти и связанные с этим материальные выгоды, они погрязли в коррупции, дискредитировав идею

христианской демократии. В Италии в ходе антикоррупционной кампании «Чистые руки», вскрывшей тесные связи верхушки ХДП с мафией, христианские демократы были, по существу, сметены с политической арены страны, хозяевами которой они оставались полвека.

К концу 90-х гг. была отброшена в оппозицию и ХДС-ХСС, а ее лидер, Гельмут Коль, несмотря на заслуги в объединении Германии и в полном соответствии с демократическими традициями, оказался запятанным громким скандалом в связи с незаконным финансированием его партии.

Таким образом, в основе христианской демократии в ее германском варианте лежит достаточно удачный синтез идей католического социального учения и неолиберализма. Этот синтез позволяет осуществлять различные компромиссы между экономической эффективностью и социальной справедливостью в рамках правового государства.

В России христианская демократия представлена несколькими общественно-политическими движениями (РХДД, РХДС, РХДП), наиболее заметной среди которых является христианско-демократическая партия России. Вот, что провозглашает эта партия: «ХДС России ставит своей целью духовное возрождение России, выражение интересов христиан независимо от их конфессии, защиту их образа жизни и гражданских прав, построение правового демократического государства, исходя из принципов христианской демократии». Принципы христианской демократии в интерпретации ХДПР предполагают: деидеологизацию государства; парламентскую демократию и многопартийную систему; безусловное обеспечение всех гражданских прав; обеспечение прав наций на самоопределение, что включает отделение и создание суверенной парламентской России; свободу вероисповеданий, миссионерство; создание многоукладной рыночной экономики, базирующейся на различных видах и формах собственности (частная, кооперативная, коллективная, государственная). «ХДП России выступает за основные ценности христианской культуры: любовь, свободу, милосердие и соборность. В своих идеологических постулатах она опирается на социальные идеи христианских философов – Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Новгородцева, Г. Федотова, С. Франка, «которые помогли подняться западноевропейской мысли от христианского социализма к идеям христианской демократии» [50]. Своими предшественниками считает Христианско-Де-

мократическую партию России, возникшую в марте 1917 г. Она же была и первая в Европе.

Как видим, эта партия не очень явно связана с господствующим в России Православием. Более того, член этой партии и бывший депутат Государственной Думы Глеб Якунин опубликовал открытое письмо президенту России Б.Н. Ельцину с требованием инициировать административное и уголовное преследование против высшего священноначалия Русской Православной Церкви [51].

В то же время, идеи христианской демократии в России могут быть связаны именно с Православием ввиду его явного преобладания над другими христианскими религиями. Однако позиция Русской Православной церкви, зафиксированная в [52], состоит в невмешательстве в политическую жизнь страны, в отказе от поддержки каких бы то ни было кандидатов на выборах и в отказе от выдвижения собственных кандидатов на посты государственной власти. Поэтому попытки развития христианской демократии в России могут быть реализованы на основах, аналогичных применяемым в Германии (см. выше). Но может быть, что именно нейтральная политическая позиция Русской Православной Церкви послужила стимулом для Ватикана, занявшего миссионерскую позицию в отношении России.

К сказанному необходимо добавить, что внешние силы, в первую очередь наши геополитические конкуренты, всячески пытаются оторвать российский народ от Православия. Для этого в эфирах радиостанций, на телевидении и в прессе организована «дискуссия» о роли Православия в современной России, проводится его сравнение с другими нетрадиционными для нашей страны религиями и даже с тоталитарными псевдорелигиозными учениями. Лейтмотив организаторов гонений скрыт под, казалось бы, невинной фразой, изобретенной политтехнологами: «У общества накопилось много вопросов к Русской Православной Церкви». Обычно после этой ключевой фразы следуют невинные доводы, а то и вовсе нет продолжения. Этим самым в сознание и в подсознание обывателя закладывается червь сомнения.

Простой народ сдвинуть с позиций Православия трудно, практически невозможно. Но это легко можно сделать с интеллигенцией и с политической элитой, которые традиционно являются духовно неустойчивыми элементами нашего народа. Затем, уже через них предусматривается влияние и непосредственно на

народ. Но и разрыв в вере между верхними и нижними слоями населения весьма выгоден с точки зрения ослабления единства народа и общественной стабильности.

Поэтому перспективы христианской демократии в России в обозримом будущем выглядят достаточно туманными. При этом любое политическое движение, умело взявшее в руки флаг Православной культуры, не может не иметь успеха среди большинства населения нашей страны.

2.3. Со-общественная, или Согласительная, или Сонсоциативная демократия

Со-общественной, или Согласительной, или Сонсоциативной является демократия, при которой правящие элиты, сформированные из представителей высшего общества, открыты для разрешения сегментарных противоречий общества на основе достигаемых договоренностей между различными общественными группами и слоями (сегментами).

Теория со-общественной демократии основана на концепции многосоставного общества, в котором политические противоречия в целом совпадают с границами социальных различий: имущественных, территориальных, языковых, культурных, религиозных, расовых и пр. Общественно-политические организации в таком обществе формируются применительно к этому принципу и представляют интересы указанных сегментов общества. В различных общественно-политических организациях, представляющих свои сегменты, сосредоточены и политические противоречия общества в целом.

Основным принципом разрешения существующих противоречий является открытость элит, сосредоточенных в политических структурах, благодаря чему не допускаются социальные конфликты. При этом урегулирование конфликтов осуществляется не борьбой за власть с целью последующего удовлетворения интересов своей социальной группы, а процедурами согласования взаимоприемлемых решений, социального консенсуса.

Власть формируется на основе коалиции, при этом коалиция в целях ее эффективности должна быть относительно ограниченной. За счет ограниченности коалиции существует демократическая оппозиция. Одной из особенностей со-общественной

демократии является критическое отношение к нормативному положению теории демократии об опоре власти на большинство населения. Это противоречие разрешается путем ротации правительственной коалиции, сменой правящими партиями друг друга через несколько лет правления.

При наличии достаточно широкой коалиции интересы различных групп реализуются возможностью взаимного вето на принимаемые решения. Таким образом, отстаиваются интересы меньшинства при их игнорировании коалицией большинства.

Еще одной особенностью консенсусной демократии является принцип автономности политических субъектов. Он предусматривает наделение таких субъектов исключительной компетенцией в сфере своих интересов при одновременном определении общих для всех участников интересов. В последнем случае решение принимается совместно всеми сегментами с пропорциональной степенью влияния на исход волеизъявления.

Следующая особенность этой разновидности демократии состоит в искусственном завышении представительства малых групп в структуре общества. Она позволяет более эффективно отстаивать их интересы.

Со-общественная демократия присуща таким странам, как Швейцария (наиболее яркий представитель этой формы демократии), Бельгия, Голландия, Австрия. Небольшие размеры этих государств и достаточно высокий общий уровень культуры общественных взаимоотношений позволяют обеспечить достаточно устойчивую стабильность и динамичное общественно-экономическое развитие.

Однако существуют и недостатки этой системы. Считается, что взаимное вето может парализовать процесс принятия решений, т.е. сам механизм разрешения противоречий потенциально опасен возникновением неразрешимого противоречия.

Федерализм на основе широкой автономии территориальных субъектов, призванный ненасильственно разрешать противоречия между ними, может разрушить государство при нарастании таких противоречий между этими субъектами.

Поскольку каждый субъект политических отношений это не только субъект территориальный, основанный на иных общественных интересах, то каждый из них должен иметь собственную организационную управленческую структуру. В эту структуру поступают требования от представителей общественного

сегмента, где они систематизируются, обобщаются и оформляются в проекты законов и политических решений. Это приводит к большому числу таких структур в границах территориального субъекта и в масштабах государства в целом. Поэтому система является громоздкой (иммобильной), плохо управляемой и весьма дорогостоящей.

К недостаткам также можно отнести возможность затягивания принятия невыгодного широкой коалиции большинства решения, предложенного коалицией меньшинства, за счет использования процедурных возможностей.

Тем не менее, сонсоциативная, согласительная демократия существует в государствах континентальной Европы достаточно долго и позволяет достаточно эффективно разрешать противоречия между различными социальными группами и слоями населения. Такая форма демократии наиболее подходит именно для небольших государств, занимающих позицию нейтралитета в международных отношениях, т.е., государство не обременено постоянной заботой о своей безопасности и необходимостью высоких расходов на эту сферу.

При этом в странах, представленных этим видом демократии, существует развитая экономика и сельское хозяйство, обеспечивающее основные потребности населения в товарах широкого потребления, что позволяет наращивать капиталы различных социальных групп за счет научно-технического прогресса, развития малого и среднего бизнеса, привлекательности таких государств для владельцев крупных банков. Все эти национальные успехи достигнуты исторически за счет особенностей геополитического положения данных стран, в том числе, за счет благоприятных природных условий. Немаловажное значение также имеют и этноисторические факторы, европейская культура.

2.4. Репрезентативная, или Элитарная, или Представительская демократия

Репрезентативной, или Элитарной, или Представительской называют демократию, основанную на концепции компетентного и ответственного представительства народа в органах государственной власти.

Наиболее ярко репрезентативная демократия проявляется в парламентаризме, верховенстве парламента при традиционном разделении власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви. При этом сами парламентарии рассматриваются как представители народа в целом, но не определенных территорий или социальных групп, и действуют, руководствуясь собственной совестью.

В такой форме демократии не существует собственно народо-властия, поскольку народ доверяет решение вопросов социальной справедливости и ведение всех государственных дел своему избранному правительству. Эта теория признает некомпетентность широких народных масс в делах государственного управления, их подверженность эгалитаризму, идеологическому влиянию и управлению общественным мнением, что ведет к неустойчивости и нестабильности системы государственной власти.

Демократия в данном случае рассматривается как правление элит с согласия народа. При этом народ должен выступать в роли арбитра и иметь возможность замены правящих элит. Это положение реализуется через процедуру выборов в парламент, который назначает исполнительную власть от имени парламентского большинства, в нем представленного. Особое внимание в рассматриваемой форме демократии обращается на разработку механизмов селекции правящих элит, контроля над эффективностью и результативностью деятельности правительства. Поэтому воля народа в вопросах государственного управления никак не отождествляется с его прямым участием в этом управлении. По словам немецкого теоретика Ральфа Дарендорфа, «демократия – не правление народа, такого на свете просто не бывает. Демократия – это правительство, избираемое народом, а, если необходимо, то народом и смещаемое; кроме того, демократия – это правительство со своим курсом» [1].

Один из основоположников элитарной теории демократии, Йозеф Шумпетер доказывал, что народные массы весьма равнодушны к любым процессам, которые непосредственно не связаны с их повседневной жизнью. В большинстве своем масса пассивна и некомпетентна в вопросах политики, а потому легко поддается манипуляциям профессиональных политиков. Рядовой гражданин, как считает Шумпетер, будучи дилетантом в политике, вряд ли может рационально сформулировать общую волю, направленную на достижение всеобщего блага. На самом деле,

общая воля – это результат деятельности опытных профессионалов-политиков, которые в ней заинтересованы. Поэтому народ следует убедить в том, что отстаивание своих интересов и принятие политических решений следует полностью передоверить высокопрофессиональному меньшинству – элите, которая в состоянии рационально использовать демократические механизмы, сохраняя при этом свободу и возможность принятия решений.

Таким образом, демократия, с точки зрения элитарной концепции, призвана выполнять чисто техническую роль. Ее назначение сводится к методу отбора наиболее одаренной и компетентной властвующей элиты, способной взять на себя ответственность по управлению государством.

Репрезентативная демократия имеет свои сильные стороны. К ним можно отнести высокую эффективность государственной власти, обеспечивающей гражданские свободы и реализацию общественных интересов. Считается, что такая форма демократии способна обеспечить стабильность и защиту от настроений в обществе, в общем случае, подверженном изменчивости и колебаниям.

Несомненным достоинством является также рациональность организации политической системы путем формирования власти из числа наиболее компетентных и ответственных лиц, принимающих решения.

В то же время, противники этой формы демократии выделяют и недостатки, присущие представительной демократии. Вполне обоснованно критики указывают на фактическое отстранение народа от власти в промежутках между выборами, т.е. демократия становится лишь эпизодом на период выборных кампаний. В промежутках между выборами происходит неизбежная бюрократизация системы государственного управления и отрыв депутатов парламента от избирателей.

Одним из слабых звеньев этой системы является ее подверженность влиянию со стороны крупного капитала, лоббирующего собственные имущественные интересы. Под этим влиянием расцветает коррупция и увеличивается реальный отрыв выборных должностных лиц от своих избирателей. Происходит отчуждение граждан от власти и от политической деятельности в целом.

Условия сложной многоступенчатой власти в данной форме демократии создают широкие возможности политического

манипулирования, принятия решений, невыгодных большинству населения, все более погружающемуся в политическую апатию при ущемлении его прав.

Кроме того, практика показывает тенденцию постепенно оттеснения парламента от реального механизма власти в пользу исполнительной ее ветви, наиболее подверженной коррупции. В конечном итоге, по мнению критиков этой системы демократии, она способна до неузнаваемости исказить первоначальные интересы широких народных масс и по своей сути отходит от истинной природы, замысла демократии как народовластия.

Примером репрезентативной демократии является Великобритания – родина парламентаризма. В Великобритании высшая власть принадлежит законодательной власти. Однако правительство при этом наделено правом законодательной инициативы.

2.5. Плебисцитарная, или Мандатная, или Партийная демократия

Плебисцитарной, или Мандатной, или Партийной демократией является такая модель демократии, в которой при непосредственном волеизъявлении народа его политическое влияние на власть ограничивается схемой «одобрить/отвергнуть».

Данная теория развивает идеи Руссо и основана на учете современных реалий. По сравнению с античными условиями, население мегаполисов нашего времени огромно, прогресс в сфере науки, техники, экономики, разнородность общества привели к тому, что в нем существует громадное число различных течений по интересам. Кроме того, общество гораздо резче разделено по признаку имущественного положения его различных слоев.

Согласно теории плебисцитарной демократии, каждый гражданин, обязанный уважать законы, может их одобрять или отвергать, высказывая таким образом свое отношение к ним. Это отношение гражданин может высказать в ходе демократических выборов, выбирая из числа предложенных партийных программ ту, которая наиболее отвечает его интересам. Поскольку партийную программу представляет партия, а партия выдвигает своего

кандидата на выборные посты в органы государственной власти, то побеждают те кандидаты, партийные программы которых наиболее отвечают интересам народа.

Власть в данной модели формируется путем прямых выборов, а кандидаты на выборные посты выдвигаются от политических партий, представляющих интересы различных слоев населения и социальных групп.

Интересы меньшинства должны учитываться специально оговариваемыми процедурами и закрепляться законами.

По мнению сторонников этой формы демократии, программы политических партий адекватно отображают интересы представляемых ими граждан, а их содержание способствует правильному волеизъявлению на выборах, поскольку избиратель способен дать оценку положений партийных программ с точки зрения своих интересов. Партийные программы в этом случае рассматриваются как своего рода мандаты, наказы, полученные от сторонников партии, которые избранные депутаты парламента и исполнительная власть призваны исполнять.

Депутаты и представители исполнительной власти связаны в своей деятельности партийными программами и полученными наказами от избирателей, что, по мнению авторов теории, позволяет достигнуть идентичности воли народа с политикой, проводимой правительством.

В силу сложившихся условий различные слои общества и группы по интересам могут быть представлены в партиях, куда входят наиболее характерные и активные представители своей социальной группы. Однако партии неравноценны из-за своего состава, основанного на характере представляемой ею группы. Поэтому зачастую, и исследования подтверждают это, они имеют достаточно плохо обоснованные программы, расплывчатые цели и неясные пути их достижения.

Кроме того, современные партии имеют слабую социальную базу, они не находят достаточно активной поддержки даже в своих социальных группах вследствие апатии населения в политической деятельности. Поэтому партии пытаются привлечь в ряды своих сторонников любых членов для повышения своей численности. Это размывает облик партий еще больше, политические платформы разных партий перекрывают друг друга, порой они просто трудноразличимы между собой, а партийные программы содержат противоречивые положения как по отно-

шению к интересам представляемой группы, так и внутри самих программ.

Большая часть избирателей вообще не знакома с партийными программами настолько, чтобы сделать обоснованный выбор, поэтому такой выбор делается на основе эмоциональных впечатлений о лидерах или представителях партии.

Кроме того, проекты партийных программ предлагаются гражданам в едином пакете, а механизма обратной связи, эффективного влияния граждан на содержание партийных программ нет.

В силу вышеперечисленных факторов, партийная, или мандатная, или плебисцитарная демократия весьма далека от истинного народовластия и нормативного идеала демократии.

Классическим примером плебисцитарной демократии является Германия, где существует парламентская форма демократии и пропорциональная система выборов. Глава исполнительной власти – канцлер – избирается тайным голосованием в бундестаге. Правительство, как правило, формируется коалиционным, что позволяет проявить гибкость в выработке политики и в принятии решений. Долгие годы стержнем такой коалиции является партия свободных демократов.

2.6. Партиципаторная демократия, или Частичная теория демократии

Партиципаторной, или Частичной, называют демократию, в которой, наряду с прямыми выборами власти, граждане имеют права и возможности активного участия в принятии политических решений, в политическом процессе, а также в контроле над реализацией принятых решений.

Партиципаторная демократия сложилась под влиянием критики репрезентативной демократии в 60-70-е годы XX века, а теория получила широкое распространение, как претендующая на максимальное соответствие нормативному идеалу демократии.

Теория рассматривает демократию как универсальный принцип организации всех областей государственной жизни и общественных отношений. Этот принцип предполагается распространить не только на политическую жизнь общества и про-

цедуру формирования власти, но и на отношения в экономике, в системе образования и даже в семье. Теория утверждает, что не существует областей, которые были бы изолированы от политики, поэтому все они находятся в сфере демократического политического процесса.

Государственное управление должно допускать участие граждан не только во всенародных выборах власти, референдумах, собраниях, но и непосредственно в процессе принятия решений, а также в контроле над их исполнением.

Теоретики партиципации ставят своей целью всестороннюю демократизацию всех сфер общественной жизни, самореализацию личности, социальную эмансипацию. По мнению сторонников этой формы демократии, такой подход обеспечивает максимальный учет интересов народа при принятии решений, увеличивает его активность в общественной и государственной жизни, прочно легитимизирует власть в глазах народа, исключает его отчуждение от государственного управления.

Партиципаторная концепция демократии, в отличие от элитарной, исходит из того, что человек – существо рациональное, понимающее, что представляет собой общественное благо, а потому способное сознательно принимать разумные решения. Сторонники демократии участия считают, что иррациональность и пассивность людей в политической сфере – это результат их недостаточного образования и отсутствия равных возможностей для участия в политике. Поэтому обществу надлежит создать все условия для активной политической социализации каждого индивида. А для этого в первую очередь необходимо обеспечить максимальное доступное участие граждан в политическом процессе.

Достоинством рассматриваемой формы демократии ее сторонники считают высокий уровень интеллектуальной обоснованности решений за счет широкого участия масс в процессе их принятия. Этот фактор в общем случае способствует эффективности государственного управления, оптимизации поиска решений и повышает стабильность системы государственной власти.

Этот же фактор служит средством контроля над деятельностью государственных чиновников, способствует пресечению злоупотреблений властью, уменьшает степень отрыва депутатов от избирателей и бюрократизации чиновничьего аппарата.

К партиципаторному варианту демократии примыкает целый ряд новых общественно-политических идей и концепций. К

ним можно отнести различные движения «зеленых», расширяющих сферу демократии не только на общественные отношения, но и на отношения человека с природой.

Все эти теории характеризуются ярко выраженным принципом децентрализации власти, развития самоуправления (внедрения муниципального уровня управления) и широкого участия народных масс в политическом процессе.

Несомненным достоинством партиципаторной теории демократии является ее попытка вовлечь широкие народные массы в государственное управление, политический процесс, преодолеть социальную апатию населения и обеспечить таким образом воплощение нормативного идеала демократии в жизнь.

Тем не менее, у сторонников партиципаторной демократии имеются и оппоненты. Нельзя не согласиться с ними в том, что политика не может быть смыслом жизни всех людей, универсальным способом организации не только общественных, но и личных отношений, частной жизни. Ведь, по общему принципу демократии идеи свободы и равенства относятся исключительно к вопросам взаимоотношений между государством и гражданами, в то время как принуждение любого из граждан в области частной жизни является несомненным нарушением его прав.

Некоторые критики считают, что широкая политизация общества, проникновение политики во все сферы жизни общества и граждан ведут к банальному популизму, выхолащиванию основной сути государственной компетенции и даже способствуют приходу тоталитаризма. Без сомнения, партиципаторная демократия ограничивает права и свободы личности в области частной жизни и в предпринимательстве, поскольку, в условиях политизации, граждане обязаны подчиняться игу общих решений большинства, как правило, склонного к уравнительности.

По сравнению с другими формами демократии, этот вариант подвержен эмоциональной неуравновешенности, допускает проникновение некомпетентных решений, создает предпосылки к безответственности, поскольку решения принимает широкий круг лиц. Еще одним недостатком этой формы можно считать громоздкую и дорогостоящую структуру обеспечения непрерывного участия граждан в политическом процессе. При этом, такое участие предусматривает отвлечение их от основной профессиональной деятельности, равно как и от других социальных аспектов жизни, в том числе, семейного.

Наиболее современные теории партиципации предлагают основной акцент участия граждан в политическом процессе перенести в сферу производства и на уровень муниципальных органов государственного управления при одновременном использовании принципов представительства (см. раздел о репрезентативной демократии) в масштабах всего государства. Однако и этот подход вряд ли лишает подобную систему недостатков, он лишь усложняет механизм принятия решений, создает противоречия в области распределения сфер компетенции между уровнями государственной власти. Это влечет за собой бурный поток законов, принимаемых на разных уровнях, войну законодателей этих уровней власти, а также регулярные проблемы в сфере исполнения принятых решений.

Для русского читателя небезынтересно знать, что ныне продвигаемые правыми движениями инициативы защиты прав детей в форме предоставления им возможности подать жалобу на своих родителей, основаны на теории партиципаторной демократии.

2.7. Плюралистическая теория демократии

Плюралистической называют демократию, в которой народ рассматривается как сложное противоречивое образование различных социальных групп, конкурирующих в борьбе за власть, а интересы граждан, образующих такие группы, реализуются с помощью взаимных компромиссов на основе баланса общественных интересов.

Виднейшими представителями этой теории демократии являются Г. Ласки, Д. Труман, Е. Фрэнкель, Р. А. Даль.

Плюралистическая теория демократии является наиболее распространенной и разработанной среди других форм. Она вбирает в себя элементы других теорий демократии, создавая сложный механизм правления на основе всестороннего учета интересов различных социальных групп и слоев населения. Она занимает промежуточное место между пониманием народа как единого целого (см. коллективистские формы демократии) и его пониманием как совокупности отдельных индивидов (см. либеральную демократию).

В плюралистической теории субъектом общественных отношений является отдельная группа граждан. Здесь она имеет сходство с со-общественной формой демократии, однако механизм обеспечения интересов граждан в этих формах различен. Если в со-общественной форме демократии он основан на процедуре согласования сегментарных интересов, и при этом сегменты общества стандартизированы, то в плюралистической побеждают интересы той группы, которая овладела властью в ходе политической борьбы, после чего стороны и ищут компромисс в спорных вопросах. Социальные группы, выделяемые плюралистической демократией, не являются фиксированными. Они могут быть динамичными, в зависимости от складывающихся в обществе интересов отдельных групп, либо временными, хотя не исключаются и достаточно стабильные общественные образования.

Плюралистическая демократия отрицает власть большинства, поскольку это большинство не есть какое-то определенное и устойчивое образование (ср. с определением Аристотеля). Оно представляется образованием аморфным и постоянно изменяющимся.

Плюралистическая теория исходит из того, что различные социальные группы, представленные на разных уровнях общественного бытия, например, семейного, профессионального, религиозного и т.п., способны объединяться в борьбе за власть, равно как и заблокировать невыгодное такой коалиции принимаемое решение. В этом случае они являются своеобразным противовесом, сдерживающим тенденции монополизации власти. Баланс интересов различных социальных групп рассматривается как динамический процесс конкурентного взаимодействия на основе политических блоков и компромиссов.

Таким образом, плюралистическая теория считает, что поиск компромиссных решений лежит в области конкурентной борьбы между различными социальными группами.

Существует много концепций плюралистической демократии. Все они объединены общими чертами, основное содержание которых сводится к следующим положениям.

Основным элементом, движущей силой политического процесса является группа, объединенная общим интересом в какой-либо области общественных отношений. Интересы личности, ее права и свободы реализуются внутри данной группы при сохранении первичного статуса личности как источника всякой

власти. Однако на первый план выдвигается именно группа, как субъект правоотношений в политической системе.

Между различными социальными группами существуют противоречия и конфликты, а политический процесс рассматривается как разрешение таких конфликтов на основе поиска компромисса. Если в коллективистских формах демократии общая воля народа рассматривается как существующая априори, еще до ее волеизъявления, то в плюралистической теории эта воля проявляется в ходе соревнования, борьбы субъектов политической сцены.

Социальной базой демократической власти является баланс интересов различных групп, который стороны ищут в ходе политической борьбы. Коалиции соперничающих групп представляют собой самозарождающуюся систему сдержек и противовесов и распространяются как на институциональную сферу, так и на социальные отношения.

Провозглашается теория «здорового прагматизма» (иначе – «разумного эгоизма»), служащего генератором личных и групповых интересов.

Плюралистическая теория, критикуя либерализм, где, по мнению ее основателей, государство выступает в роли «ночного сторожа», считает его органом, ответственным за все секторы общественных отношений и политической системы. При этом целью этой системы должна быть социальная справедливость.

Власть распределяется между центрами политического влияния – государственными органами, партиями, политическими и общественными организациями, ассоциациями граждан и т.п. При этом сами центры влияния, группы и их коалиции должны формироваться по демократическому принципу.

Плюралистическая теория нашла поддержку и применение во многих странах мира. Однако существуют и критики этой теории.

Во-первых, общественное бытие в ней рассматривается, как некая игра по определенным правилам, которые принимают все участники политического процесса. К этому процессу сводятся все общественные отношения. При этом арбитром в этой игре выступает государство, которое должно следить за соблюдением установленных правил. Критики плюралистической теории считают, что рассматривать общественное развитие с точки зрения игры, по крайней мере, легкомысленно.

Во-вторых, весьма спорным является и положение о социальных группах и их коалициях. В реальной жизни понятие социальных групп достаточно размыто, а их монолитность и правосубъектность вообще труднореализуемы. По статистике в странах Запада лишь одна треть населения согласна активно участвовать в политическом процессе. Поэтому плюралистическая модель отображает интересы меньшинства населения и не отвечает нормативному идеалу демократии.

Сторонники плюралистической теории демократии возражают, что интересы пассивной части населения могут представляться его активной частью. Трудно сказать, насколько это положение соответствует истине и можно ли в этом случае говорить о демократии.

Однако основным доводом критиков этой теории является положение о том, что социальные группы, которые принимают участие в политическом процессе, явно не равноценны по своему политическому весу. Этот фактор никак не учитывается в предложенном механизме народовластия и создает предпосылки приоритетного влияния на власть представителей крупного капитала, ведет к засилью бюрократии, лоббированию интересов военно-промышленного комплекса и других субъектов политического поля. В конечном итоге, политический процесс сводится к согласованию интересов в сфере экономики и системы финансов, что мы и наблюдаем на деле в странах развитой демократии.

В этой системе нет места нравственности, именно поэтому один из виднейших магнатов современности Джордж Сорос в своем интервью программе «Итоги» 3 июня 2001 года признал, что мораль не совместима с экономическими интересами, поэтому необходимо при выработке политических и управленческих решений каким-то образом учитывать моральные основы и критерии, а не только интересы крупного бизнеса.

Другим фактором, усугубляющим неравенство групп, является их социальный и профессиональный состав, а также степень организованности, которая непосредственно определяет степень готовности такой группы к соперничеству в политическом процессе. Если продолжить аналогию политического процесса с игрой, то это выглядит как соревнование команд высшей и низшей лиги, где исход поединка ясен еще до его начала. Действительно, одним группам принадлежат огромные ресурсы (деньги, объек-

ты промышленности, СМИ, научные организации и профессиональные менеджеры, специалисты в области PR и т.д.), другие, например, общество инвалидов-колясочников, в лучшем, случае могут провести пресс-конференцию, да и то непрофессионально. Какое уж тут равенство возможностей.

Более того, социальные группы, находящиеся на нижних ступенях иерархии по признаку объемов принадлежащего им имущества, зачастую даже не осознают в полной мере собственных прав в этой игре и правила такой игры.

На такой аргумент сторонники плюралистической теории заявляют о заботе, попечительстве над незащищенными группами, их образованием и просвещением в области прав человека. К тому же представители таких групп населения, а это пенсионеры, бедные слои общества, достаточно многочисленны и являются объектом интереса в ходе демократических выборов, где они и могут осуществить собственное волеизъявление.

На это тоже есть возражения. Во-первых, по сообщениям, например, американской печати, ни один президент еще не выполнил своих предвыборных обещаний, хотя избиратели из рассматриваемых социальных групп и вынуждены верить кандидатам – у них просто нет другого выбора: не остается ничего другого, как надеяться на то, что очередной кандидат имеет совесть.

Более того, сторонники монархии утверждают, что для монарха реализация принципа равенства более естественна, чем для определенного правящего клана. Правящий клан защищает свои интересы, в то время как для монарха все подданные – суть сыновья Отечества.

Еще одним доводом критиков плюралистической теории является положение о том, что она консервативна, в ней с большим трудом пробиваются новые идеи и новые интересы, вызванные глобализацией всех социальных процессов, научно-техническим прогрессом. Кроме того, эта теория требует широкого согласия всех заинтересованных в поставленной проблеме групп, что трудно достижимо на практике и сводит такое согласие к низшему возможному порогу в обществе.

В целом, плюралистическая теория демократии может быть применима там, где интересы общества соответствуют государственным, а интересы крупного капитала не должны наступать на интересы беднейших слоев общества.

2.8. Демократия классического либерализма, или традиционная Либерально-консервативная демократия

Демократия классического либерализма, или традиционная Либерально-консервативная демократия, основана на приоритете интересов личности и отделении их от государственных интересов.

Либерализм впервые отделил индивида от общества и провозгласил его интересы священными и нерушимыми. Эти интересы лежат в области обеспечения естественных прав человека – право на свободу волеизъявления при выборе собственных правителей, право на собственность, право на свободу доступа к информации, право на свободу деятельности, ограниченное лишь рамками законов. При этом сами законы, принимаемые избранными представителями населения, также отражают, в первую очередь, интересы индивида.

Типичное либеральное определение демократии дал сороковой президент США Р. Рейган: «Демократия – не столько способ правления, сколько способ ограничить правительство, чтобы оно не мешало развитию в человеке главных ценностей, которые дают семья и вера» [1].

Либералы институционализируют в правовом отношении равные свободы для всех и понимают эти свободы как субъективные права. Для них права человека обладают нормативным приоритетом перед демократией. Конституция, разделяющая власти, обладает в их глазах преимуществом перед волей демократического законодателя [5].

Либерализм выделил две автономные сферы общественно-государственных отношений – государство и гражданское общество. В этом разделении государство оказалось ограниченным конституционно и институционально в своих полномочиях по отношению к своим гражданам. Его компетенция преимущественно сведена к охране общественного порядка, безопасности и прав граждан, внешней безопасности при исключении вмешательства в дела гражданского общества, экономические, финансовые, социальные, религиозные и т.п. области общественного бытия, что послужило поводом для того, чтобы политические оппоненты назвали либеральное государство «ночным сторожем».

Либерализм провозгласил защиту прав меньшинства и политическое равенство всех граждан, наделив их неотъемлемыми правами, которые стали фундаментом политической системы этой формы демократии.

Либеральные представления о человеке исходят из того, что он является рационально мыслящим и целенаправленно действующим существом, стремящимся к свободе, но при этом способным к самоограничениям – уважению прав других граждан, закона, демократических процедур. Ключевой фигурой в либеральной модели демократии является избиратель. Этот субъект «осознает свои собственные интересы и оценивает альтернативных кандидатов на основе того, кто из них будет наилучшим образом служить его интересам, и затем отдает свой голос за кандидата, наиболее высоко оцененного им [53]. Родоначальниками либеральной теории, поначалу не считавшейся демократической, были Джон Локк и Шарль-Луи Монтескье, искавшие пути защиты прав собственников от произвола монарха и его чиновников, устранения препятствий для индивидуальной предпринимательской деятельности в условиях феодализма.

В дальнейшем, на основе синтеза идей народного суверенитета с принципами обеспечения индивидуальных прав личности, и состоялась теория либеральной демократии. В этой теории следует выделить следующие основные черты.

Народ, как субъект общественных отношений, отождествляется с собственниками, причем, только мужского пола. Низшие слои общества, а также женщины исключались из сферы избирательного права. Эти ограничения просуществовали в странах либеральной демократии вплоть до середины XX века и были повсеместно отменены лишь недавно.

Источником власти признается отдельная личность, а ее права имеют приоритет над законами государства. Права личности закрепляются в конституции и защищаются независимым от государства судом, поэтому в государствах либеральной демократии господствует прецедентное право.

Свобода трактуется не как активное участие в политике, а как отсутствие ограничений и принуждений, вмешательства со стороны государства и других индивидов в сферу собственных интересов граждан. Гарантами такой свободы являются общественные институты всестороннего обеспечения прав личности.

Власть конструируется на основе принципа разделения

властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви, которые противопоставлены друг другу. Она функционирует на базе системы сдержек и противовесов в целях эффективного предотвращения злоупотреблений любой из ветвей своими полномочиями.

Право меньшинства обеспечивается ограничением компетенции большинства лишь в определенной сфере общенациональных интересов. Меньшинство вправе отстаивать свое мнение даже вопреки принятому большинством решению, но только в рамках соответствующих законов или судебных прецедентов.

Либеральная демократия имеет существенные изъяны с точки зрения социальной справедливости и эффективности государственного механизма. Прежде всего, следует отметить ее социальную ограниченность – она не распространяется на большинство населения: на низшие слои общества, женщин (на начальном этапе существования), – поэтому она не является властью народа в полном смысле этого слова.

Юрген Хабермас усматривает и такую несостоятельность либеральной теории: практический разум, который воплощен в конституции, оказывается в противоречии с суверенной волей политических масс. Это ведет к тому, что просвещенный либерализм должен придерживаться подлинной интенции Жан-Жака Руссо [5]. Разумеется, это фундаментальное противоречие либерализма тщательно замалчивается и обходится стороной теоретиками либерализма, поскольку либерал никогда не примет идеи идентитаризма.

Либеральная демократия не распространяется на экономические и социальные процессы и ведет к вырождению общественных отношений в конкуренцию крупнейших собственников, порождая разрыв между интересами большинства граждан страны с кланами этих собственников.

Участие граждан в политической жизни ограничивается лишь их эпизодическим участием в выборах. При этом власть не является объектом эффективного общественного контроля со стороны гражданского общества. Для большинства населения провозглашенные права и свободы являются всего лишь неосуществимой декларацией, что ставит под сомнение такую форму правления в разряд демократических в принципе.

Кроме того, пропаганда индивидуализма, прагматизма противоречит природе человека как общественного существа, созна-

ние которого сформировалось именно на основе социальных взаимоотношений людей.

В качестве примера государства с либеральной демократией можно было бы привести Японию, поскольку в ней с 1955 года бессменно правит либерально-демократическая партия. В Японии существует двухпалатный парламент, который избирает премьер-министра. Однако, на самом деле, либеральный характер здесь лишь кажущийся. Партия состоит из постоянно соперничающих групп и кланов, поочередно захватывающих большинство в парламенте и сменяющих правительства.

Либеральные ценности в наибольшей степени развиты в общественном сознании народа США, они традиционны для Великобритании и некоторых других государств Северной Европы.

В условиях резкого поворота современного развитого мира в сторону информационного общества будущего, возникла конкуренция идей в поиске оптимальной модели государства. В 30-х годах английский экономист Джон М. Кейнс, которого идеолог СвДП Ральф Дарендорф причисляет к либералам [54, 55], закрепляет за государством уже весьма широкий спектр не только политических и социальных функций, но и экономических рычагов.

Нынешние либералы, в отличие от своих политических и идейных предшественников, не отрицают необходимости государственного участия во многих сферах жизнедеятельности общества, но при условии ограничения масштабов такого вмешательства, особенно в области экономики. Например, в ФРГ партией, которая «понимает себя в качестве политической силы либерализма, действующего в наше время», является СвДП [56]. Эта партия базируется в своей программе на либеральных идеях свободы, равенства, братства, справедливости и человеческого достоинства.

В отличие от социал-демократов, признающих равнозначность своих основных ценностей (свободу справедливость, солидарность), либералы считают, что приоритет в иерархии ценностей безоговорочно принадлежит свободе. Следуя кантовской традиции, они считают главным в содержании этого понятия возможность максимально достижимого самоопределения и самоуправления для индивидуума, не стесненного ничем выбором.

Движение к свободе мыслится либералами, как процесс постепенного освобождения человека от оков зависимости от природы, общества и государства [57].

Либералы борются за «политику, которая поставит инди-

видуум в центр внимания общества и осуществит максимально возможную свободу каждого, отдельно взятого гражданина» [58].

Однако «максимально возможная свобода не означает вседозволенности и анархии, так как свобода имеет границы. Они детерминированы тем, что человек – существо социальное; он связан тысячами нитей с обществом. Поэтому нет, и не может быть, свободы человека от общества, или, иначе говоря, человек обязан осознавать и нести свою ответственность перед согражданами» [59].

Как мы уже упомянули, либералы привержены Иммануилу Канту, который писал: «Свобода человека кончается там, где начинается свобода другого человека» [60].

Мы уже отметили, что во взглядах либералов на вопрос вмешательства государства в деятельность общества произошла эволюция. Но каковы могут быть масштабы такого вмешательства? Кильские тезисы (программный документ СвДП) трактуют эту проблему так: «Минимум государственного влияния никоим образом и никогда не означает максимальной свободы индивидов. С другой стороны, большее государственное влияние также никоим образом и никогда не ведет к большей свободе граждан. Неограниченное и необузданное выполнение государственных задач или восприятие государства, как благодетеля, может стать чрезвычайно опасным средством не легитимного осуществления власти» [61].

Либералы продолжают отстаивать интересы собственников. Так, во Фрайбургских тезисах говорится: «Свобода нуждается в собственности. Собственность создает свободу» [62]. Однако не все граждане-избиратели являются собственниками, и не у всех она одинакова. В этой связи главная задача либерализма состоит в обеспечении наибольшей свободы для наибольшего числа людей. Только «экологически ориентированное социальное рыночное хозяйство» в сочетании с правовым государством в состоянии обеспечить поставленную цель.

«Без свободы экономики нет свободы общества», а «рыночно-хозяйственный строй и свободное правовое государство основывается на одинаковых ценностных представлениях» [48].

Однако простой анализ показывает, что данная формула не всегда верна. Ни рынок, ни частная собственность не устраняют общественного неравенства, а следовательно, не обеспечивают свободу для всех. «Свобода без равенства создает привилегии» [45].

Отсюда в либеральной теории закономерно возникает антиномия между свободой и равенством, свободой и справедливостью. По мнению либералов, она разрешается признанием «равенства и братства» не целью, а «средством, чтобы осуществить свободу» [64].

Либералы, в принципе, отрицают социалистические идеи по поводу построения бесклассового общества, считая их опасной утопией, чреватой тоталитаризмом. Они довольствуются тем, что между людьми не должно быть имущественной пропасти, ставящей одних в зависимость от других. В сухом остатке получается, что люди равны лишь только в основных правах. Что касается социального равенства, то оно существует только в виде равенства шансов, но не равенства результатов.

«Все люди должны иметь равные возможности для развития в соответствии со своими способностями и наклонностями и при этом вступать в конкуренцию с другими людьми» [65].

Не отстают либералы и от научно-технического прогресса. Они выступают в защиту «информационной» безопасности личности, считая, что уровень современной техники, которой могут быть оснащены спецслужбы, позволяет держать «под колпаком» любого человека. В этой связи сбор информации должен признаваться неправомерным, если это противоречит желанию гражданина.

Либералы осознают и угрозу отчуждения власти в форме «плюрализма элит», выключаящего из политического процесса широкие народные массы. Поэтому О. Ламбсдорф предложил принцип представительства дополнить механизмом прямой демократии, ограничив ее сферу коммунальной политикой.

В России либералы представлены ЛДПР, которая ассоциируется, в первую очередь, с ее лидером, не отстаивающим публично либеральные ценности. Однако это делает В. Новодворская, доводя либерализм до одиозности в восприятии его широкими народными массами.

2.9. Рыночная, или Экономическая демократия

Под экономической демократией подразумевают способ управления хозяйственными предприятиями, основанный на демократических принципах.

Общее правило демократии подразумевает не только свободу частной собственности на средства производства, но и справедливость экономических отношений. Оно исходит из того, что в число условий политического равенства должно входить и равенство в распределении экономических ресурсов.

При этом должна быть обеспечена эффективность экономической системы по критерию соотношения затрат и достигаемых результатов.

Исходя из этих посылок, а также в процессе критики социалистического способа организации экономики, называемого западными политологами «бюрократическим социализмом», и сложился сугубо теоретический подход к экономической демократии.

Он основан на том положении, что вся система хозяйствующих предприятий находится в собственности, по другим вариантам – во владении коллективов, на них работающих, которые управляют ими, руководствуясь демократическими принципами.

Политическое равенство граждан в такой модели обеспечивается защитой прав работающих внутри предприятия (фирмы). Равенство обеспечивается при голосовании. Голосованием принимаются решения из перечня выдвинутых альтернатив, голосованием распределяются доходы и определяются части прибыли, выплачиваемые на заработную плату, инвестируемые в развитие производства и т.д.

Распределение личных ресурсов осуществляется с помощью налогов, трансфертных выплат, ограничением использования денег в политике и т.п.

Предполагается, что система самоуправляемых предприятий должна сложиться в единый экономический организм на основе широкого консенсуса, обеспечивающего справедливое распределение богатства и ресурсов, что отождествляется со всеобщей справедливостью.

Государство в модели экономической демократии необходимо для обеспечения деятельности системы самоуправляемых предприятий. Оно выполняет военную функцию, политическую, ведет иностранные дела, обеспечивает бюджетно-финансовое и денежное регулирование, социальное обеспечение и здравоохранение, а также ряд внешних факторов защиты национальной экономики от внешних воздействий, например, таможенное регулирование. Кроме того, государство несет ответственность за

состояние окружающей среды и некоторые другие обеспечивающие функции.

Одной из важнейших является государственное содействие инвестированию предприятий и обеспечение проникновения на рынок малых и средних предприятий, а также вновь создаваемых производств, антимонопольная профилактика экономических отношений.

По мнению одного из авторов экономической теории демократии Роберта А. Даля [121], эта система будет отличаться от анархии Прудона, основанной на самостоятельных рабочих объединениях, рынке и свободных контрактах. Она также отличается и от общества, раздробленного на полностью независимые и самообеспечивающиеся общины.

Справедливость такой формы, по мнению сторонников данной теории, основана на том факте, что самоуправляющиеся предприятия позволяют осуществить более равное распределение богатств и доходов. Неравенство обязано двум факторам – концентрации собственности и очень высокой оплате труда высших руководителей корпораций, чьи решения мало зависят от внешнего контроля. Поэтому теория предполагает движение к уменьшению в разрыве оплаты труда работников разных уровней и дисперсии собственности между работниками предприятий. В дополнение к этим мерам предлагается установить высокие налоги на наследство, ограничивая накопление семейного капитала.

Что касается формы собственности, то выделяются различные права владения предприятиями: частное (когда предприятия принадлежат одному или группе собственников); индивидуальное (когда совладельцами выступают работающие на предприятии); кооперативное (когда собственником выступает единый производственный коллектив); государственная форма собственности (когда предприятие находится в оперативном управлении трудового коллектива, но принадлежит государству) и общественная собственность, при которой любое предприятие принадлежит обществу в целом и не может служить объектом купли продажи, а доходы от его деятельности принадлежат всему обществу.

Теория экономической демократии предполагает одновременное существование различных форм собственности, и владение предприятиями без установления каких-либо ограни-

чений на долю этих форм в общей системе хозяйствующих предприятий.

Теория экономической демократии в ее классическом виде не нашла своего сколько-нибудь распространенного практического воплощения в жизнь. Отдельные ее элементы реализованы в период развитого социализма в Югославии и Венгрии. Однако, в целом, теория была лишь следствием из идеологического противоборства двух систем во второй половине XX века.

Основные положения экономической демократии нашли свое отображение в рыночной теории демократии. Рыночная теория демократии основана на законах рыночной экономики путем экспансии этих законов и обычаев на все сферы, не только экономические, но и на социально-политические отношения.

Поэтому рыночной демократией называют демократию, при которой различные социальные блага рассредоточиваются между социальными группами, с тем, чтобы индивид, имеющий низкий показатель доступа к одним социальным благам, мог компенсировать этот дефицит доступом к другим благам.

Рыночная демократия построена на принципе декомпозиции социального неравенства. Этот принцип состоит в том, чтобы в обществе не допускалась поляризация по способу и объемам потребления социальных благ – богатства, доходов, власти, престижа, уровня образования, льгот и привилегий и т.д. Поэтому эти блага распределяются между различными социальными группами. Такой принцип призван сглаживать остроту социального неравенства, препятствовать созданию статусной поляризации общества, его очевидному разделению на бедных и богатых.

Рыночная демократия тесно связана с рыночным способом функционирования экономики и предполагает идентичные законы в механизме распределения социальных благ.

Наиболее типичным представителем рыночной демократии являются США. Бывший президент Билл Клинтон однажды так и сказал: «Демократия – это рынок». Индийский политолог Парматра Шаран [150], а также его американский коллега Майкл Паренти [30] считают, что США управляются ограниченной элитой, в которую входят представители различных доминирующих в обществе групп интересов. В полном соответствии с законами рыночной экономики, в различных областях общественных отношений, в дифференцированных слоях населения и соци-

альных группах выделяются лидеры, или элиты. Поэтому иногда американскую модель демократии именуют элитарной.

В США правящий слой состоит из нескольких элит, но ни одна из них не главенствует, что соответствует полиархии по Роберту Далю [8]. При этом доминируют три основные элиты – промышленная, бюрократическая и военная. Соответственно, эти элиты сформировали три института власти – экономическую, политическую и военную. Эти властные институты возглавляют лидеры соответствующих элит.

Кровавая история заставила правящие элиты выработать систему правил, в полной мере отвечающую законам и обычаям рынка. Они частью закреплены в конституции США, где число партий ограничено двумя и установлены механизмы государственной власти. Власть разделена на три ветви – законодательную (сенат и палата представителей), президента и федеральный суд. Каждая из ветвей власти ограничивает другую с целью недопущения узурпации власти, например, президент участвует в законодательном процессе лишь правом вето на законопроекты конгресса, а конгресс может принять на себя судебную функцию объявлением импичмента президенту.

Государственный механизм представляется как сложная система сдержек и противовесов. При этом конгресс избирается путем прямых выборов в округах, а президент – коллегией выборщиков.

Другим механизмом ограничения конкурирующих правящих элит являются законодательно закрепленные сроки пребывания у власти. Члены палаты представителей избираются на два года, сенаторы – на пять лет, а президент – на четыре года, в то время как федеральные судьи исполняют обязанности пожизненно.

Общая политика государства и решение различных практических вопросов социально-политической жизни осуществляются путем заключения сделок в виде компромиссов в ходе конкурентного продвижения собственных интересов. Майкл Паренти пишет: «Политику диктуют разнообразные элитарные группировки, имеющие противоречивые корпоративные интересы» [8].

На примере Паренти сформулируем основные противоречия, которые присущи американской рыночной модели демократии. Во-первых, зафиксированный в конституции принцип

большинства нарочно опутан правом вето, которым наделено меньшинство. Этот хитроумный механизм восходит еще к Мэдисону, которому принадлежат слова: «Нельзя допустить, чтобы неимущее большинство объединилось в общей борьбе против существующего социального устройства» [30].

Во-вторых, явно противоречивым является институт президентских выборов. Предназначенный для выявления воли большинства, он отнюдь не выявляет его волю, поскольку в выборах участвует 1/3 – 1/4 граждан, имеющих право голоса. А последние выборы президента, на которых победил Джордж Буш-младший, вообще показали их недемократичность, поскольку решение о победе было принято судом, при этом победитель набрал меньшее число голосов, чем проигравший.

В-третьих, декларация деидеологизации общества выглядит чисто внешней. М. Паренти приводит в пример то, как Рональд Рейган назначил на 774 поста федеральных судей больше половины лиц, в возрасте 30-40 лет с личными доходами свыше 200 тыс. долларов в год. То есть, именно эти люди в течение ближайших 20-40 лет будут определять политику судебной власти в интересах совершенно определенной части общества [30].

Любопытно также почитать статистику, которую приводит Паренти в отношении сменяемости конгрессменов. Если в XIX веке в ходе очередных выборов он обновлялся наполовину, в 40-х годах XX века – на 30 процентов, то, например в 1986 году из 393 конгрессменов, выставивших свои кандидатуры на повторный срок, 385 (98 процентов) одержали очередную победу. Таким образом, положение о сменяемости власти стало пустой декларацией.

Мы можем добавить от себя, что сведение всех человеческих ценностей и идеалов, морали и нравственности к психологии рыночных отношений не пригодно Русскому народу, обладающему высокой духовностью и культурой. Мы можем, например, принять на вооружение практику следственных или судебных органов заключения сделки обвиняемого с правосудием, когда он освобождается от ответственности, или его участь облегчается в обмен на его сотрудничество с судом. Вряд ли такая практика будет воспринята обществом, как торжество правосудия и справедливости. Мы не готовы заключать сделки, объектом которых являются личные отношения.

2.10. Информационная демократия

Французский политик и политолог Мишель Рокар [42] считает сердцевиной демократии реальность взаимосвязей между выборными лицами, средствами массовой информации и избирателями. Не вдаваясь в существо того, что представляет собой демократия в целом как власть большинства, Мишель Рокар сосредоточивается на частном аспекте общественно-политических отношений, где, по его мнению, происходит становление новой и действенной формы демократии, свидетелями рождения которой мы являемся.

Новизна этой формы демократии состоит в том, что ее составляющими выступают всеобщее избирательное право и свободная информация. При этом соблюдается условие, что обе составляющих применяются честно, без манипуляций и политического обмана политтехнологов. Естественно, что народ может реализовать свое право выбора только в условиях свободного распространения информации, когда отсутствуют политические запреты и политический террор. Если ранее демократия строилась почти исключительно на избирательных бюллетенях, то теперь между избирателем и его актом выбора находится информация.

Информация напрямую определяет демократическое действие граждан. Не случайно средства массовой информации стали называть не иначе, как «четвертой властью». При этом самое избирательное право стало терять эффективность. Напротив, общественное мнение при осуществлении политики играет все возрастающую роль. «В какой-то мере, – пишет Мишель Рокар – общественное мнение заменяет классовую борьбу в роли движущей силы истории, ускоряя или тормозя деятельность общества» [42].

Новую форму демократии Мишель Рокар называет информационной демократией, которая представляется ему весьма современной формой организации общества и государственного правления.

В существо демократии также не вникают и другие исследователи, работающие в области развития информатики социума. В частности, отечественный ученый, академик Международной Академии Информатизации Рифгат Фаизович Абдеев, в своем труде «Философия информационной цивилизации» [66] сформу-

лировал принцип «пяти колец», по которому должно быть устроено государство в условиях научно-технического прогресса в области развития информационных систем. Этот принцип гласит: «Государство может иметь процветающую экономику и прогресс в культурном плане лишь при взаимодействии пяти независимых властей: законодательной, исполнительной, судебной, власти информации и власти интеллекта, – причем, последние две власти должны пронизывать все остальные».

Рис.1: Принцип «пяти колец»

Власть информации означает свободу печати, гласность, обилие общедоступных банков данных; реализуется, в частности, через системы спутникового телевидения, всемирный круглосуточный поток новостей (по типу корпорации CNN).

Рифгат Абдеев считает, что судьба обществ стран СНГ решается не столько на уровне модернизации традиционной промышленности и земледелия, сколько на уровне информационных технологий и экономической интеграции. В современном обществе информация становится наиболее важным и значимым товаром, а информационные услуги превращаются в лидирующий сектор экономики, создающий миллионы рабочих мест.

Интегральным результатом целенаправленного воздействия интенсификации информационных процессов на все узлы механизма управления является ускорение темпов развития. Это обусловлено тем, что в контуре управления в единицу времени используется больший объем полезной информации. Благодаря этому оптимизируется управление и ускоряется процесс самоорганизации.

2.11. Интегральная демократия

Интегральную форму демократии, или технодемократию, предлагает канадский философ Марио Бунге [67], ищущий «третий путь» в противоположность и капитализму, и социализму. Он полагает, что новый строй должен быть основан на науке. Эта форма должна расширить современную политическую демократию в плане народного представительства и соучастия в политическом процессе. Этот строй также должен повлиять на экономическую жизнь, повысив роль кооперативной собственности и самоуправления.

В области культурной жизни должна увеличиться культурная автономия и доступ к образованию на протяжении всей жизни [67].

Средствами для достижения этой формы демократии Марио Бунге считает просвещенное правление народа в лице его достойного представителя, а также привлечение широкого круга экспертов. Иными словами, канадский политолог утверждает достижение всеобщего равенства посредством кооперативной собственности и самоуправления.

В условиях господства олигархов и тоталитаристов эта система не действует, так как идеи подлинной политической демократии не соединяются с процедурой технической экспертизы в интересах всего общества, поскольку такая процедура всегда заказывается и оплачивается отдельными представителями или группами, например, олигархами.

Марио Бунге характеризует предложенную им модель демократии следующими основными признаками:

Во-первых, интегральная технодемократия предлагает не полное, а квалифицированное равенство, т.е. комбинацию эгалитарности и меритократии, которая основана на трех принципах, а именно: а) социалистическом «от каждого по способности, каждому по труду»; б) локковском принципе законного владения плодами своего труда; в) принципе Роуэлса – единственно справедливо то неравенство в распределении товаров и услуг, которое удовлетворяет каждого.

Во-вторых, интегральная демократия предполагает соединение кооперации и конкуренции.

В-третьих, она предполагает централизованную координацию сообществ посредством создания федераций и государств,

в конечном счете, Мирового правительства, к созданию которого якобы стремится Западный мир.

В-четвертых, она предусматривает создание малых и более слабых государств, чем когда бы то ни было, ибо хорошо устроенное общество не нуждается в большом правительстве: за него негласно правит Всемирное Тайное Правительство.

В-пятых, в интегральной демократии должна раскрыться полная свобода личности в безнормативном обществе безнациональных людей (здесь процитированный выше наш соотечественник академик Р. Абдеев является единомышленником М. Бунге).

Описанную Марио Бунге систему демократии, по его мнению, можно легко внедрить в бывших социалистических странах, поскольку там нет «значительного класса капиталистов» [67].

На самом деле, жизнь вносит суровые коррективы в самые прекраснодушные теории. Так, например, в России образовавшийся класс капиталистов-монополистов был немногочисленным, но мощным и сплоченным, сумевшим захватить управление как в правительстве, так и в банковской системе (1200 банков), которая по своей сути полностью аналогична американской банковской системе.

ВЫВОДЫ: 1. Из обзора политических теорий демократии становится ясно, что главное место в них занимает экономическая демократия, основанная на Ното-еconomics, т.е. человеке, всесторонне информированном, способном действовать рационально во имя всеобщей максимальной пользы, а не ради собственной личной выгоды. Такой уровень экономических отношений должен начисто снять индивидуальную эгоистическую подоплеку и провозгласить царство Человека Будущего, способного на самопожертвование ради Всеобщего Блага Человечества. Всё это слишком высокий для современности уровень рыночных отношений, связывающий воедино Демократию и Рынок. Вот почему бывший президент США Билл Клинтон назвал современную западную демократию рыночной.

Следуя Западным моделям, правящая элита России правдами и неправдами втянула полунищую страну в Мировой рынок и сумела добиться статуса «государства с рыночной экономикой» (5 июня 2002 года).

Однако, очевидно, что нищее государство, производящее всего 30 процентов валового уровня от 1985 года, не может быть в полном смысле этого слова демократической страной. Это обус-

ловлено тем, что (а) люди живут не лучше, а хуже, чем при «развитом социализме», (б) экономический и политический потенциал Российской Федерации весьма низок: страна занимает 49-е место среди 49-ти промышленных держав мира, а по валовому производству находится на 96 месте в мире. И это несмотря на то, что имеются отдельные временные успехи в сырьевых добывающих отраслях и торговле энергетическими запасами.

Анализ современных теоретических концепций демократий показывает их многообразие, неоднозначность и многосторонность. Это связано с практическими, т.е. национальными, формами их существования и реальным положением доминирующей нации. Применительно к России речь идет о Русской нации, которая в настоящее время бесправна, безвольна и не обладает концептуальной нормативностью и свободой, характерной для правящей нации. Иными словами, Русская нация существует, но она не управляет многообразными политико-экономическими и социально-культурными процессами построения счастливого демократического общества в своей стране.

Правящая элита России пока не в состоянии выделить, обосновать и развить приоритетную роль необходимых элементов и принципов подлинного демократического развития и его институций.

2. Из обзора политических теорий демократии также вытекает, что особенности каждой из 13-ти базовых теорий и дополняющих их политических платформ в значительной мере определяются тем, какая именно нация и как участвовала в создании демократической системы. Так, английская, немецкая, американская, французская, итальянская и другие нации в значительной мере определили характер и особенности каждой из демократий. Причем, создания определенного типа или разновидности демократий в значительной степени определялись законами строительства национальных цивилизаций и культур.

Исходя из этих положений, к демократии следует подходить, во-первых, с позиций национальных традиций и, во-вторых, критически оценивая возможность внедрения у себя на Родине моделей, созданных другими народами. Переходим к критике демократии.

Часть III

Критика демократии

Поскольку лучшие умы человечества на протяжении всей его истории искали наиболее справедливое устройство общественной жизни, в том числе, формы государственного правления, то накопилось много различных критических материалов в отношении любой из них. Ниже мы приводим некоторые, на наш взгляд наиболее обоснованные, критические взгляды на демократию. Мы представляем читателю такую критику со стороны русских и зарубежных мыслителей, политологов и исследователей, живших раньше нас, а также наших современников. Критика касается различных аспектов демократии – от ее философских, мировоззренческих основ до практических политических и социальных технологий. Авторы рекомендуют читателю внимательно прочесть настоящий раздел, поскольку он тесно связан с предыдущим материалом, а также является одной из основных предпосылок для принятия обоснованного политического решения в отношении судеб народов России.

3.1. Николай Бердяев. «Философия неравенства»

Предупреждая возможную критику использования этого источника [154] на том основании, что автор впоследствии называл эту работу самой своей нелюбимой книгой, укажем, что эта его нелюбовь касается, в первую очередь, методологических ос-

нов бытия, иерархического персонализма. К тому же Бердяев практически обо всех своих работах говорил одно и то же, что они ему не нравятся, и это соответствует принципу постоянного поиска, совершенствования, а также модернизации любого учения, базирующегося на истине и творческом искании автора.

Книга написана в форме писем своим недругам: «Вам, отравившим душу русского народа страшным ядом, вам, погубившим Россию, посвящаю мои письма». Мы будем придерживаться этой же стилистики, чтобы быть ближе к автору, а фраза, взятая в кавычки, мистическим образом совпадает с современным положением Русского народа и может быть переадресована нашим нынешним реформаторам.

Основная суть мнения Николая Бердяева о демократии сводится к следующим положениям (мы приводим их без обоснования, его можно посмотреть в первоисточнике).

Итак, демократия не новое начало и не впервые входит в наш мир. Но впервые в нашу эпоху вопрос о демократии ставится столь тревожным образом. Он ставится уже не в политической, а в духовной плоскости. Это обусловлено тем, что демократия как самодовлеющая отвлеченная идея, ничему высшему не подчиняющаяся, есть человекообожествление и отрицание божественного источника власти. Народ довлеет самому себе. Народная воля обожествляется потому, что она утверждается формально, без связи с ее содержанием. Содержание народной воли предполагает уже какие-то сверхчеловеческие ценности.

Далее автор говорит об основном нормативном признаке демократии – народовластии, о народе как источнике власти.

Воля народная может быть направлена на зло, и тогда она подлежит осуждению или она направлена на высшее добро, на божественное содержание жизни, и тогда не воля народная, а само это добро и это божественное содержание должно быть признано верховным началом.

Признание народной воли верховным началом общественной жизни может быть лишь обоготворением человеческого произвола. «Хочу, чтобы было то, чего захочу», – вот предельная форма демократии, народовластия. Само содержание и состояние народной воли не интересует демократический принцип. Народная воля может захотеть самого страшного зла, и демократический принцип ничего не может возразить против этого.

Демократическое устройство, как это ни парадоксально звучит, не видит конкретного человека, оно является именно бездушным механизмом. О механизмах-процедурах теоретики демократии говорят, но вот о бездушии умалчивают, поэтому мы приведем мысли автора на этот счет.

В частности, автор пишет: «В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека, к духовному их уровню. Вы поверили в демократию, потому что вы потеряли веру в правду и истину. Если бы вы верили в объективное бытие правды и истины, то должны были бы правду и истину поставить выше воли народа и им подчинить волю народа.

Вы хотите отдать правду и истину на решение большинства голосов и провести их через всеобщее избирательное право. Это и есть неверие, это и есть безбожие, положенное в основу демократической идеологии. Правда и истина всегда пребывают в меньшинстве, а не в большинстве. Меньшинство, даже один человек, может лучше выразить волю народа, как органического целого, обладающего соборным духом. В ваших демократиях господствует человеческое количество, и вы думаете, что за ним стоит народ. Но это есть ваша великая ложь, которая должна быть изобличена. Человеческое количество есть пыль, носимая волей ветра. Воля народа не может быть случайной суммой, колеблющейся от всякого дуновения.

Демократия есть скептическая общественная гносеология. Эта гносеология признается теми, кто утерял истоки духовной жизни. Вот почему рост демократии в мире имеет роковой смысл. Он идет параллельно выветриванию души, потере Бога в душе».

Далее следует отношение автора к ценностным обоснованиям демократии.

Никаких новых ценностей демократия сама из себя не создает и не может создавать. Она строится вне всякой мысли о ценностном содержании жизни.

Демократическое равенство есть потеря способности различать качества духовной жизни. Апостол демократии, Жан-Жак Руссо верил в естественную доброту и благость человеческой природы и думал, что она обнаружится во всей своей красе, когда будет установлена форма народовластия. Эта коренная ложь опровергнута самой жизнью и опытом истории.

Автор ставит вопрос: «Какова природа того коллектива, который именуется народом? Представляет ли народ, за которым

вы признаете верховную власть, некое реальное единство, имеет ли он онтологическое ядро?»

И отвечает: «Вы верите в большинство голосов, но из суммирования всех волей не получается всеобщей воли. Пролетариат выше народа – это новая фикция разложения народа на классы» (эта фраза касается социалистической демократии).

Ниже уже разговор о технологиях демократии, демократических процедурах, наличие которых требуется для классификации формы правления и идентификации демократии.

Народа в том смысле, в каком его утверждает демократия – сложное взаимодействие социальных групп с их душевным складом и интересами или механическое сложение отдельных человеческих единиц, не существует!

Народ есть мистический организм, соборная личность. Народ есть нация, он объемлет все классы и группы, всех живых и умерших. Но демократия не хочет знать и не знает народа в этом смысле. (Вот почему современные сторонники демократии и реформаторы всячески извращают нашу историю, отнимают у народа, и особенно у молодежи, уважение к своим предкам – для реализации бездушного механизма демократии нужна лишь послушная электоральная масса).

Здесь мысли философа полностью совпадают с идеями ученых в области социальной психологии, см. [17, 68], которые рассматривают любой народ именно как личность, со всеми присутствующими качествами и свойствами. Но этим положениям противоречат воззрения западных теоретиков. В частности, Юрген Хабермас пишет: «Народ, от которого должна исходить государственно-организованная власть, не есть субъект, наделенный волей и сознанием. Он выступает только через плюральность действий, а как народ он в принципе не наделен, ни способностью принимать решения, ни способностью действовать» [5]. Из чисто демократических соображений мы предоставляем читателю возможность лично определить, кто прав.

Народ может держаться совсем недемократического образа мыслей. Так бывало в истории при органическом состоянии народа. Демократия есть уже выхождение из этого состояния, распадение единства, раздор в нем.

Демократия по существу механична, она говорит о том, что народа как целостного организма нет. Поэтому демократия есть нездоровое состояние народа. Она не может быть выражением

духа народа, ибо дух народа выразим лишь в организме, демократия же есть механизм.

Демократия берет человека как арифметическую единицу, математически равную всякой другой. Для нее народ как органическое целое, распадается на атомы и потом собирается, как механический коллектив. Но народ не состоит из арифметических единиц и атомов. Народ есть иерархический организм, где каждый человек есть разностное существо, неповторимое в своей качественности.

Теперь несколько слов о принципе партийного представительства народа во власти.

Вот мнение Бердяева о плюрализме: «Уже одно то, что ваше царство демократии раздирается борьбой партий и что партиям отданы судьбы государств, свидетельствует против вас и не позволяет верить, что народ находит в нем свое выражение.

Демократическое правление есть, в конце концов, фикция. Тирания партий редко бывает аристократией. Там не происходит подбора лучших и способнейших.

В народном суверенитете погибает народ, он тонет в механическом количестве и не находит выражения для своего органического духа, целостного и неделимого. В народном суверенитете погибает и человек. Ибо самодержавие народа не ограничивает себя неотъемлемыми правами человека и не гарантирует неприкосновенность этих прав».

Исходя из этих положений, демократия уготовливает самую страшную из тираний.

Ниже мы приведем степень актуальности демократических теорий по состоянию, современному автору.

«Самые передовые народы запада давно уже чувствуют неудовлетворенность демократией и пытаются найти выход к новым формам. Кризис демократической идеологии давно уже происходит. И вы, чистые демократы, верующие в верховенство демократической идеи, – люди устаревшего образа мышления и устаревшего образа чувств».

Если в начале двадцатых годов прошлого века демократы уже были людьми с устаревшим образом мышления, то как можно охарактеризовать их теперь, спустя восемьдесят лет истории. Ведь за это время были: ГУЛАГ, мировая война, холодная война, выход человечества в космос, освоение ядерной энергии, произошла информационно-технологическая революция с ее теле-

видением, Интернетом и мобильной связью. За это время развалился СССР, началась глобализация всех социально-политических и экономических процессов, а США взяли курс на построение всемирной американской системы, читай империи. Продолжим изложение мыслей автора о демократии.

В европейском мире демократический разлив продолжается. Он не достиг еще полноводья, но началось уже и обратное движение. В сфере мысли уже давно начался отлив. Пределы демократии познаны, и наиболее прозорливыми умами увидена демократическая опасность и безвыходность.

Демократия есть безнадежное искание умершей воли народа.

В демократическом представительстве воля народа остается распавшейся, и часть восстает на часть. Поэтому демократический парламент есть арена политической борьбы за интересы и за власть (это снова о плюрализме).

Приведем несколько цитат по поводу всеобщего избирательного права, являющегося, по мнению сторонников демократии, основным институтом, свидетельствующим о всеобщем равенстве и социальной справедливости.

Всеобщее избирательное право не знает конкретных людей с их разнокачественностью, с их разным весом, оно исключительно имеет дело с отвлеченными людьми, с атомами и математическими точками.

Оно не знает и органических социальных групп. Всеобщее избирательное право есть отвлечение от качественного содержания жизни, оно не хочет знать качественного подбора.

Это гипноз – идея равенства. Но обоготворение равенства есть первородный грех, оно ведет к подмене индивидуальной природы человека природой отвлеченной, количественной и безличной.

Основанное на ложном равенстве, всеобщее избирательное право есть отрицание человека. В результатах всеобщего избирательного права поистине есть что-то нечеловеческое и противочеловеческое.

Человек не есть отвлеченное существо, его нужно брать в исторической среде и преемственности, в его качественности, т.е. делать подбор лучших и способнейших, имеющих соответствующее образование, общественный опыт. Должна быть историческая преемственность, наследование культурного опыта. Ценз, по

которому отбираются люди, должен быть духовным, но может иметь и материальные признаки своего выражения.

Общественный опыт и общественная преемственность обладают ценностью, которой нельзя пренебречь и которую нельзя разрушать во имя отвлеченных доктрин и идей (но мы пренебрегаем ими, мы забыли традиции предков). Так, в России, земство представляет качественное образование, в нем накопился исторический опыт, знание дела, традиция. Разрушение земства и нежелание дать ему преимущества в представительстве есть разрушение общественных качеств и погружение во тьму количества.

Почти все органические образования разрушены демократическим веком; изолирован, уединен стал человек, и новые корпорации связывают его исключительно экономическими интересами.

Демократическая идеология есть крайний рационализм. Демократическая республика с парламентским управлением есть рационалистическое общество. Идеология демократии не может признать государство как специфическую и самобытную реальность, она целиком сводит государство на общество, т.е. видит в государстве лишь функции общества. Так исчезают всякие онтологические основы государства и общества. Остаются лишь интересы, воля и разум человека как единственное оправдание государства и общества.

Чистая, отвлеченная, самодержавная демократия есть самая страшная тирания, она убивает человека. Неограниченная «власть всех» страшнее тиранической власти одного. Лишь на короткие мгновения возможно торжество такой демократии, но мгновения эти бывали самым страшным посягательством на свободу человека. Эти мгновения подымались снизу, и тьма охватывала общество.

Священные права человека не заключаются в демократии и не вытекают из нее. Суверенный народ может отнять у человека все, что захочет, что найдет нужным для своего блага. Самодержавие народа – самое страшное самодержавие, ибо в нем человек зависит от темных инстинктов масс.

Ваша демократия глубоко враждебна духу свободы, и вам следовало бы прекратить декламацию освобождения от тирании и деспотии, которое будто бы приносят ваши демократические движения.

Подчинение Церкви, государству, национальности, высшим реалиям и ценностям – сладостно и благородно. Но нет более горькой и унижительной зависимости, чем зависимость от воли человеческой, от произвола равных себе.

Максимум свободы достигается сочетанием нескольких принципов. Ибо всякое самодержавие, кроме самодержавия Бога, опасно для человека. Христианское равенство и братство не есть равенство и братство демократическое, ибо личность связана в иерархии духа.

Народы должны были пройти через опыт демократии, но не для того, чтобы на веки веков демократически устроиться, а чтобы понять тщету и пустоту притязаний демократии.

Читатель может подумать, что философ критиковал лишь идентитарные формы демократии на примере Советской России. Это не так, критика касалась демократии вообще, философ затрагивал именно глубинные, коренные принципы демократии, и не только ее идентитарные формы имелись в виду. Вот что он пишет в своих «письмах» о либерализме.

Либерализм влачит существование, лишённое всяких онтологических основ, он живет крохами и ключьями какой-то замутненной правды.

Истинное освобождение человека предполагает освобождение его не только от внешнего рабства, но и от рабства внутреннего, от рабства самому себе, своим страстям и своей низости.

Либерализм ваш изменяет роковым образом своей единственно возможной духовной основе. Вы сделали декларацию прав человека и оторвали ее от декларации прав Бога.

Право вытекает из обязанности. Если все будут сознавать права и очень слабо сознавать обязанности, то права никем не будут уважаться и не будут реализованы.

Всегда будет столкновение безудержного стремления к свободе с безудержным стремлением к равенству.

Это положение очевидно, поскольку в условиях человеческой свободы, не ограниченной нормами морали и нравственности, свобода порождает стремление людей к обогащению, и сильный подавляет и угнетает слабого, используя его в своих корыстных интересах.

Свобода есть прежде всего право на неравенство.

Равенство есть прежде всего посягательство на свободу.

Порча либерализма началась со смешения целей и средств, с подмены духовных целей жизнью материальными средствами.

Либерализм, как целое настроение и мирозерцание, антиисторичен, столь же антиисторичен, как и социализм.

Все учения о естественном праве давно подверглись беспощадной критике. От них не осталось камня на камне. Нормативное обоснование его философией Канта не доходит до глубины, до онтологических основ.

Глубокое обеспечения прав человека следует искать не в «естественном» праве, а в Церкви Христовой.

Либерализм как самодовлеющее отвлеченное начало, отстаивающее свободу личности, легко переходит в анархизм. Это выражается в желании довести государство до минимума и постепенно его совсем упразднить в непонимании самостоятельной природы государства.

Во многом критика Николая Бердяева совпадает с критикой либерализма со стороны других демократических течений, которые называют государство либеральной модели «ночным сторожем» общества.

Таковы самые главные положения этого фундаментально-го труда, изданного еще в 1923 году, когда о демократии в ее американском варианте в России даже не мечтали.

Почему мы делаем вид, что не было этой книги? Почему беспрепятственно распространяются демократические идеи и теории, но нет обоснованного оппонирования, которое состоялось задолго до самой мысли о строительстве демократии, в ее западном варианте, в России? Ведь никакое научное обоснование невозможно без дискуссии в равноправных условиях. Если нет дискуссии, то нет и свободы слова, одного из основных демократических институтов. И, стало быть, есть завуалированная диктатура сил, стремящихся любой ценой обогатиться за счет государства и общества, использовать в своих корыстных целях демократию и присущие ей неподконтрольные обществу рыночные отношения.

В этом коротком отрывке из книги нашего великого соотечественника, мыслившего космическими масштабами, изложены всего лишь некоторые, самые основные мысли автора о демократии. Книга представляет интерес, поскольку в ней изложены взгляды и на другие аспекты государственного и общественного устройства, поэтому мы рекомендуем ее читателю для расшире-

ния собственного кругозора с целью адекватной оценки не только демократии, но и самих основ общественного бытия.

3.2. Митрополит Иоанн (Снычев). «Великая ложь демократии»

Ниже мы приводим с незначительными сокращениями статью [155] автора, великого подвижника, патриота России, всю свою жизнь посвятившего просвещению Русского народа, искавшего путь к истинной свободе и социальной справедливости. Как священнослужитель, духовный пастырь, он связывал достижение этой цели, в первую очередь, с внедрением высокой нравственности в начала государственного строя, основанного на вере и соборности, к которым веками шли наши предки. Такой взгляд тесно переплетается с уже приведенными нами воззрениями Н.И. Бердяева, перекликается он и со взглядами русских мыслителей. Он также вполне соответствует нашим традициям православной культуры.

В здравом душевном состоянии русское общество естественным образом стремится самоорганизоваться на началах одухотворенной, державной государственности. Когда коварным разрушителям удалось уничтожить исторически сформировавшуюся Державу Российскую, то, несмотря ни на что, в стране тут же начался медленный, болезненный, но все же неотвратимый возврат к традиционным принципам Русской державности.

Несостоятельность большевистских теорий доказана сегодня самой жизнью. И практические последствия демократии тоже у всех на виду. Однако так же, как пытались раньше обмануть народ лукавыми побасенками о том, что корень бед в «искажениях» изначально верной марксистской идеи, – пытаются и сегодня одурачить Русь циничной ложью об «истинной» демократии, обретя которую, мы-де, наконец, заживем припеваючи.

Правда же такова: безбожный коммунизм терзал Россию, паразитируя на многовековых русских общинных традициях, на прочной народной приверженности к коллективизму и взаимопомощи, на всеобщей могучей тяге к социальной справедливости. Бессовестная демократия собирается терзать ее, паразитируя на древних вечевых соборных обычаях Руси, на исконном уважении русского человека к общему мнению, совместно принятому решению, коллективному разуму Собора.

Все идеи демократии замешаны на лжи. Уже в определении – ложь! Слово это переводится на русский язык как «власть народа» или «народоправство», но ни в одной из стран, считающихся демократическими, народ на деле не правит. Заветный плод государственной власти всегда в руках узкого слоя, немногочисленной и замкнутой корпорации людей, чье ремесло – политика, профессия – жестокая и беспощадная борьба за власть.

Более того, человеческая история на всем своем протяжении не знала ни одного государства, где бы на деле был реализован принцип народоправства. Древняя Греция, Древний Рим – страны-родоначальницы демократии, ее классические представители – одновременно являлись классическими рабовладельческими хищниками, относя сам термин «народ», «граждане» лишь к элитарному кругу людей, составляющему ничтожный процент от общего населения страны.

Предки наши были весьма умными и предусмотрительными людьми. Веками, из поколения в поколение строя державу, предназначенную быть надежной опорой мирной, немятежной и одухотворенной жизни (а не инструментом удовлетворения властолюбивых страстей и политических амбиций), они свято блюли себя от соблазнов демократической заразы и других предупреждали от такого неразумия.

«Демократия выражает доверие к силе количественной, – писал некогда Лев Тихомиров. – Если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является численная сила, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому». Иными словами, воплощение демократической идеи означает преимущественную власть количества над качеством, власть невежественной, искусно управляемой из-за кулис толпы над вековым народным идеалом – абсурдную ситуацию, в которой понятия Истины и справедливости, добра и зла пытаются определить арифметическим большинством голосов.

Сколько-нибудь осмысленное существование народа, отдающего себе отчет в собственных религиозных и нравственных устремлениях, в наличии державной общенациональной идеи и возвышенной цели своего соборного бытия, – предполагает отказ от механического принципа количественного превосходства в пользу качественного, духовного начала.

Лишь таким путем можно обуздать безудержные злоупотребления, свойственные демократическим чиновникам в погоне за голосами избирателей. «Каждый голос сам по себе ничего не значит, – говорил Победоносцев, описывая этот механизм. – Но тот, кто сумеет прибрать к себе наибольшее количество этих голосов, становится господином силы, господином правления и вершителем воли...» Таким образом, «при демократическом образе правления победителями становятся ловкие подбиратели голосов, механики, искусно орудующие закулисными пружинками, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов».

Политическая основа демократии – всеобщее прямое избирательное право – явление аморальное и разрушительное, ибо развивает политический цинизм до невероятных размеров, делает народ объектом бесчестных манипуляций, получающих, при одновременном развитии средств массовой информации, поистине безудержный размах. Почему-то никому не приходит в голову выбирать при помощи всеобщего голосования хирурга или следователя, шофера или летчика. А разве управляться со скальпелем, машиной, самолетом труднее, чем с гигантской страной, отягощенной сложнейшими проблемами?

Это не значит, что принцип выборности должен быть вообще исключен из политической жизни страны. Более того, в некоторых ситуациях он незаменим, ибо является инструментом становления соборной общности народа и государства. Но, во избежание злоупотреблений, должна быть четко и ясно определена область его применения, которая будет, безусловно, исключать публичные выборы там, где пост или должность требуют высоких профессиональных качеств, оценить которые человек несведущий просто не в состоянии. И уж конечно, если и будет признана необходимость избрания высших должностных лиц страны, дело это недопустимо превращать во всенародный балаган. Ответственными выборщиками в таком случае могут быть лишь авторитетные представители всех общественных классов, сословий, профессиональных и этнических групп, пропорционально представляющие их удельный вес в нашем обществе.

Идеологическая основа демократии как мировоззрения выражается знаменитым лозунгом Французской революции: «Свобода, равенство, братство». Поддавшись внешней привлекательности этого броского призыва, миллионы людей в течение

долгих столетий безуспешно пытались воплотить его в жизнь. Очень многие, даже весьма умные и образованные люди, не разобрались в отвлеченном, абстрактном характере лозунга, не заметили противоречия призывов между собой (и в самом деле, как совместить свободу с равенством?). Стоит оглянуться вокруг, чтобы уяснить себе их лукавство: в природе нет равенства – она бесконечно разнообразна и строго иерархична; нет и абсолютной свободы, ограниченной взаимозависимостью и закономерной упорядоченностью явлений; нет бессодержательного братства, – ибо нравственное чувство человека всегда избирательно.

«Когда эту формулу захотели обратить в обязательный закон для общественного быта, когда из нее захотели сделать формальное право, связующее народ внутри себя и с правительством во внешних отношениях, когда ее возвели в какую-то новую религию для народов и правителей, – она оказалась роковой ложью, и идеальный закон любви, мира и терпимости, сведенный на почву внешней законности, явился законом насилия, раздора и фанатизма». Это утверждение Победоносцева лучше всяких слов подтверждается тем, что две самые кровавые в истории человечества революции: французская в восемнадцатом веке и русская в двадцатом, прошли под аккомпанемент громогласных призывов к «свободе, равенству, братству».

Губительные в области государственной, сии понятия, по мнению обер-прокурора, благотворны лишь «тогда, когда заключают в себе вечную истину нравственного закона в нераздельной связи с вечной идеей долга и жертвы, на которой держится весь организм миросозерцания».

Юридически-правовая основа демократии – тезис о естественных (прирожденных) правах человека, на реализацию которых, посредством формального законодательства, должна быть направлена вся работа государственного механизма. Эта основа столь же искусственна и лжива, как предыдущие. По сути своей она является лишь абсолютизацией индивидуализма, свойственного западно-европейскому «менталитету» и исторически глубоко чуждого русскому национальному и религиозному самосознанию.

Воплощение в жизни общества идеи о «правах человека», превращенной в правовую догму и не уравновешенной – ни нравственно, ни юридически – идеей «естественных обязанностей», свойственных каждому гражданину, ведет ни к чему иному, как к

неизбежной деградации общественной морали и нравственности, к разрушению самого соборного тела народа. Читайте Достоевского – особенно «Бесов», да «Преступление и наказание», – и все станет на свои места. Убийца Раскольников, мучающийся вопросом «тварь я дрожащая, или право имею?», иллюстрирует вышесказанное лучше всяких глубокомысленных высоконаучных рассуждений.

«Человек есть олицетворенный долг», – согласно утверждают все святые отцы. Русское общество, всегда стремившееся построить свое бытие в унисон с требованиями христианского мировоззрения, от века строилось на воспитании в человеке, прежде всего, твердого осознания своих религиозных, гражданских и семейных обязанностей. Горький опыт междоусобных распрей крепко-накрепко выучил наших предков: акцент на «права» неизбежно порождает упреки в их несоблюдении, взаимные претензии, обиды и склоки. Благородная, на первый взгляд, идея абсолютизации «прав» питает гордыню, высокоумие и тщеславие, ведет к обособлению, разделению, противопоставлению интересов и, в конечном счете, к сословной и классовой вражде, к войне «всех против всех», по-живому рассекающей народное тело.

Еще в конце прошлого века блестящий русский публицист, убежденный державник, многолетний редактор «Московских ведомостей», М.Н. Катков писал: «Плодотворно лишь то право, которое видит в себе не что иное, как обязанность. Право, которое не есть обязанность, оказывается мыльным пузырем; ничего не выходит из него, и ни к чему не ведет оно. Такое право есть не сила, а слабость... Нет пользы в том, что я имею право то и это делать, если я не чувствую себя обязанным сделать то, что должно».

Придавать формальному праву самодовлеющее значение – гибельная ошибка! Еще хуже, когда говорят, что право должно фиксировать существующее положение вещей, «естественные» человеческие запросы. Таким образом подспудно признается законность, легальность страстей, греховных язв, равно гибельных для духовного здоровья личности и основ государственной безопасности. «Настроив» правовую систему определенным образом, можно исподволь и незаметно, действуя полностью в рамках закона, развалить изначально прочную страну, растлить здоровый и нравственный народ.

Такова реальная цена «правового идолопоклонства», являющегося одной из основных черт демократической квазирелигии.

Экономическая основа демократии – финансовый, спекулятивный капитал. Это им сконструирована современная бездуховная «технологическая цивилизация», в которой человек лишается последних остатков совести и душевного здоровья, превращаясь в полуживотное-полумеханизм – безличный винтик в гигантской машине, имеющей единственную всепоглощающую цель: деньги, деньги, деньги...

Под сладкий убаюкивающий говорок об удовлетворении «естественных» потребностей человека эта демократическая «цивилизация» насаждает культ насилия и разврата, терпимость к злу и извращениям человеческого естества. Грехи и страсти падшего человека раздуваются до невероятных размеров, сознательно стимулируются и становятся источником бессовестной, бесчестной наживы. Лозунги такой цивилизации – «Все на продажу!», «Обогащайтесь!», «Живем один раз!» и им подобные – разъедают общественную мораль; в народе происходит распад национального самосознания; государство криминализируется, опутывается всепроникающими мафиозными связями и – неотвратимо – движется к распаду.

И в России грядущий государственный распад – неизбежное следствие практического применения принципов демократии в практике государственного строительства. Либерально-демократическая идея для того, собственно говоря, и предназначена, чтобы подточить, ослабить устои крепкого, традиционного общественного устройства, разрушить его духовные, религиозные опоры, разложить национальные государства и – постепенно, незаметно, неощутимо для одурманенного демократическим хаосом общества – передать бразды правления над ними транснациональной «мировой закулисе», тем ловким политическим «механикам», о которых предупреждал Победоносцев.

Эта операция уже неоднократно была проделана над «развитыми» западными странами. Там национальная государственность сегодня служит в значительной мере декоративным прикрытием реальной власти – называйте ее как угодно: властью мирового масонства или международного капитала, транснациональных корпораций или космополитической элиты... Важно другое: сегодня эта теневая власть рвется к мировому господству. И Россию пытаются подвергнуть той же операции, что и прочих, чтобы превратить в покорное орудие выполнения своих глобальных планов.

3.3. Александр Зиновьев. «Мировое негодяйство»

Вот еще одно мнение о демократии. Здесь изложена точка зрения на международные аспекты взаимоотношений нашей страны с ведущими демократическими державами, именуящими себя «цивилизованным миром». Мы решили привести часть интервью дословно, не искажая форму, выбранную корреспондентом и интервьюируемым. Оно было опубликовано в газете «ЗАВТРА» [69].

В интервью затронуты различные аспекты социальной жизни, и, прежде всего, стоит коснуться вопросов свободы, о которой так любят говорить поборники демократии. Нормальные люди удивляются многообразию различных общественных организаций в демократических странах, и кажется, что это свидетельствует о свободе. Действительно, общества одноруких, фонды защиты прав скаковых лошадей, клубы любителей насекомых и т.д. на первый взгляд могут казаться верхом свободы. На самом деле человек попадает еще в одну ловушку. Александр Зиновьев говорит, что эти общества тоже образуют уровень реальной власти. Они контролируются сверхгосударством. Сам факт образования сначала горбачевской клики, а затем ельцинской, вся их деятельность могут служить классическим примером мощи и принципов работы сверхгосударственности Запада. Они появились не в результате некоего имманентного развития советского общества, а в результате планомерной, целенаправленной деятельности системы сверхгосударственности Запада.

Разрушение СССР как единого государства, а затем вовлечение в свою систему образовавшихся на его осколках государств, в первую очередь, малых, таких как Эстония, Грузия и т.д., – это принцип. В статье «Колониальная демократия», опубликованной в «Дне», Зиновьев описывает этот принцип, с помощью которого Запад завоевывает мир. Он имеет макроструктуру: это вся планета. Сам Запад видит себя метрополией, а остальная планета – его колония. Один из принципов «западнизации» – навязывание колонируемым странам строя, желательного Западу. Сначала разрушить, дезинтегрировать, а потом уже соединять так, как ему хочется. Западный социальный строй дал положительные результаты только для небольшого числа народов. Для всех же остальных он либо гибелен, либо приводит к колонизации.

Западное общество – общество не абстрактных индивидуумов. Его создали люди определенного типа, совсем иного типа, чем, скажем, русские. Эти типы несовместимы по определению. Эволюция западного человека дошла до состояния, когда люди превратились в полуроботов. Расчетливые, холодные, с ослабленной эмоциональностью, упрощенной психикой. Это прямая противоположность русскому типу. Мы – люди рефлексии, внутренний мир играет огромную роль, даже более важную, чем внешний.

Человеческий материал имеет важнейшее значение, наша русская история была бы невозможна с другим человеческим материалом. Запад нельзя было построить с русским типом. Англичанам или американцам не нужно жандармское отделение. Им и царь не был нужен. Они все это имеют в себе самих: и царя, и жандарма. А у нас слабая самоорганизация. И царская, и коммунистическая системы у нас возникли не случайно. И сейчас нужен авторитарный режим. Западу чужд наш мир, и потому он якобы боролся с царизмом, самодержавием, коммунизмом, но объект уничтожения всегда был один – русский народ. Борьба с коммунизмом целых полвека была хорошей маскировкой.

По мнению Зиновьева, сейчас Россия оккупирована. У власти предатели и коллаборационисты, делающие все, чтобы удержаться и помогать Западу грабить страну, но когда армия в панике бежит, ее нужно остановить, а потом заниматься реорганизацией. Это азбука любой политики.

Автор считает, что нужна священная война. Нет никаких политических решений. Что бы мы ни делали, сегодня демократического выхода для России нет. Если в Вашингтоне решат, что нужно удержать Ельцина, а Ельцин, как морально и интеллектуально разложившееся ничтожество, уйдет со сцены, они все равно подберут человека, который будет продолжать делать то же самое. Если правители Запада сочтут нужным считать в России что-то законным, оно и будет законным.

На Западе наступило мировое негодяйство. И нет ни одного политика, который бы заступился за Россию. А если он и найдется, его никуда не допустят. Весь западный мир превратился в сборище негодяев. Это нужно понять.

Автор говорит, что на него обрушились ленинградские демократы после публикации в одной из газет его интервью, где он сказал, что их всех надо повесить в 24 часа. Предатели – все эти горбачевы, яковлевы, шеварднадзе, потом пошли ельцины, гай-

дары, шумейки. Автор анализировал деятельность Горбачева. По его мнению, он действовал только по приказу. Интеллектуальный потенциал этих людей ему хорошо известен. Они – кретины (так в тексте – авт.). Но поведение их в смысле разрушения страны в высшей степени разумно. Оно продумано не ими: оно потрясающе продумано западными стратегами. Сам Ельцин не пошел бы на расстрел парламента. Ему было указано. Зиновьев говорит, что сказал об этом в «Правде», но они это не напечатали.

На вопрос журналиста о том, как нам себя вести, Зиновьев отвечает так. Допустим, что удалось сбросить оккупационное правительство и освободить страну. Сама эта задача – эпохальная. На это нужны годы и годы. Это не десяток человек сбросить. Подкупили почти всю интеллигенцию, армейскую верхушку, дипломатический корпус и т.д. Вся партноменклатура куда-то приткнулась, приспособилась. В стране сложилось целое подобие, и с ним надо вести борьбу.

Но Запад так легко с восстановлением России не смирит-ся. Запад обладает огромной экономической мощью, держит в своих руках все мировые организации, он обладает огромной военной силой, а нашей российской армии фактически не существует.

Перед Западом сейчас стоит задача – уничтожить русский атомный потенциал, то есть, то, что могло бы спасти Россию, а после этого демилитаризовать страну. Если Запад почувствует, что Россию можно уничтожить военным путем, из России устроят второй большой Ирак. Они не остановятся ни перед чем...

Автор заметил, что многие в России спрашивают: а что потом? Но сначала нужно перевернуть такую махину, а уж потом – потом... Любая власть в таких условиях будет действовать по законам организации. Вся история России, а затем Советского Союза делалась в силу необходимости. И Сталину хватало ума учитывать реальность. Он создавал не утопию, а реальное государство в реальных условиях. То, что будет потом, тоже будет делаться в силу необходимости. Если Россия уцелеет, все равно будет происходить поляризация планеты.

Зиновьев приводит образное сравнение – западные птицы выманили русских рыб на берег, соблазнив тем, что на берегу лучше жить. И мы сейчас умираем на песке. Запад создает свою цивилизацию. Однако Россия обречена идти другим путем. Это не значит, что надо изолироваться от Запада. Все равно будет скла-

дываться другая экономическая и политическая зона. Уцелеет Китай, уцелеет Россия – тогда этот регион сложится иначе. Будут создаваться автономные от Запада регионы.

С Россией счеты у Запада особые: она явила угрозу мировому господству. Установка на «холодную войну» остается навечно. И дело не в коммунизме. На Западе этого коммунизма, своего в избытке. Взята установка на уничтожение русскости, и она неуклонно проводится в жизнь. Первое: не допустить русских в мировую культуру. Занизить достижения русской культуры. Все русское стирается. Второе: уничтожить сам русский человеческий материал. Народ разворачивается не случайно, продумана целая программа его разворачивания. С нами поступают так, как американцы поступили с индейцами Северной Америки. Чтобы уничтожить народ, не обязательно убивать все 100 процентов. Срезать точки роста. Убить лучшего гоя. Это делалось и делается по отношению к России. Уничтожить русский народ как великое историческое явление, а он потом сам испарится.

Корреспондент задал вопрос Зиновьеву о том, сможет ли Россия опереться на другие государства, которые также непокорны Западу? Однако автор считает, что ни на кого нельзя надеяться. В этой ситуации русские должны рассчитывать только на себя. Если русские будут мобилизованы и решат стоять, не хватит всех сил мира, чтобы их добить. Все дело в том, решит народ отстоять Родину или не решит.

Невозможно найти себе союзника в Европе, например, в лице Германии. Сейчас страны Западной Европы нельзя рассматривать по отдельности. Существует Европейское сообщество. Это единое целое. Это даже больше, чем районы и земли этих стран внутри страны. Сейчас Германия рвется в нем на роль лидера. Она сильнее всех экономически. Она играет первую скрипку, но не как самостоятельное национальное государство, как это было при Гитлере, а как лидер Европейского сообщества. Отколоть ее от этого сообщества не сможет никакая дипломатия в мире: тогда придется разорвать тело.

Возвращаясь к началу интервью, где Зиновьев говорил о сверхэкономике, сверхобществе, сверхгосударстве, он замечает, что здесь все перепутано. Возьмите любую крупную немецкую фирму и посмотрите, кому она принадлежит, с кем имеет контакты. Примите во внимание и американский фактор в европейской жизни. Они отсюда не уйдут. Существует мировое единство.

И если Германия предпримет хоть какие-то шаги, ведущие к конфликту с США, она долго не просуществует.

Разумеется, мы не можем согласиться со многими положениями этого взгляда, мы привели его как пример одной из крайностей, которая существует во мнениях по поводу нашего стратегического партнерства с Западом. Однако стоит обратить внимание на целый ряд моментов, которые свидетельствуют о правоте Александра Зиновьева и его стратегическом видении.

Еще в 1994 году он увидел тупик в отношениях Запада с мусульманским миром. Спустя 7 с лишним лет кризис вырос до самых грандиозных за всю историю человечества терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, а выход из тупика Запад нашел в форме бомбежек неразвитых стран мусульманского мира с безопасной высоты.

Автор понимал неизбежность добровольного ухода Бориса Ельцина с политической арены, и это его предвидение сбылось, хоть и через шесть с небольшим лет.

Беды в Вооруженных Силах с тех пор только выросли, поэтому правильным представляется мнение Зиновьева о курсе на разоружение России. И принятие закона об альтернативной службе и реальное военно-техническое обеспечение Армии и Флота свидетельствуют об этом.

Александр Зиновьев говорил о стремлении Запада унижить и принизить наши достижения во всем, вплоть до культуры. Грязная Олимпиада в Солт-Лэйк-сити наглядно подтвердила его слова.

К отдельным взглядам автора мы относимся, в свою очередь, критически. Например, вряд ли какой-либо группе государств удастся образовать автономную от Запада, экономически независимую территорию. Запад и, в первую очередь, США, не допустят этого. Такая территория немедленно может быть объявлена зоной подготовки террористов и подвергнута бомбардировкам, а то и ядерным ударам. Также мы не можем согласиться с необходимостью объявления «священной войны». Нет очевидных и организованных сторон такой «войны». К тому же она только ослабит страну, и без того доведенную «реформами» до предела.

Но мы, как и автор, твердо верим, что если народ российский решит отстоять свою государственность и независимость, он, безусловно, выстоит, и даже сил всего мира не хватит, чтобы покорить Россию. Но для этого нужна политическая воля и органи-

зация широких масс на решение трудных общественно-политических задач в рамках стратегии обеспечения самодостаточности и всех видов независимости от международных финансово-политических структур. Кроме того, нам просто необходимо отвечать на информационную войну, развязанную против нашей самобытности и тысячелетней культуры. Ведь в информационной войне нет понятия «оборона», в ней есть только наступление или молчание, которое неизбежно ведет к поражению.

3.4. А.В. Пониделко, А.В. Лукашев. «Анатомия демократии»

В своей книге [40] соавторы подходят к критике с системных позиций. Они рассматривают пороки системы государственного управления, деятельность политических партий, воплощение в жизнь провозглашенных демократией основных ценностей, в первую очередь, с позиций царящей в гражданском обществе морали и нравственности, а также затрагивают отдельные вопросы международной практики стран, причисляющих себя к «цивилизованному миру». Отдельной главой выделена критика института демократических выборов органов власти всех уровней.

К порокам государственной власти авторы относят отсутствие персональной ответственности за принятые решения, многие из которых никак не отвечают, не только общенародным, в демократическом смысле, но и чисто государственным интересам. Другой проблемой в России является сменяемость власти в строго определенные сроки. Как мы уже отмечали, в традиции русской государственности таких корней нет. Более того, необходимость передавать власть по истечении 4-5, в крайнем случае, 8-10 лет правления вынуждает лиц, находящихся во власти, использовать отведенные сроки не столько для государственного строительства, сколько для устройства собственной жизни и дальнейшей, после смены, судьбы.

Поэтому сменяемость власти, принятая в практике западной демократии вредна для демократии отечественной. Ее следует заменить эффективным механизмом отзыва нерадивых и неспособных властителей от занимаемых ими выборных постов. Этим решится и другая задача – эффективная борьба с корруп-

цией, поскольку сведения о коррумпированности того или иного лица достаточно быстро становятся достоянием многих людей.

В книге большое внимание уделено проблеме управленческих кадров. К сожалению, факты свидетельствуют о том, что подготовка управленческих кадров чрезвычайно низка, и это вызвано не столько недостаточным общим уровнем вузов, сколько развитием клановости властных группировок, подбору команды по принципу своячества. Кроме того, процветает и другая порочная практика. Исходя из предвидения возможной «нелояльности» того или иного лица, кадры подбираются из числа таких лиц, в биографии которых есть «темные пятна». Это делается для того, чтобы в нужный момент можно было извлечь досье в форме компрометирующих материалов или необоснованно закрытого уголовного дела с целью превращения «проштрафившегося» субъекта в марионетку, либо полного отстранения его от власти. Поэтому компромат есть практически на любое, более-менее важное должностное лицо.

Система подбора управленческих кадров порождает и другую фундаментальную проблему российской государственности. Государство все больше отдаляется от разрешения государственных проблем и его коренных интересов. Оно приближается к наиболее крупным собственникам в своей стране, а также транснациональным корпорациям, все более становясь похожим на элемент рыночных отношений, где простой народ, в одних случаях – средство решения собственных проблем, в других – просто досадная помеха. Государство российское ныне не опирается на широкие слои населения, и все больше служит корпоративным интересам отечественных и зарубежных собственников.

В обосновании своих реформ власть опирается на так называемую «интеллектуальную элиту». Авторы указывают, что современная интеллектуальная элита состоит из представителей интеллигенции, которые исполняют социальный заказ, как правило, небезвозмездно, в корыстных интересах определенных кругов собственников, а также международных финансовых структур. Часть таких структур проникла в Россию и раздает такой «элите» гранты и иные привилегии, например, возможность публиковаться на Западе, за что она и подводит наукообразную базу под те или иные политические решения и общий курс правительства.

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что большинство выборных постов, начиная с уровня муниципального самоуправления, быстро превращается в «доходные места». Народ это все видит и отстраняется от бесполезного политического процесса, имеющего лишь демократическую форму, но отнюдь не содержание.

В разделе о деятельности партий авторы вскрывают основную суть взглядов партийных лидеров на демократическое устройство России. Авторы отмечают разительный кризис идей ведущих партийных лидеров левого крыла и «центристов», а у представителей последних и вовсе наблюдается банальная необразованность. Зато весьма жестко и точно определились правые силы. В книге приводится анализ одного из лидеров Союза правых сил, из которого явствует, что его лидеры нацелены на создание в России не демократического, а тоталитарного общества. Общество представляется им некоей средой, в которой люди вынуждены жить и дружно работать на хозяев жизни, поскольку иного выхода у них нет. За таким порядком должен следить бюрократический аппарат во главе с президентом. А сам этот аппарат представляется как «тупой, узколобый и четкий, всегда одинаковый» [70]. О качествах президента умалчивается...

В межпартийной борьбе правые применяют и юмор. Вот, например, как партия «Яблоко» характеризует Сергея Кириенко: «Как у Щедрина: «Въехал в город Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки...» [157].

Но ни одна из политических партий не отстаивает национальные интересы, не опирается на исторические традиции и культуру нашего многонационального народа во главе с Русским народом. По большей части партии, особенно вновь испеченные, представляют собой бюрократическую организацию партийных функционеров, поэтому партии называются партиями лишь формально, по своей сути они не представляют интересов народных масс.

Мы не будем цитировать нравы современного гражданского общества в России, такового просто нет, а также практику международных отношений со стороны стран, представляющих развитую демократию в современном мире. Эта практика убедительно показала, что эти страны, пытающиеся «осчастливить» весь остальной мир светлыми идеями свободы, равенства и братства, сами поправили эти нормативные категории демократии и свели

ее популярность к сомнительной технологии достижения собственных геополитических интересов.

Отдельно следует поговорить о выборах. Система выборов, которая позаимствована Россией у Запада, приводит к власти тех лиц, в чью избирательную кампанию вложены наибольшие деньги. А значит, эти лица предварительно договорились со своими спонсорами о последующем удовлетворении имущественных или финансовых интересов таких спонсоров. Спонсоров-собственников имеют практически все уровни власти, начиная с местного и заканчивая федеральным. Поэтому народ во власти представлен не лучшими представителями, как было всегда на Руси, а наиболее сговорчивыми и подходящими для использования в корыстных интересах кандидатами, к тому же, как указано выше, с подмоченной репутацией.

В ходе предвыборных кампаний перед избирателями разыгрывается лишь спектакль, в лучшей или худшей степени отрежиссированный политтехнологами. Поскольку грязные выборные технологии стали достоянием гласности и попали в руки различных политических группировок, а авторы ранее неоднократно издавали книгу с рекомендациями о методах борьбы с «черным пиаром» [152], то применение таких технологий, вводящих общество в заблуждение относительно истинной природы выборов и характеристик кандидатов, стало практически невозможным. В этой связи повысилась роль «административного ресурса», использования правоохранительных органов и суда теми группировками, которые находятся в составе действующей власти, либо связаны с ней определенными предварительно согласованными обязательствами. Сбылось также и предвидение авторов о том, что, со временем, участие в выборах станет опасным для здоровья и жизни мероприятием. Эта «практика» всё более заметна на арене выборов всех уровней, особенно в наших южных республиках, для которых демократия является синонимом ныне популярного словечка «беспредел».

Таким образом, авторы заключают, что фактически в России демократии нет. Есть только «этикетка», «упаковка» из политических технологий, их благообразная оболочка, под которой кроются имущественные интересы крупнейших собственников, заинтересованных в использовании власти в целях собственного обогащения за счет вывоза природных и сырьевых ресурсов на Запад. Туда же вывозятся и капиталы, полученные за счет их продажи. Этим са-

мым мы строим не собственную экономику, как это делали американские олигархи в свое время, а поддерживаем экономики западных стран, легкомысленно надеясь на допуск в число мировых хозяев жизни. Несколько приведенных в книге примеров указывают на тщетность этих надежд отечественных «олигархов и магнатов».

3.5. Майкл Паренти. «Демократия для немногих»

Майкл Паренти является видным американским политологом. Его книга «Демократия для немногих» [30] по состоянию на 1990 год издавалась в США уже пять раз. Для Америки, книжный рынок которой чрезвычайно насыщен всевозможными исследованиями в области политики и экономики, это можно считать грандиозным успехом. В России книга издана в 1990 году тиражом в 10 тыс. экземпляров и особенным успехом почему-то не пользуется. А зря. Почти на полутысяче страниц мелким шрифтом описаны научные исследования американской политической системы, которую наши реформаторы и высшее политическое руководство берут за основу в проводимых ими реформах в России. В работе приведены цитаты и ссылки на более чем 3200 источников, что подтверждает фундаментальность исследования, не имеющего даже отдаленного аналога в отечественной политологии. А ведь мы собираемся строить общество по образу и подобию американского.

Мы представляем наиболее общие выводы из исследования Майкла Паренти и отдельные цитаты, приводимые им с указанием ссылок. Для начала процитируем характеристику американского общества, которую нам дает автор (по состоянию на конец 80-х годов). Это состояние обусловлено тем, что «крупный бизнесмен управляет жизненными потребностями общества» («Теория промышленного бизнеса» Торнстэйна Вэблена). Отсюда данные исследований, говорящих о том, что малейший скачок безработицы ведет к заметному скачку случайных заболеваний, росту алкоголизма, убийств и самоубийств. Последних в год в среднем регистрируется 23-24 тысячи. Случаи самоубийств молодых людей по сравнению с 50-ми годами возросли на 300 процентов и прочно заняли третье место в списке причин смерти среди американской молодежи.

Жилища 30 процентов американцев ежегодно подвержены кражам и взломам (в абсолютных цифрах это составляет 24-25 млн.).

В стране около 700 тысяч заключенных, более 10 млн. алкоголиков, и 29 млн. людей страдают различными нарушениями психики, от легкой формы до острой шизофрении.

Ежегодно один миллион человек гибнут от героина и кокаина. А фармацевтическая промышленность поставляет на рынок амфетамины и барбетураты, что приводит к болезням и гибели еще миллионов людей.

По числу разводов Америка прочно занимает первое место в мире, опережая Швецию, находящуюся на втором месте, в два раза.

В США 2 млн. детей страдают от отсутствия родительского внимания.

Ежегодно регистрируется 150 тыс. заявлений о пропаже детей, а 50 тыс. детей исчезают бесследно.

Каждый десятый человек преклонного возраста, живущий в семье (в США обычной является практика сдачи пожилых родителей в дома престарелых – авт.), подвергается жестокому обращению (изоляция, побои и т.п.).

Поборники «медицины-ради-прибыли» утверждают, что никому не отказано в медицинской помощи. При этом они ссылаются на избыток коек и врачей в частных клиниках и больницах. Однако эти больницы заинтересованы лишь в высокоприбыльном рынке платежеспособных клиентов и закрывают дверь перед каждым, кто таковым не является.

Существует миф о баснословных зарплатах некоторых квалифицированных рабочих, в основном, строительных специальностей. Говорят, что они получают больше профессоров. Подобные выдумки лишены каких бы то ни было оснований. В действительности, такие рабочие, занятые на опасных и грязных работах, получают гораздо меньше профессоров. Даже высокооплачиваемые строители со стажем в десятки лет в среднем получают меньше, чем выпускник колледжа, поступивший на курсы управления промышленностью.

Таких рабочих по стране – около 50 млн. К ним применяется потогонная система работы по 10-12 часов в сутки, и никаких льгот, типа оплачиваемого отпуска по болезни или медицинской помощи. После 1973 года число рабочих мест возросло,

однако зарплата понизилась на 14,3% с учетом инфляции.

Перейдем к изложению взглядов автора на политическую систему США. Он ставит такие вопросы: «Как и во имя чего существует американская политическая система?»; «Каковы главные силы, формирующие политическую жизнь, и как они действуют?»; «Кто правит Америкой?»; «Кто и как расплачивается?».

Идеализированная школьная версия американской политической системы гласит:

1. США были основаны людьми, посвятившими свою жизнь делу создания государства на благо всех граждан. Для ограничения политической власти была выработана и принята конституция. Она служила американскому народу на протяжении многих поколений и продолжает это служение и сейчас.

2. Политические лидеры нации, президент и конгресс руководствуются народным волеизъявлением. Народ сам не правит, но избирает во власть своих представителей.

3. Население США состоит из различных социальных, экономических, этнических и региональных группировок, которые предъявляют государственным должностным лицам разные, порой противоречащие друг другу требования. На правительство возложена роль осуществления посредничества между этими противоречивыми требованиями, выработки такого политического курса, который служил бы благу всего общества. Каждая общественная группа имеет право голоса, никто не может главенствовать постоянно.

4. Подобное общественное устройство дало нам власть не отдельных лиц, а законов которые, хоть и далеки от совершенства, но имеют высокую степень участия в них народа. Наша политическая система есть плоть от плоти нашего свободного и процветающего общества и составляет предмет зависти всех народов мира.

Однако автор делает совсем другие выводы в отношении американской политической системы. Он установил, что правительство представляет, скорее, привилегированное меньшинство, чем нуждающееся большинство, и что участие в выборах, в деятельности политических партий и осуществление права высказать свое мнение совершенно не адекватно влиянию корпоративного богатства.

Законы приводят главным образом к недемократическим результатам, поскольку они изначально писаны для обеспечения

интересов имущих за счет неимущих и применяются крайне дискриминационным образом. При этом, как показано в книге, эта «демократия для немногих» не порождена продажностью и корыстью отдельных лиц, но отражает суть всей политико-экономической системы в целом, способы распределения власти внутри нее и интересы, которые она обслуживает.

На прямой вопрос о том, кто хозяин Америки, автор дает недвусмысленный ответ. Вопреки распространенному мифу, богатство в США не принадлежит широким слоям среднего класса. Самая состоятельная часть американских семей, насчитывающая 10 процентов от их общего числа, владеет 86 процентами всех акций, облигаций, сбережений, недвижимости и других финансовых активов. Верхушке в пол процента принадлежит 45 процентов всех частных состояний, в то время как у 90 процентов американского народа просто нет финансовых активов. Единственным источником обогащения остается получение наследства. По этому поводу автор делает горькое ироничное замечание: «Если вы небогаты, то главным образом потому, что не проявили достаточной предприимчивости и дальновидности в выборе родителей».

Приведенная в книге подробная статистика в отношении американских компаний и семей доказывает эти положения.

В то же время заработная плата граждан, даже имеющих постоянную работу, не позволяет иметь сколько-нибудь комфортабельные условия жизни и уверенность в завтрашнем дне. Опрос бюро переписи населения выявил, что доходы 60 процентов всех занятых рабочих недостаточны для поддержания достойного уровня жизни, а 30 процентов находятся ниже официальной «черты бедности». Большинство бедняков в Америке имеют работу, а в нищете они живут не потому, что ленивы. Они живут так, потому что хозяева платят им недостаточную зарплату, из которой им приходится покупать дорогостоящие товары первой необходимости, оплачивать высокую аренду жилья и платить налоги.

По самой природе политико-экономическая система неизбежно обязана эксплуатировать общественные ресурсы и труд с целью извлечения максимальных прибылей. Этот императив системы порождает дисбаланс капиталовложений, небрежение социальными нуждами, лишения, расточительство, всеобщее экономическое угнетение и неравенство, которое приносит богатство немногим и нищету большинству.

Американская система – это нечто большее, чем просто экономическая система. Это – культурное и общественное устройство, плутократия, т.е. система власти богатых в интересах богатых.

В своем большинстве университеты и колледжи, издательства, массовые журналы, телевидение и радио, профессиональные спортклубы, организации и фонды, церкви(!), частные музеи, благотворительные организации и больницы сформированы по принципу корпораций и управляются советами попечителей, состоящими из влиятельных бизнесменов. Эта особенность имеет важное значение для понимания системы политической власти в Америке: почти все социальные институты, существующие в стране, вместе с их необъятными материальными и профессиональными ресурсами, находятся под контролем плутократов и управляются невыборными, самоназначаемыми и самоувековечивающимися группировками богатых представителей корпоративного сектора, которые не несут ответственности ни перед кем, кроме самих себя.

В США официально существуют четыре основных взгляда на идеологию – консерваторы, либералы, социалисты и демократы. Принято считать, что выразители этих взглядов демократическим путем конкурируют друг с другом и достигают общественного согласия. Так ли это?

Консервативная идеология, которой наиболее привержены корпоративные и политические элиты, поддерживает капиталистическую систему и защищает интересы бизнеса. Они противодействуют большинству реформ. Они также считают, что некоторые явления несправедливости исчезнут сами по себе, а бедность есть вечный порок человечества и вызвана стремлением части людей жить на благотворительность и пособия.

Консерваторы утверждают, что экономические спады происходят из-за того, что корпорациям не хватает денег для капиталовложений.

Консервативные лидеры делают ставку на своекорыстное стяжательство, свободный рынок, институциональную власть, иерархию, мощную полицию и крупный военный истеблишмент. Краеугольным камнем в области прав человека является право собственности, право извлекать прибыль из чужого труда.

Либералы принимают основную структуру и ценности капиталистической системы, но полагают, что социальные пробле-

мы могут быть разрешены и улажены перераспределением государственных и административных расходов. Они считают, что если к власти придут «разумные» или «правильные» люди, то при разумном сочетании воли, общественного сознания и политической энергии система может справиться с кризисными явлениями.

Либералы в целом поддерживают вмешательство государства в экономику в надежде на искоренение пагубных пороков экономической системы и пересмотр «наших искаженных приоритетов».

Либералы призывают к сокращению военных расходов и выступают за охрану прав личности против государственного подавления, помощь бедным, но, когда наступает время действий, они голосуют в конгрессе за непомерный военный бюджет, поддержку разведывательных служб и органы безопасности, утверждают сокращение ассигнований на социальные нужды.

К социалистам Майкл Паренти относит тех, кто стремится заменить капиталистическую систему системой государственной и общественной собственности, при которой экономика рационально планируется в интересах общества и человеческих потребностей. Социалисты рассматривают капитализм, как систему, которая:

а) больше всего бьет по тем, кто в наименьшей степени способен защищать себя – больным, безработным, престарелым, неимущим;

б) на протяжении 122 лет обрушила на нас 27 промышленных депрессий;

в) лишает миллионы людей приемлемого жилья, в то время как одна треть рабочих строительных специальностей ищет работу;

г) оставляет миллионы людей голодными, в то время как агробизнесу, изымающему сельскохозяйственные угодья из оборота и забивающему склады избытком продукции, выплачиваются миллиардные пособия;

д) обеспечивает богатство и власть узкому кругу лиц, в то время как миллионы людей живут в нищете и отчаянии;

е) организует общество на использование земли, труда, ресурсов и техники с одной только целью – накопление капитала.

Социалисты отличаются от либералов тем, что убеждены в невозможности разрешения социальных проблем в рамках существующей системы.

Консерваторы, либералы и социалисты единодушно заявляют о своей преданности «демократии», однако склонны понимать под этим термином совершенно разные вещи. Майкл Паренти под демократией понимает такую систему правления, которая по форме и по содержанию представляет интересы тех, кем правят. Лица, ответственные за принятие решений, обязаны править на благо большинства, но не привилегированного меньшинства. Их политика должна приносить реальную пользу массам.

Как же обстоят дела в реальной жизни? Существует «право каждого гражданина быть услышанным». Закон позволяет в одинаковой степени возвысить свой политический глас, как богатому, так и бедному. И тот и другой свободны, чтобы нанять влиятельных лоббистов и вашингтонских адвокатов с тем, чтобы воздействовать на государственных должностных лиц. И тот, и другой одинаково свободны формировать общественное мнение, вступив во владение газетой или телевизионной станцией. И богатч, и бедняк имеют равное право участия в избирательной кампании, на которую расходуются многие миллионы долларов. Поэтому подобное политическое равенство есть фикция.

Некоторые воображают, что если вы вольны говорить все, что вам вздумается, то это и есть демократия. Однако свобода слова – это еще не вся демократия, а только лишь одно из ее необходимых условий. Часто получается так, что мы свободны **говорить**, что хотим, а те, у кого богатство и власть, свободны **делать**, что они хотят, не обращая внимания на то, что мы говорим.

Ни выборы, ни соперничество партий еще не служат неопровержимым признаком демократии. Некоторые двухпартийные или многопартийные системы столь жестко контролируются элитой, что не допускают широкого участия народа в управлении и проводят политику, обслуживающую интересы истеблишмента, вне зависимости от того, кто в то или иное время занимает выборные должности.

В этом труде установлено, что суждение о том, является ли система демократической или нет, зависит вовсе не от всякого рода процедур, а от реальных результатов и от того, какого сорта социальную справедливость или несправедливость она утверждает.

Любое государство, которое сознательно или по недосмотру лишает народ условий, необходимых для нормальной жизни, не может считаться демократическим, сколько бы выборов оно ни проводило.

В книге детально рассмотрен исторический процесс формирования и принятия конституции США, а также условия, в которых проходил этот судьбоносный для американского народа процесс. Приведено большое число любопытных фактов и наблюдений. Мы вынуждены ограничиться лишь самыми общими фактами и выводами.

Побуждения авторов текста конституции и лиц, ее принимавших не были ни возвышенными, ни низменными. Они шли вровень с экономическими интересами социальной группы, борющейся за место под солнцем и за власть, отстаивая свои материальные интересы. Именно поэтому конституция отстаивала превосходство прав собственности над личными правами и свободами. Она отстаивала свободу спекулировать и торговать, вкладывать и копить капитал и оградить обладание им от посягательств со стороны государства или народа. По мнению одного из авторов конституции, полковника Джеймса Мэдисона, «для буржуазии пришло время править государством напрямую, без пагубного вмешательства королей и аристократов» (надо отметить, что из 55 делегатов, призванных принять конституцию, 21 был склонен к монархической системе правления Штатами – авт.).

Институт выборов, деятельность политических партий автор рассматривает, как грандиозное шоу, ничего общего не имеющее с демократией. Отмечено, что ослабло влияние политических партий, но возросло значение предварительных выборов, открытых для выдвижения кандидатуры любому, у кого есть богатые покровители, либо личное состояние, позволяющее оплачивать собственный штат и дорогостоящую кампанию в средствах массовой информации. Сегодня кандидаты предпочитают не зависеть от партийных организаций в представлении своей кандидатуры общественности, в поддержании контактов с избирателями. Они вступают в кампанию со своей полностью укомплектованной «фирмой», включая экспертов по определению общественного мнения и по связям с прессой.

Подобный подход к «выборам по телевидению» способствует непомерному удорожанию избирательных кампаний, но отнюдь не качественному улучшению политической дискуссии, все более низводя ее до рекламных вставок, где все зависит от умения «подать кандидата».

Такая «политическая деятельность» не предполагает никакой ответственности и подотчетности перед избирателями и

фактически не оставляет места для вопросов экономической и социальной справедливости.

В США законодательно установлена двухпартийная система, хотя закон не запрещает деятельность и других партий. Утверждается, что республиканцы и демократы отображают различия в спектре политических прерогатив. Однако, на самом деле, эти партии есть братья по духу. Их связывает незримое кровное родство. Смена их у власти не меняет сути дела. Обе партии привержены одной и той же частнокапиталистической системе ценностей – рыночной экономике, гигантскому военному бюджету, использованию субсидий, максимизации прибылей, в том числе, через создание новых отраслей промышленности за государственный счет, применение репрессий к противникам существующей системы, всемерной защиты корпоративной империи и подавления социал-революционеров в зарубежных странах.

Автор находит громадное число махинаций, жульничества и политического мошенничества в американской политической системе. Ну, например, процедура сбора подписей под петициями о выдвижении мелкими партиями собственных кандидатур на выборы. В Пенсильвании кандидаты от третьих партий за три недели обязаны собрать 36 тыс. подписей. Но и такие жесткие временные рамки еще не предел. В Техасе подпись под такими петициями дозволено ставить не просто зарегистрированному избирателю, а тем, кто не участвовал в предыдущих предварительных выборах и, к тому же, помнит свой восьмизначный регистрационный номер.

В Западной Вирджинии лица, подписавшие петицию о выдвижении кандидата, утрачивают право голосовать в предварительных выборах кандидатов основных партий.

Во Флориде мелкие партии обязаны уплатить по десять центов с каждой подписи.

В Луизиане независимый кандидат обязан заплатить 5 тыс. долларов за регистрацию.

В ряде штатов необходимо внести не подлежащий возврату регистрационный сбор только лишь за попытку попасть в список для тайного голосования.

В целом, третьей партии требуется более 750 тыс. долларов на покрытие регистрационных сборов и других расходов. Это нужно, как утверждают некоторые, для устранения «легкомысленных» кандидатов.

На этом фоне закон о федеральной избирательной кампании от 1974 года выделяет двум основным партиям 110 млн. долларов, которые они делят поровну, и еще миллионы долларов на проведение национальных съездов за счет налогоплательщиков.

Для третьих же партий существует «уловка-22»: денег не получишь, пока не соберешь пять процентов голосов, но и пять процентов голосов не собрать, пока не получишь деньги.

Система «победитель получает всё» лишает мелкие партии не только представительства, но и самих избирателей, поскольку они не могут возлагать надежды на заведомо проигранные ими выборы.

Автор приводит массу примеров политических манипуляций в ходе выборов и давления на избирателей, в том числе, со стороны агентов ФБР, причем, это давление осуществлялось не на отдельных избирателей, а имело массовый характер и охватывало тысячи людей.

Поэтому на вопрос о том, кто правит Америкой, автор отвечает, что это делает политическая и предпринимательская элита, связанная организационными, финансовыми и социальными узами, которая легко перемещается между государственными и частными руководящими постами.

Важнейшее значение в политической системе придается средствам массовой информации. Поскольку эта тема весьма актуальна и в России, приведем несколько фактов из американской действительности, тем более что Госдеп этой страны постоянно упрекает нас в зажиме свободы слова и в нарушении прав свободной прессы.

Кратко изложим взгляды автора на информационное пространство, на которое так похоже становится и наше, российское информационное пространство.

Прежде всего, надо отметить, что ЦРУ полностью принадлежат более двухсот сорока органов массовой информации по всему миру, включая газеты, журналы, радио и телевизионные станции, и еще большее число оно контролирует частично. А это накладывает отпечаток на содержание информации в массовых средствах, особенно в части интерпретации фактов и событий.

Кинематограф, телевидение, книги, школьные учебники рисуют мир, как планету, где преобладает и господствует белый высший и средний класс. Трудовой люд представляется либо злодеями, либо неотесанными, грубыми и аморальными типами.

Мысль, которую нам внушают, состоит в том, что материальный успех суть мерило человеческого достоинства и ценности; бедняки, таким образом, многого не стоят, и обществу потому не резон транжирить на них свои ресурсы. Условия человеческого существования зависят от платежеспособности, поэтому деньги становятся вопросом жизни и смерти.

Многих людей шокирует тот факт, что крупные органы массовой информации – это компонента корпоративной Америки. Они представляют собой гигантские компании или дочерние предприятия конгломератов, контролируемых ничтожным числом ведущих банков и корпораций и горсткой консервативных магнатов, например, Рупертом Мэрдоком и Уолтером Анненбергом.

80 процентов всех «независимых» телевизионных станций связаны с одной из трех телесетей – NBC, CBS, ABC. За исключением местных новостей, они передают одни и те же программы.

Большинство остальных телеканалов связаны с образовательной телесетью NET, которая **почти все средства** получает из «Фонда Форда», контролируемого банками Моргана и Рокфеллера. «Фонд Форда» отбирает совет директоров NET и **оставляет за собой право просмотра и проверки каждой программы, создаваемой на его деньги.**

Из 1700 ежедневных газет 2/3 контролируют 80 процентов совокупного тиража и принадлежат таким объединениям, как «Гэннет» и «Найт-Риддер».

Менее 4 процентов американских городов имеют конкурирующие газеты, принадлежащие разным (всего лишь! – авт.) хозяевам.

Позиции газет колеблются от консервативной до ультраконсервативной – при наличии совсем небольшого числа, склонного к центризму или весьма сдержанному либерализму. Вмешательство правительства и официальная цензура – далеко не единственная угроза свободе печати. «Владельцы и менеджеры печатных органов определяют, каких авторов, какие факты, какую интерпретацию фактов и какие идеи допускать к читающей публике» (Доклад комиссии по свободе печати, цитир. в Cirino. Don't Blame the People, p.47).

В 1886 году документальному фильму «Лики войны», разоблачавшему интервенцию США в Сальвадоре, было отказано в праве на демонстрацию на 22 основных телевизионных рынках.

Обозреватель «Нью-Йорк таймс» Том Уикер сетовал: «Когда я был шефом бюро «Таймс» в Вашингтоне, я состоял членом «Лиги джентльменов» (т.е. официальной элиты), иначе мне бы такой должности не увидеть... Раз за разом я говорил им (репортерам – авт.): «Такого в «Нью-Йорк Таймс» вам никогда не напечатать. Здесь всё основано на ваших собственных суждениях, а не на официальной оценке. Статья слишком сложна и противоречит официальному мнению куда более явно и резко, чем это позволяют обычаи и традиции газетной журналистики» (К. Келли. «Лига джентльменов». – Гардиан, 13.2.1985).

Вашингтонский редактор «Нью-Йорк Таймс» указывал: «Вся позиция (администрации) выражается в том, что правительственная информация принадлежит только правительству».

Хелен Томас из информационного агентства «Юнайтед Пресс Интернэшнл»: «Они (администрация) каждый день выбирают одну тему, ту, что почти неизбежно попадет в вечерние новости и отвечают на вопросы и открывают доступ к информации, связанной только с этой темой. Относительно множества других событий мы наталкиваемся на полное молчание... Вся их позиция заключается в следующем: «Мы скажем вам лишь то, что вам, по нашему мнению, нужно знать» (заявление Ковача и Томаса. – Вашингтон Пост», 10.6.1985).

В рекламных роликах дела и вовсе печальны: женщины в них, похоже, поглощены главным образом тем, чтобы выглядеть тупо жизнерадостными и безмозглыми служанками с упоением готовящими кофе, натирающими полы, отстирывающими испачканные одежды или – в лучшем случае – втирающими в волосы обворожительный шампунь. Пятая часть телевизионного времени потребляется коммерческой рекламой, изображающей людей горластыми придурками, чьи проблемы улаживаются, как только к ним в руки попадает «нужное» лекарство или моющее средство.

Таким образом, промышленность формирует общественное сознание, навязывающее людям привычку приводить свои потребности и образ жизни в соответствие с диктатом товарного рынка.

Хотя реклама стоит «вне политики», группировки, представляющие интересы общественности, в Рекламный совет не входят. Во время, отведенное для социальной рекламы, она воспекает блага свободного предпринимательства и лживо утверждает, что «бизнес делает свое дело», обеспечивая ветеранов, представителей национальных меньшинств и бедняков.

Уважаемый читатель! Мы привели практически дословно этот фрагмент о рекламе для того, чтобы вы поняли, откуда торчат «ослиные уши» отечественных «асов рекламного дела». Мы могли бы цитировать еще долго, книга достойна того, чтобы ее привести полностью.

Может быть, у читателя сложилось мнение, что Майкл Паренти злокозненный коммунист? Отнюдь, у него отрицательное мнение о коммунистической системе. Судя по отдельным высказываниям, автор является поклонником европейских традиций социал-демократии, в большей степени основанной на плебисцитарном и пропорциональном представительном принципах. Он не раз одобрительно отзывался о справедливости пропорционального участия различных социальных слоев в правительстве.

Читатель также может подумать, что Майкл Паренти исключение из правила, отклонение от нормы демократических традиций. В какой-то мере это так, но лишь частично. Мы уже приводили в книге «Анатомия демократии» [40] мысли другого американского политолога Гарольда Дж. Бермана, который опубликовал их в России ближе к нашему времени. Приведем их еще раз близко к тексту оригинала.

В XX веке в правовом демократическом обществе возникли проблемы. Они связаны с бюрократизацией государства и использованием им права исключительно в своих целях. Основной целью использования права стало вмешательство государства в частную жизнь собственных граждан под предлогом воспитания у них законопослушности. Под этим предлогом государство проникло практически во все сферы общественной и экономической жизни – управления финансовыми потоками, доступа к информации, здравоохранения, образования и так далее.

Административное регулирование норм общественного поведения вторглось в гражданские кодексы Франции, подорвало сложившуюся юридическую систему в Германии и в США. В судебную юрисдикцию всё более внедряются правительственные органы исполнительной власти. Практически все социальные институты, от семьи и школы до добровольных общественных организаций и ассоциаций, подвергнуты жесткому административному и юридическому контролю со стороны государства. Подобное отношение к праву и его использование проистекало из очевидного стремления государства влиять на убеждения и взгляды людей, чтобы научить их быть более социально ответ-

ственными и терпимыми. И, собственно, поэтому социализирующие функции семьи, школы, церкви, хозяйственного предприятия, добровольных ассоциаций были подвержены на Западе прямому законодательному, административному или юридическому контролю. То есть, право государства стало играть роль своего рода учителя. По образному выражению польско-американского поэта Чеслава Милоша: «Государство поглотило общество» [71]. Автор подчеркивает, что, по теории, не государство и не правительственные институты, а общественные и профессиональные организации являются источником права.

Как видим, Майкл Паренти не одинок в своих грустных размышлениях о сути американской, да и не только, демократии.

3.6. Ральф Эпперсон. «Невидимая рука»

Книга Р. Эпперсона «Невидимая рука» [72] за 7 лет выдержала 13 изданий, что для мало читающей Америки является уникальным явлением. Автор более 20 лет работал над материалами, прежде чем приступил к изданию этой книги. Работа посвящена доказательству того факта, что за кулисами мировых исторических процессов нередко стоит невидимая рука крупнейших собственников на планете, управляющих этими процессами в собственных корыстных целях. Однако мы не будем рассматривать здесь историю как заговор, чему посвящена книга, а также доказательства этого факта. Мы лишь приведем несколько очевидных и доказанных фактов, которые адекватно характеризуют американскую политико-экономическую систему – оплот мировой «свободы и демократии», ядро «цивилизованного мира», – претендующую на мировое господство.

Поскольку движущей силой американского общества является «свободный рынок», куда попали не только экономические, но и почти все другие общественные отношения, то содержание этого раздела будет посвящено именно политическим и финансово-экономическим аспектам, подтверждающим фактически ранее представленные взгляды русских авторов на демократию.

Ральф Эпперсон срывает завесы и со всех коммунистических вывесок и пропагандистских штампов. В частности, он показывает, что в отличие от лживой коммунистической фальсифи-

кации истории русская революция 1917 года произошла не в конце периода застоя и упадка, а после полувекового экономического прогресса России. Этот факт мы, кстати, проиллюстрировали цифрами в разделе о традиционной русской демократии.

В книге прекрасно изложены методы управления высшей финансовой олигархии с целью усиления своего могущества. Оказывается, никаких рыночных механизмов не существовало. Большие деньги делались за счет войн, революций, кризисов и контроля над денежной эмиссией. С 1913 года это узаконенное фальшивомонетничество принадлежит Федеральной Резервной Системе, которая является не государственным органом, а частным банком с узким составом владельцев.

По аналогии исторических событий в Америке, описанных Ральфом Эпперсоном, нетрудно найти сходство с сегодняшними событиями в России. Экономические и финансовые операции в России: высокая ставка рефинансирования, внешние заимствования, введение новых денежных знаков, дефляция и глубокая стагнация производства, девальвация российского рубля – это надежно управляемые процессы.

Правительство используется для сосредоточения власти, оно запутывает людей, желающих сохранить свободу понимания самой сущности правительства. Как только свойства правительства стали понятными, могут быть приложены усилия против возрастания власти правительства как над национальной экономикой, так и над жизнями граждан.

Лучше всего начать подобное изучение с двух первопричин, которые являются, как признано, источником прав человека. В предположении, что люди действительно имеют права, существует всего две первопричины: или сам человек, или же некто, или нечто внешнее по отношению к нему – Творец.

Многие из американских отцов-основателей признавали различие между этими двумя возможностями. Томас Джефферсон, например, выразил свое понимание таким образом: «Бог, который дал нам жизнь, дал нам свободу. Могут ли свободы нации быть гарантированы, если мы устраним убеждение в том, что эти свободы – дар Божий?»

Однако противоположное утверждение состоит в том, что наши права идут от правительства, которое создано человеком. Это положение гласит, что человек создает правительство, чтобы дать человеку его права.

Уильям Пэнн оставил серьезное предупреждение тем, кто не различает эти возможности: «Если людьми не будет править Бог, то тогда ими должны править тираны».

В Декларации независимости Творец упоминается четыре раза, но сейчас некоторые американские руководители настаивают, что Бога должно отделить от дел правительства. Но м-р Пэнн заметил, что, при подобном разделении, народом будут править тираны, а будущие тираны сделают все возможное, чтобы отделить веру в Бога от существования правительства.

Это обстоятельство не ускользнуло от внимания отцов-основателей. В Декларации независимости читаем: «Мы принимаем эти истины как очевидные, что все люди созданы равными, что они наделены Творцом некоторыми неотчуждаемыми правами».

С другой стороны, хорошим примером того, что правительства даруют права человека своим гражданам, является Международный пакт по правам человека, принятый в 1966 году. В частности, он гласит: «Государства-участники настоящего пакта признают, что обладание этими правами обеспечивается государством, в соответствии с настоящим Пактом, государство может подвергнуть эти права только таким ограничениям, которые определяются законом».

Этот документ гласит, что права человека дарованы правительством. Далее заключают, что права могут быть ограничены законом; другими словами, то, что даруют, находится под контролем дарующего органа – правительства.

Таким образом, мы имеем две конкурирующие и противоречащие друг другу теории прав человека: одна утверждает, что права даны Творцом. По другой теории, права человека исходят от самого человека, и поэтому могут быть ограничены и отняты другими людьми, «как определено законом».

Создатели конституции осознавали существование этой тенденции, когда они писали Билль о правах, первые десять поправок к конституции. Цель этих поправок – ограничить возможность власти правительства нарушать права граждан государства.

Поэтому становится важным различать право и привилегию, определив эти понятия.

Право – это свобода поступать нравственно без позволения.

Привилегия – это свобода поступать нравственно, но только с позволения какой-либо правительственной организации.

Права человека, которые индивидуум хочет защитить, по своей природе просты. Они включают право на Жизнь, Свободу и Собственность. По существу, эти три права являются одним правом – правом на жизнь. Человек создается голодным и вынужден добывать пищу для поддержания жизни. Без права сохранять то, что он произвел (собственность), человек наверняка умрет от голода.

Люди могут передавать правительству только те права, которыми они сами обладают. Имеет ли человек право отнимать у другого? Имеют ли два человека право отнимать у другой группы людей? Имеет ли множество людей, действующих заодно, это право? Может ли группа людей собраться, объявить себя правительством, а затем наделить это правительство правом, которым они сами не обладают?

Правительствам не требуется отнимать жизнь у человека, чтобы убить его. Правительства могут отнять у человека право собственности или право на свободу производить собственность, необходимую для поддержания жизни. Поэтому правительство, которое ограничивает способность человека сохранять то, что он производит – его собственность, обладает такой же возможностью убить человека, как правительство, отнимающее жизнь человека по произволу (случай гитлеровской Германии).

Разумеется, это чисто американский взгляд автора, логика западного интеллекта, однако, даже с позиций этого, рационалистического мышления, ниже будет показано, насколько она соответствует действительности.

В разделе «Формы правления» автор определяет, что в рамках демократии государством управляет демагог, который определяется как: «Говорун, стремящийся сколотить капитал на общественном недовольстве и приобрести политическое влияние».

Демагогов обычно нанимают те, кто поддерживает олигархию, или сами олигархи, для создания анархии или общественного недовольства, которые олигархи превратят в настоящую олигархию. Демократии превращаются в анархии по мере того, как олигархи стремятся к управлению правительством сами. Анархия завершается диктатурой или тиранической формой правления, когда олигархия приобретает полный контроль над всеми людьми.

Александр Гамильтон знал об этой тенденции демократии: «Мы сейчас формируем республиканское правительство. Подлин-

ная свобода обнаруживается не в крайностях демократии, а в умеренных правительствах. Если мы слишком привержены демократии, то мы вскоре превратимся в монархию (или иную форму диктатуры)».

Джеймс Мэдисон писал: «Во всех случаях, когда большинство объединено общим интересом или чувством, права меньшинства находятся в опасности!»

Джон Адамс также писал: «Необузданные страсти производят одинаковое действие, будь то король, знать или толпа. Опыт человечества доказал преобладающую склонность использовать власть безответственно. Именно поэтому необходимо защищать отдельную личность от большинства (при демократии), как от короля при монархии».

Примерно в то же время британский профессор А.Ф. Тайлер писал: «Демократия не может существовать как постоянная форма правления. Она может существовать до тех пор, пока избиратели не обнаружат, что они могут обеспечить себе голосованием щедрый дар (определяемый как щедрый подарок) из общественной казны. Начиная с этого момента, большинство всегда голосует за кандидата, обещающего наибольшие доходы из общественной казны, с тем результатом, что демократия рухнет из-за слабой налоговой политики; за ней всегда следует диктатура».

Следовательно, в демократии мощь создает право, а закон ограничивает людей.

Далее описан способ, которым демократические или республиканские формы правления могут быть превращены в диктатуру. Этот метод превращения демократии в диктатуру был подробно описан в 1957 году в книге Яна Козака, члена секретариата Коммунистической партии Чехословакии. Американский вариант этой книги назван «Без выстрела. Коммунистическая стратегия свержения представительного правительства» [73]. Ян Козак описывает то, что названо «захват в клещи», – метод, которым заговорщики могут использовать парламент – «давление сверху» и толпу – «давление снизу», для превращения демократии в диктатуру. Стратегия здесь следующая:

а) борьба за устойчивое парламентское большинство, которое обеспечит и разовьет сильное «давление сверху»;

б) забота о том, чтобы это устойчивое парламентское большинство опиралось на революционную активность широких рабочих масс, оказывающих «давление снизу».

Для захвата контроля над правительством автор предложил программу из пяти пунктов. Первый шаг состоял в проникновении заговорщиков в правительство («давление сверху»). Второй шаг – создание действительных или мнимых поводов для недовольства, вызванных действиями правительства или путем искусственного создания ситуаций, когда правительство должно было вмешаться и не вмешалось.

Третий шаг – создание толпы, возникшей из-за действительных или мнимых поводов для недовольства. Толпа требует, чтобы проблема была решена правительством («давление снизу»).

Четвертый шаг – заговорщики в парламенте исправляют действительную или мнимую ситуацию принятием жесткого закона.

Пятый шаг – повторение трех последних шагов. Закон, принятый парламентом, не решает проблемы, и толпа требует все новых и новых законов, пока правительство не превращается в тоталитарное, по существу, обладающее всей полнотой власти.

Этот способ с небольшими отличиями применялся Гитлером, который посылал приверженцев своей партии на улицы для организации террора («давление снизу»), вину за которые он возлагал на правительство («давление сверху»). Немецкий народ, которому Гитлер говорил, что правительство не может покончить с террором, несмотря на принятие жестких законов, слушал единственного человека, который сулил перемены к лучшему – Адольфа Гитлера. Он обещал, что покончит с террором, когда получит власть. Народ верил Гитлеру и привел его к власти в результате демократических выборов. Как только Гитлер получил власть, он отозвал террористов, он выполнил свое обещание – террор прекратился.

Более свежий пример использования этого метода дали те, кто хотел продолжить войну во Вьетнаме. Эта стратегия применялась всю войну с небывалой действенностью. Большая часть людей, выступавших против войны во Вьетнаме, вышла из университетских городков США. Эти учебные заведения усиленно финансировались правительством, против которого выступали студенты.

Правительство, действуя методом «давления сверху», намеренно финансировало учебные заведения, так как хотело, чтобы они выпускали «антиправительственных диссидентов» – «давление снизу». Зачем это было нужно правительству? Ответ прост.

Основные средства информации, которые освещали каждое мероприятие протестующих против войны, где участвовало более трех человек, говорили общественности, что выступать против войны – не по-американски. При этом протестующие делали все, чтобы опозорить американский флаг, народ и военных. Эти действия были рассчитаны на то, чтобы убедить народ в том, что существует только два варианта:

а) Поддержать правительство в любых действиях в этой войне.

б) Присоединиться к протестующим, которые сжигали американский флаг, совершали непристойные действия и т.д.

Одновременно популярным сделали лозунг: «Твоя страна: люби ее или покинь ее!»

Стратегия сработала. Американский народ позволил различным администрациям вести войну без цели победить в течение десяти лет.

Технология «клещей», которую приводит автор, вполне успешно применяется и в настоящее время, но уже в глобальном масштабе. Мы имеем в виду тему борьбы с международным терроризмом. Разумеется, мы далеки от мысли, что международный терроризм инспирирован намеренно. Но мы обращаем внимание читателя на тот, факт, что это явление некоторые международные организации вполне технологично пытаются использовать в своих политических целях. Вот некоторые выдержки из официального документа Парламентской ассамблеи Совета Европы [74], который можно рассматривать как «давление сверху»:

«Ассамблея призывает Комитет Министров:

– просить... государства-члены... подписать и ратифицировать действующие конвенции по борьбе с терроризмом;

– просить те государства-члены, которые еще не ратифицировали Римский статут, предусматривающий создание Международного уголовного суда, сделать это в кратчайшие сроки;

– установить прямое, конкретное и официальное сотрудничество с Европейским Союзом, ОБСЕ и Содружеством Независимых Государств (СНГ) на основе ценностей Европы и его правовых актов, чтобы гарантировать последовательность и эффективность деятельности Европы по борьбе с терроризмом;

– просить государства пересмотреть свои учебные программы с целью повышения роли демократических ценностей,

поскольку дети и молодежь зачастую используются террористами для достижения своих целей...»

Непросто победить терроризм, но, если он будет использоваться для достижения «попутных» политических целей, сделать это будет еще сложнее, поскольку всегда будет существовать соблазн поставить этот самый терроризм на службу этим целям и геополитическим интересам.

Далее мы приведем анализ взглядов автора на гуманизм, как на один из столпов, стоящих в основании демократии. Под фанфары гуманизма в СССР строился коммунизм. Гуманистические идеалы провозглашал А.Д. Сахаров и М.С. Горбачев, их отстаивают лидеры наших радикальных демократических партий. Что же такое гуманизм? Посмотрим на гуманизм глазами американского политолога.

Сознательная деятельность человека обусловлена его образованием. Однако те, кто считает, что образование должно научить детей трем «Ч»: чистописанию, чтению и числению, – глубоко ошибаются. В 1979 году мать выпускника средней школы в Сан-Франциско подала в суд, поскольку ее сын после 12 лет государственного «образования» еле-еле умел читать и писать. Однако апелляционный суд постановил, что район не проявил халатности, поскольку «наука педагогика сама полна разногласий и противоречащих теорий».

Одной из причин печального состояния науки образования является постепенное введение в школьную систему новой религиозной философии, известной под названием ГУМАНИЗМ. Гуманизм есть ни что иное, как коммунистическая философия, которую под своим родным названием протащить в школьные программы не удалось, тогда ему и придумали это наименование. Внедрением гуманизма в школьные, а также международные образовательные программы усиленно занимался Фонд Карнеги и Рокфеллеровский Фонд. Это установили специально занимавшиеся данным вопросом Комиссия Риса по изучению деятельности фондов, м-р Норманн Додд, бывший руководитель комиссии Конгресса, конгрессмен Эуген Кокс.

Американская Гуманистическая Ассоциация определяет гуманизм как «веру в то, что человек решает свою собственную участь. Это – конструктивная философия, религия без Бога, образ жизни». Но до деятелей этой ассоциации философию коммунизма с гуманизмом связал Карл Маркс: «Полностью развитый

коммунизм – это гуманизм» [75]. И далее: «Гуманизм есть отрицание Бога и полное утверждение человека... Гуманизм есть ни что иное, как марксизм» [76].

Выдающийся ученый, сэр Джулиан Хаксли, писал: «Я употребляю слово гуманист для обозначения того, кто верит, что человек – такое же явление природы, как животное или растение; что его тело, разум и душа не были сверхъестественно сотворены, а явились продуктом эволюции, и что им не управляет и не руководит какое-то сверхъестественное существо или существа, и ему приходится полагаться на себя и свои собственные силы» [77].

Гуманистическая религия и философия не новы, но в 1933 году группой ученых, преподавателей, священников, писателей и прочих был опубликован гуманистический Манифест, некоторые выдержки из которого мы приводим ниже.

«Первое: религиозные гуманисты рассматривают вселенную как существующую самостоятельно, а не сотворенную.

Второе: Гуманизм считает, что человек является частью природы, и появился в результате длительного процесса.

Шестое: Мы убеждены, что время теизма (веры в Творца) прошло...

Четырнадцатое: Мы твердо уверены, что существующее общество, склонное к стяжательству, мотивируемому прибылью, показало себя несостоятельным. Должен быть установлен социализированный и кооперативный порядок с тем, чтобы стало возможным распределение накопленных средств к существованию» [78].

Таким образом, гуманисты опираются на теорию эволюции, атеизм и коммунизм. Их убеждения находятся в полном согласии с философиями Вайсхаупта, Маркса и Ленина. Но самым важным обстоятельством, связанным с этим Манифестом, является тот факт, что одним из тридцати четырех, подписавших документ в 1933 году, был Джон Дьюи – так называемый «отец Прогрессивного образования». По словам одного из опрошенных на предмет того, кто являлся наиболее влиятельным в сфере образования последние 50 лет (с 1924 по 1974 гг. – авт.), один из опрашиваемых оценил деятельность м-ра Дьюи так: «Никто не оказал большего влияния на мышление американских педагогов».

Занимаясь работой в области образования, Джон Дьюи писал: «Нет Бога и нет души. Значит, нет нужды в подпорках традиционной религии. С изгнанием догмы символа веры соответственно мертва и похоронена непреложная истина. Нет места

жестким законам природы или неизменным абсолютам» [79]. Здесь уместно привести мнение Ленина о религиозных источниках нравственности: «Мы должны бороться с религией. Долой религию. Да здравствует атеизм. Распространение атеизма – наша важнейшая задача. Коммунизм отменяет вечные истины. Он отменяет всякую религию и мораль» [80].

Подобные представления появились не вдруг и постепенно развились в то, что принято называть ситуационной этикой, которая учит, что нравственность определяется индивидуумом в соответствии с ситуацией, в которой он находится: «...правильно и хорошо в данных обстоятельствах то, что более всего желаешь. Это – не извиняемое зло, а – положительное добро» [81].

Профессор-богослов, принадлежащий к англиканской церкви, Джозеф Флэтчер, написал книгу по ситуационной этике, содержащую следующее высказывание: «Для меня не существует правил, совершенно никаких. Все без исключения хорошо или плохо в зависимости от ситуации. Что плохо в одних случаях может быть хорошо в других. И этот откровенный подход по настоящему является революцией нравов» [82].

Это и впрямь революция нравов. Это новая мораль, согласующаяся с экономическими теориями коммунизма, научными теориями эволюции и религиозными теориями атеизма. Мораль, известная как ситуационная этика, включена в преподавание полового воспитания в школах США. Одним из многих судебных процессов, направленных против такого обучения, был процесс в Сан-Франциско, возбужденный специальным комитетом родителей и учителей, требовавших от отдела народного образования штата Калифорния прекратить преподавание полового воспитания, поскольку оно учит, что не существует хороших и плохих ценностей (к этому мы можем добавить, что в российских школах также обучают половым взаимоотношениям, в которых отношения полов рассматриваются, всего лишь, как физиологический акт).

Некоторые психологи возлагают ответственность за высокий уровень самоубийств среди молодежи на преподавание полового воспитания «без ценностей». Ученика смолоду учат – всё, к чему он стремится, считая, что это доставит ему удовольствие, надлежит взять. Но когда он это делает, общество наказывает его. Это часто ставит ученика перед непреодолимым выбором, и он не видит иного выхода кроме самоубийства.

Однако половая свобода не противоречит планам великих планировщиков. В 1948 году Элдоуз Хаксли в своей книге «Храбрый Новый Мир» рассказал о планах: «По мере уменьшения политической и экономической свободы половая свобода имеет тенденцию к росту... Вместе со свободой грезить под влиянием наркотиков, кино и радио – это поможет примирить его (всемирного диктатора – авт.) подданных с рабством, которое является их участью» [83].

Таким образом, гуманизм становится новой религией взамен традиционных иудейско-христианских религий. В самом деле, президент Американской Гуманистической Ассоциации Ллойд Морэйн заявил, что гуманизм есть «...религия без Бога, Божественного откровения или Священных писаний» [84].

В 1965 году точка зрения о том, что гуманизм является религией, получила подтверждение в Верховном Суде, решавшем дело США против Seeger: «Гуманистическая вера, открыто исповедуемая как религия, будет иметь право на признание религиозной, согласно закону о воинской повинности для отдельных граждан» [85].

В 1973 году был издан Гуманистический Манифест-II, который в основном повторял положения Манифеста от 1933 года, но гуманисты призывали к «...строительству мирового сообщества, основанного на развитии системы мирового закона и мирового порядка, опирающегося на транснациональное федеральное правительство» [86].

К сказанному автором о гуманизме мы можем лишь добавить, что большинство детей и внуков нашей славной элиты – политической и деловой, – обучается в западных школах и колледжах. Вернувшись на Родину, где им готовятся теплые местечки во властных и бизнес структурах, они не найдут взаимопонимания со своими русскими сверстниками. Они перестанут быть носителями русской культуры, они станут «русскоязычными общечеловеками». И под этот стандарт они станут воспитывать и переучивать народ, которому уготована участь попасть под их власть.

Теперь перейдем к экономическим технологиям. Далее мы цитируем автора.

Присвоение чужой собственности, вне зависимости от мотивов, называется воровством, притом неважно, кто совершает преступление – отдельный человек или группа людей, действу-

ющих при посредстве учреждения, которое они называют правительством.

Воровство можно назвать другим словом – «грабеж», и когда правительство узаконивает присвоение чужой собственности, это называется узаконенным грабежом. Автор говорит, что он давно был убежден, что чисто демократические институты должны были уничтожить свободу или цивилизацию, или же все вместе. Принятие демократии губительно для правительства, для свободы, для закона и порядка, для уважения к власти, для религии, и должно породить хаос, из которого поднимется новая мировая тирания.

Фредерик Бастиа – французский экономист, государственный деятель и автор, писал в годы второй французской революции 1848 г. в своей книге *The Law* (Закон):

«Как определить узаконенный грабеж?»

Очень просто: смотрите, отбирает ли закон у одних то, что принадлежит им и передает ли это лицам, которым это не принадлежит.

Смотрите, приносит ли закон выгоду одним гражданам за счет других, совершая то, что сам гражданин не может сделать, не совершая преступления».

Если обнаружится такой закон и не будет немедленно отменен, то он распространится и превратится в систему.

Одним из способов узаконенного грабежа является инфляция. Как это происходит? Здесь тоже применяется уже приведенная выше стратегия «захвата в клещи». Нижняя часть клещей – рост цен, как следствие инфляции (законной подделки новых денег), которую вызывает верхняя часть клещей – правительство, осуществляющее эмиссию не обеспеченных денег.

Чувствительный к повышению цен народ требует от правительства обуздать инфляцию. Правительство осуществляет ряд мер и проводит соответствующие законопроекты. Клещи сжимаются, пока итогом не станет абсолютное правительство. И эта деятельность происходит «во имя прекращения инфляции».

Но правительство не осуществляет контроль над уровнем цен и зарплаты, а меры против инфляции всегда направлены против следствия инфляции, а не причины. Это подтверждается простым определением инфляции, взятым из словаря *Webster's 3rd Unabridged Dictionary*: «Увеличение объема денег и кредита относительно товаров, имеющихся в наличии, что приводит к значительному и непрерывному росту общего уровня цен».

Таким образом, причина инфляции – увеличение денежной массы, следствием является рост цен. Раздувание денежной массы ВСЕГДА увеличивает цены, это – экономический закон.

Знаменитый экономист Джон Кейнс подробно описал этот процесс в своей книге «Экономические последствия мира». В этой книге он упоминает и Ленина, который считал, что лучшим способом уничтожения капиталистической системы является подрыв его денежной системы.

Непрерывным процессом инфляции правительства могут скрытно, незаметно конфисковать значительную часть достояния своих граждан. Этим способом правительство разоряет одних, но существенно обогащает других. Инфляция разоряет наиболее бедных людей, а также средний класс, которые свои сбережения содержат в деньгах. Но она обогащает крупных собственников, которые имеют объекты и предметы, дорожающие от инфляции, например, недвижимость, землю, драгоценности, промышленность.

Инфляция проводится скрытно, никогда не говорится об истинной причине инфляции. В ней винят рынок, домашнюю хозяйку, жадного торговца, профсоюзы, нехватку нефти, платежный баланс и все, что угодно, кроме главной причины – увеличение денежной массы, которую создает правительство.

В 1978 году на своем годовом собрании Торговая палата США чествовала д-ра Артура Бернса, в прошлом Председателя Федеральной Резервной Системы, «за его вклад в дело нации и систему предпринимательства во время его правительственной службы». Примечательно, что д-р Бернс, как глава Федеральной Резервной Системы, управлял ростом денежной массы, поэтому он был тем, кто создавал инфляцию! Тем не менее, ведущая организация американского бизнеса хвалила д-ра Бернса за его усилия по сохранению свободного предпринимательства. Именно тому человеку, который разрушал систему свободного предпринимательства, воздавались почести людьми системы свободного предпринимательства.

На 94-й странице журнала Торговой палаты Nation's Business редакция сообщила читателю, что д-р Бернс «...создал обширный, хорошо продуманный план, как отбросить угрозу инфляции...» Но ни редакционный обзор, ни предложения д-ра Бернса нигде не упоминают ни денежную массу, ни прекращение ее быстрого увеличения. Не удивительно, что д-р Бернс улы-

бался, принимая награду торговой палаты. Ведь он надул американское деловое сообщество.

Кейнс писал, почему он согласен с Лениным: «Разлагающийся международный, но индивидуалистический капитализм, в руках которого мы оказались..., не есть достижение. Он не разумен; он не прекрасен; он не справедлив; он не добродетелен; – он не дает того, что нужно. Короче, мы не любим его и начинаем его презирать» [87].

Кто является жертвой инфляции? Джеймс П. Варбург правильно ответил на этот вопрос, написав в своей книге «Запад в кризисе» следующие строки: «Возможно, что не так давно самым большим врагом среднего класса была инфляция».

Почему средний класс является мишенью инфляции? Джон Кеннет Гелбрейт сообщил читателю, что инфляция есть способ перераспределения доходов: «Инфляция берет у старых, неорганизованных и бедных и дает это тем, кто решительно управляет своими доходами. Доход перераспределяется от стариков к людям средних лет и от бедных к богатым».

Итак, инфляция имеет цель. Она орудие тех, кто имеет две задачи: уничтожить систему свободного предпринимательства и взять достояние бедных и среднего класса и перераспределить его богатым.

Почему же инфляция продолжает существовать, если она является, по сути, таким же преступлением, как и фальшивомонетничество? Потому, что поддельватели узаконивают подделку, правительство объявляет вновь эмитированные деньги «законным платежным средством», требуя от всех граждан принимать поддельные деньги наряду с законными деньгами.

Мы привели только три аспекта из общей теории скрытого управления, разработанной Ральфом Эпперсоном – управление общественным мнением, идеологическую базу – гуманизм и инфляцию. И первое, и второе, и третье служат для увеличения концентрации власти. Общественное мнение оправдывает такую концентрацию, инфляция перераспределяет доходы в обществе, грабя широкие слои общества, в том числе, средний класс предпринимателей, и отдавая награбленное наиболее крупным собственникам.

Вот, почему наши «естественные монополии» непрерывно повышают тарифы, они наживаются на доходах, предназначенных для широких слоев, не модернизируя производство, не рас-

ширяя его, не повышая качества предоставляемых услуг, не принося никакой практической пользы для российского общества. Более того, РАО ЕЭС на одну треть принадлежит иностранным инвесторам [88], палец о палец не ударившим для создания этой энергосистемы. Они просто купили бумажки, именуемые акциями. Но получили, получают, и будут получать свои деньги с прибылью обратно в виде дивидендов, которые складываются из наших платежей за электроэнергию, непрерывно дорожающую без улучшения качества обслуживания и повышения надежности энергопоставок.

РАО ЕЭС использует ту же технологию «клещей», отключая электричество от ни в чем не повинных потребителей – «давление сверху», – и вызывая, таким образом, их недовольство – «давление снизу». Целью «клещей» является принятие выгодных монополисту законов, так называемая «реструктуризация», с помощью которых он сможет диктовать свою волю потребителю, однако, присутствуют в этих клещах и признаки политических мотивов. Параллельно у народа подспудно вызревает недовольство действующим президентом, неспособным навести элементарный порядок и поставить зарвавшегося лидера «правого дела» на место. Это недовольство в полной мере будет использовано в будущих президентских выборах.

Но вернемся к инфляции в России. Монополисты повышают свои тарифы с согласия правительства, обеспечивающего эти повышения эмиссией новых денег, порождая инфляцию, рост цен. Эта технология, как видим, взята нашим правительством на вооружение у своих американских «коллег» и «стратегических партнеров».

Поэтому мы имеем все основания утверждать, что американская СИСТЕМА, как ее называет Збигнев Бжежинский, отрицая термин «империя», не имеет ничего общего ни с демократией, ни со свободным предпринимательством и рынком. По той же узкой и опасной тропинке двинулось и наше правительство, поскольку в нашей экономике и в политической системе в наибольшей степени присутствуют черты именно американской олигархической системы (с той лишь разницей, что американские магнаты-олигархи в свое время создали у себя на родине самую мощную в мире промышленность, а наши их «коллеги» вывозят капитал на Запад, укрепляя экономики чужих стран). Правительство же не только смотрит

на это положение сквозь пальцы, но и негласно участвует, осознанно или по недопониманию, в патологических процессах разрушения России.

3.7. Александр Крыленко. «Деньги и демократия»

Мы привели множество различных определений демократии. Однако картина была бы не полной, если бы мы не затронули самый корень, сокровенное существо демократии. А оно сокрыто в тривиальном факте – в деньгах. Поэтому к уже приведенным нами определениям демократии мы можем добавить еще одно, никем не афишируемое и тщательно скрываемое от сознания общества и отдельных людей.

Демократия есть скрытый механизм завладения общественными ресурсами всех видов посредством денег. В свою очередь, обладание деньгами в рамках существующей модели демократии тождественно обладанию властью – политической, экономической, военной, идеологической и т.д.

Примечание: Современный российский (нельзя сказать «русский») лексикон, насыщенный жаргонизмами, вполне точно определяет этот механизм, как «насос».

Очень кратко, основываясь на [89], раскроем устройство этого «насоса».

Но сначала скажем несколько слов об авторе этой книги, поскольку указанный нами источник является его первым изданием на русском языке. Андрей Константинович Крыленко родился в 1909 году в Париже, а с 1912 г. жил в Лондоне в семье соратника матери Софьи Крыленко, убежденной революционерки, родной сестры Министра юстиции Николая Крыленко (Брима), расстрелянного сталинским режимом в 1937 г. Отец писателя, Константин Георгиевич фон Мейер, кадровый офицер Царской армии, во время Гражданской войны воевал в составе Белой армии под командованием генерала Врангеля.

А.К. Крыленко изучал экономику и английскую литературу в Кэмбридже. Во время Второй мировой войны добровольцем воевал в составе Британского Королевского военного флота. После войны работал радио-журналистом, занимался публицистикой.

Изданы книги «Деньги и современный мир», «Цивилизация», «Испанская ярмарка», «Красная нить» и др. В настоящее время проживает в Австрии.

Перейдем к изложению интересующего нас труда автора. Прежде всего, отметим, что существует заемная модель капитализма, под которой подразумевается экономика, в которой богатство измеряется посредством долга, т.е. денежные средства общества создаются в форме займов под проценты. Иными словами, это ростовщичество.

Экономические законы гласят, что правительство может выпускать деньги в форме монет, бумажных купюр или в любой другой форме в тех количествах, которые соответствуют потребностям экономики. Ростовщическая же система состоит в том, что частные лица – банкиры – получают разрешение на выпуск денег, давая их под проценты правительству. Деньги, выпускаемые банкирами, обеспечиваются богатствами страны, а проценты по кредитам вынуждены платить налогоплательщики. В результате такой системы все богатства нации оказываются безвозмездно переданными банкирам, корпоративной группе частных лиц.

Эта группа получает власть над экономической политикой. А с точки зрения финансовой привлекательности, банкирам более выгодно финансировать порнографию, наркоторговлю, торговлю оружием, либо войну, нежели жилищное строительство, малый бизнес или инфраструктурное развитие, в чем заинтересовано общество.

Наиболее выгодным делом для такой денежной системы являются войны. Во-первых, это сырьевой материал для промышленности, производящей деньги. Обычно войны стоят больше, чем страна может себе позволить, поэтому правители обращаются к банкирам с просьбой о финансировании боевых действий.

Во-вторых, владельцы банков одновременно владеют и отраслями промышленности, производящими вооружения, поэтому они получают прибыли не только от кредитов, но и от продажи оружия, производство которого финансируется этими же кредитами. Поскольку банкиры контролируют промышленность вооружений, то, финансируя воюющие страны, они могут направлять и ход боевых действий, а также получать награду (контрибуцию) за победу. С незапамятных времен политика производителей вооружения была, как ее описывал покойный сэр Базиль Захаров, «двусторонней, означающей, что они всегда обеспечи-

вали продажу оружия обеим сторонам в период подготовки к потенциальной войне». Были и другие способы, при которых воюющие стороны могли получить «помощь». Например, поставки могли быть отсрочены или задержаны, новое оружие могло быть проданным только одной из сторон в конфликте.

Еще в третьем тысячелетии до Рождества Христова Саргон Великий Акадийский основал первую «мировую империю» с помощью огнестрельного оружия. Во Втором тысячелетии до н.э. гиксосы захватили северную часть Египта, ошеломив врага колесницами нового образца. Точно так же союзники в Первой мировой войне ошеломили немцев первыми танками.

Финансисты и торговцы оружием зачастую были родственниками. Например, С. Медина, покровитель Герцога Марльборо во времена короля Вильяма III Оранского, имел в качестве своего человека на противоположной стороне Я. Уормса, который содержал войска на стороне Людовика XIV. Поль Варбург финансировал в Первую мировую войну одновременно и союзников, и немцев, сидя поочередно, то на одной, то на другой стороне стола в Версальской мирной конференции.

Одной из давних, испытанных моделей, используемой банкирами, было стравливание друг с другом ведущих наций до тех пор, пока они, истощившись, не окажутся почти бездыханными, чтобы стать их легкой добычей. После этого следовала революция, еще более повергавшая нацию к земле, извращавшая нравы и приносящая другие бедствия. Очарование анархии быстро сменялось новым представлением, с каждым разом расширявшим свои масштабы на пути к Мировому правительству.

Экономическая власть корпоративной группы означает добровольную конституционную кастрацию, поскольку государственный суверенитет безвозмездно передается правительством в частные руки, которые используют этот «насос» в собственных финансовых интересах. Банк выпускает бумаги с «печатью короны» и «обычной печатью» банка под гарантии правительства. Когда держатель банковских бумаг предъявляет их для обналичивания, правительство вынуждено на ту же сумму облагать налогами собственное население и промышленность, чтобы пополнить банк. Таким образом, по словам одного из первых владельцев Банка Англии, основанного в 1694 году, Паттерсона, «Банк получает доходы от всех денег, которые он делает из ничего».

История Банка Англии началась с того, что английское пра-

вительство, по настоянию короля Вильяма III оформило заем под восемь процентов годовых плюс 4000 фунтов у частного синдиката на общую сумму в 1200000 фунтов стерлингов. Однако Банк передал правительству наличными только 720000 фунтов, оставив себе 480000 фунтов бумагами со своей «обычной печатью». Королю из-за трудностей прошлых лет приходилось подписывать векселя вместо оплаты своих долгов деньгами, а Банк скупал эти векселя с 7-процентной скидкой, за счет оставшейся в его распоряжении наличности.

Таким образом, без всяких затрат Банк приобрел право на реальные богатства на сумму в 480000 фунтов в бумагах, данных займы правительству, и на дополнительную сумму в векселях, купленных с помощью этих бумаг. Вскоре Банк стал печатать банкноты сверх оговоренной договором суммы за подписью кассира Банка. Через два года после основания Банка король Англии оказался в долгу перед Банком на сумму 3034576 фунтов 16 шиллингов и 5 центов. Между тем, же через 15 месяцев после основания Банка, в августе 1695 года, индекс цен вырос от 100 до 137. К 1698 году общий национальный долг Англии перед корпоративной группой частных лиц, учредивших Банк, вырос до **шестнадцати миллионов фунтов** и продолжал быстро расти.

Параллельно с экономическими, шли процессы и в сфере политики. С принятием Билля о правах Король подчинялся Парламенту, который к тому времени уже был под надежной финансовой властью Банка. По словам автора [89], демократические учреждения можно «подстроить», поскольку невозможно найти собрание из 600 человек, сыновей адамовых, из которых 301 был бы компетентен в сфере государственного управления и не был бы коррумпирован. Благодаря Биллю Банк стал контролировать экономику Англии.

Эта система имеет недостатки, которые намеренно не замечают. С одной стороны, денежные средства, созданные банковским займами, никогда не покрывают обслуживание, а также выплату основного долга, что создает постоянный дефляционный эффект. Однако это на руку банкирам, поскольку необходимо выдавать новые займы под проценты. С другой стороны, банковские займы имеют тенденцию поднимать общий уровень цен, потому что деньги, которые создают банки, идут в обращение прежде, чем происходит соответствующий подъем производства (сравните, например, с требованием РАО ЕЭС предоплаты поста-

вок электроэнергии). К тому времени, когда продукт, финансируемый займом, приобретает рыночную (товарную) форму, на что могут потребоваться годы, денежный оборот уже не будет достаточным для реализации увеличенного выпуска товаров при поднятом ценовом уровне.

И снова банкиры в выигрыше, поскольку для обеспечения денежного обращения требуются новые займы и новые заемщики. Общим результатом становится постоянное колебание между спадом и подъемом, указывающее на нестабильный экономический рост и неодолимую основную инфляционную тенденцию. При этом, подобно собаке, пытающейся ухватить свой собственный хвост, на рынке всегда будет меняющаяся пропорция неудачников, фирм, не способных рассчитаться с банками, либо продать свою продукцию, либо то и другое одновременно.

Кроме того, постоянная необходимость находить или создавать возможности для следующих кредитов имеет эффект пристегивания всего населения, **как работников, так и работодателей**, к упряжке «экономического роста». Но этот экономический рост не имеет никакого отношения к реальному производству, а направлен лишь на разрушение системы из-за недостатка ликвидностей.

Почему мы привели эту хитроумную технологию в нашем исследовании сущности демократии? Да потому что именно в рамках демократии она может быть реализована наиболее эффективно. Монарх, самодержец, суверен кровно заинтересован в развитии собственного государства, в котором все граждане – суть его подданные, обеспечивающие, в той или иной мере, благополучие короны, стабильность в обществе и в государстве, его экономическую, политическую и военную мощь. Такая мощь опирается на духовные основы нации, ее культуру, религию, верования, традиции и обычаи.

В противоположность этому, корпоративная группа лиц заинтересована не в государственном и общественном развитии, а только лишь в собственных прибылях. Наиважнейшие компоненты социального бытия не нужны банкирам, которые, овладев властью в государстве, завладевают и его национальным богатством. Для того чтобы чернь была управляемой, ее лишают объединяющей национальной идеи, духовных основ, разделяют на части (партии), которые противопоставляют друг другу, узаконивая плюрализм. В плюралистической борьбе друг с другом народ

борется сам с собой, обескровливая и изнуряя себя в политической борьбе. Именно это и нужно банкирам, которые «ловят рыбку в мутной воде» демократии. В любой из своих неудач, вызванных системными причинами кредитно-финансовой системы ростовщического капитализма, банкиры, через своих ставленников в среде политиков или журналистов, могут обвинить одну из сторон перманентного социального конфликта, который то тлеет, то разгорается в рамках демократической борьбы.

При возникновении угрозы разоблачения истинных виновников горя и страданий народов, ситуация дестабилизируется настолько, что становится уже не до разоблачений. При этом любой конфликт используется для еще большего обогащения (вспомним финансовый кризис 1998 года – деньги исчезли, виновников нет, в долгах остались налогоплательщики России, а банкиры, олигархи и магнаты продолжают вывозить капитал на Запад с интенсивностью более 1 млрд. долларов в месяц).

Византия, которую политологи и всевозможные обозреватели любят приводить в качестве жупела невежественности и отсталости, всячески противилась внедрению заемной системы финансирования экономики. Благодаря этому ей удалось в течение шестисот(!) лет поддерживать неизменной стоимость императорской денежной единицы – безанта. За счет этого империя сохраняла свою экономическую и политическую самостоятельность более тысячелетия (точнее, более 11 веков), создав величественную и богатейшую культуру в рамках православной христианской религии. Для сравнения отметим, что доллар обесценивается в арифметической прогрессии на 2-4 процента в год.

По поводу состояния современных мировых финансов издано много научных трудов. Основное их содержание сводится к тому, что финансовая система развитых стран Запада зашла в тупик и грозит обрушить всю мировую экономику в глубокий кризис. Деньги призваны служить меновым эквивалентом в ходе товарного обмена и обслуживать экономику, т.е. интересы общественного и личного потребления. Однако, в силу вышеуказанных причин, деньги стали не только средоточием экономики, уведя ее в виртуальный сектор, но и смыслом жизни большинства населения западного мира.

Деньги не должны приносить самостоятельный доход. Именно поэтому в Японии кредиты промышленным предприя-

тиям на развитие выдаются под 0,7% годовых, что едва покрывает накладные расходы банка на обслуживание таких кредитов. Повышение ставки по кредитам приводит к избыточности денежной массы, а это, в свою очередь, к инфляции. При этом вырученные банкирами «из ничего» деньги, полученные за произвольно назначенный процент, направляются не в реальный производственный сектор, а в те сферы, где их оборачиваемость более высокая – на новые краткосрочные кредиты, в торговлю и т.д.

При таком подходе никакое развитие промышленности невозможно, поскольку при развитии производства, а также при технологически длинных циклах банкиры получают меньшие доходы, а, значит, они не заинтересованы финансировать промышленность. Не будет в этом случае и никаких серьезных инвестиций, поскольку инфляция растет быстрее, чем доходы от промышленного производства.

С тех пор как в 1973 году был отменен золотой эквивалент американского доллара, реальная стоимость мировых валют определяется произвольно на валютных торгах и фондовых биржах. Стоимостное содержание денег перестало иметь хотя бы какое-то объективное обоснование и стало произвольным. Финансовая система демократического мира подвержена жесткой инфляции. Так, в период 1980-1989 гг. годовичная инфляция в США составляла 4 процента, в Японии – 1,3%, в ФРГ – 2,7%, в Великобритании – 6,1%, во Франции – 6,5%, в Швеции – 7,4%, в Италии – 10,3% [90]. Почему-то никто из экономистов любого уровня и образования до сих пор не обратил внимания на тот простой факт, что деньги есть мерило стоимости, определенный эталон, установленный для измерения. Точно так же люди установили метры, килограммы, секунды и т.д. Но продавцу ткани не приходит в голову уменьшать длину метра, а продавцу муки – вес килограммовой гири (за это полагается административная или уголовная ответственность).

Однако рубли, доллары, а теперь и евро ежедневно уменьшаются в своей стоимости вследствие инфляции. Так, почему же никому не придет в голову наказать лиц, ответственных за финансовое обращение, за такое неприкрытое мошенничество? Киловатт-час электроэнергии доходит до потребителя в неизменном виде, но с каждым месяцем мы платим за него дороже. Наши реформаторы говорят, что, дескать, подорожало топливо. А почему оно подорожало? Неужели изменилась его теплотворность,

или рабочие стали больше просить еды. По логике вещей, за счет научно-технического прогресса, цена на топливо должна неуклонно падать, но она растет. А инфляция разрушает экономику, бедных делает еще беднее, богатых – еще более озабоченными проблемами сохранения несправедно добытых денег от этой же инфляции.

Конференция ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году признала рыночную модель западной экономики с ее стихийным производством и безудержным ростом потребления фактором, ведущим к глобальной экологической катастрофе человечества. С тех пор прошло десять лет, и в 2002 году в сонм стран с рыночной экономикой вступила и Россия. Можно предположить, что это только приблизит объявленную ООН катастрофу.

Таким образом, основное существо, гносеологические истоки демократии, кроется в деньгах. Вместо того чтобы обеспечивать свое существование с помощью нормальной денежной системы, демократия ставит деньги в центр всей социальной жизни. Не научно-технический прогресс, не социальное развитие, не развитие инфраструктуры государства и территорий, не среда обитания человека являются целями общества в рамках демократии. Все эти, равно как и любые другие социальные интересы, подчинены гигантскому «насосу», качающему все виды ресурсов, жизненную силу и энергию отдельных людей и общества, во имя обогащения банкиров, покоровивших общество, приватизировавших власть и все богатства мира, в том числе, землю (спустя малое время слово «земля» можно будет писать с прописной буквы, поскольку все земельные участки планеты перейдут в одни руки).

Часть IV

Проблемы государственного **строительства** **в современной России**

Итак, мы очень кратко рассмотрели различные варианты демократии. Мы также привели критику демократии со стороны отечественных мыслителей и западных политологов и исследователей. При этом наше высшее политическое руководство объявило о выборе пути развития государства российского по пути демократии. Осталось определиться с ее конкретной формой, наиболее пригодной для России. Ведь в среде политической элиты доминируют именно западные варианты демократии, которые родились в странах западного мира, а традиционная русская демократия, существовавшая в России в той или иной форме в различные периоды ее истории, нуждается в существенной корректировке с учетом современных условий.

4.1. Методологические основы социального бытия

Для того чтобы правильно понять, чего же мы хотим, следует обратиться, в первую очередь, к отечественным источникам. Обычная практика самообразования политика сводится к повышению уровня своего базового образования на каких-либо кур-

сах или в академиях государственной службы (управления). Программы обучения в таких учебных заведениях формируются, в основном, по западному образцу, и непростительно мало внимания в них уделяют отечественным первоисточникам.

Поэтому ниже цитируется достаточно объемный отрывок из научного труда нашего великого соотечественника В.М. Бехтерева [68], как нельзя лучше отражающий актуальность национального характера любых теорий и воззрений на общественное развитие в принципе. Почему-то до сих пор наши политики склонны искать истину, теоретическую базу для социально-политического развития страны, в трудах западных политологов. Именно поэтому, кстати, и нет до сих пор сколько-нибудь удовлетворительной базовой теории развития России.

«Не без основания признается, что каждый народ имеет ту форму правления, которая ему свойственна. Имея в виду, что жизнь народов проявляется в создании наук, верований, искусства, материальной культуры и в коллективных действиях, нельзя не признать, что ни одна из сторон, в отдельности взятая, не дает полной их характеристики, а лишь все они вместе могут дать оценку личности данного народа, ибо один народ может преуспевать больше в одном, другой в другом направлении, один развивался так, другой иначе, один выработал одни нравы, другой другие и т.д., а это лежит в основе отличия одного народа от другого.

Всякая общественная среда делится на целый ряд партий, корпораций, союзов, кружков и других организаций, которые, создаваясь под влиянием особых потребностей и интересов входящих в них членов, расслаивают общественную среду на свои части, составляющие отдельные общественные ячейки или общественные индивиды.

Известно, что еще Аристотель в «Политике» установил принцип автаркии или самодостаточности, по которому государство, как и всякая общественная организация, будь то партия, союз, кружок или какое-либо другое сообщество, продолжает существовать лишь до тех пор, пока они оказываются самодостаточными, т.е. удовлетворяют в соответствующей степени интересы большинства входящих в них сочленов.

Если, например, партия, утрачивает свой *raison d'être* по условиям времени, она в прежнем виде перестает быть самодостаточной и потому либо распадается, причем члены ее вливают-

ся в другие партии, либо терпит соответствующие превращения, дополняя и видоизменяя свою программу и становясь в таком новом виде самодостаточной.

Если мы имеем какую-либо экономическую организацию, то она существует лишь до тех пор, пока представляется самодостаточной в смысле обслуживания интересов своих клиентов. Но с тех пор, как она утрачивает свою самодостаточность, она лишается клиентуры и перестает существовать. Если мы имеем трудовую организацию, она, опять-таки, существует лишь до тех пор, пока отвечает интересам членов своей организации, и прекращает свое существование или умирает, как только интересы большинства остаются неудовлетворенными. Всякая финансовая организация подлежит тому же принципу. Пока она в состоянии выдерживать конкуренцию других таких же организаций и обеспечивает потребности заинтересованных лиц, т.е. в вышеуказанном смысле является самодостаточной, она продолжает существовать и тотчас же прекращает свое бытие как только она не выдерживает конкуренции или недостаточно обслуживает интересы своих сочленов.

Если мы имеем **государственную организацию**, основанную на принципе оберегания жизни и имущества своих сограждан и возможно лучшего обеспечения их нужд, то с того времени, как государственная мощь становится недостаточной для выполнения вышеозначенных функций, государственный организм перестает быть самодостаточным в сонме других держав, и с целью удержаться на своем месте она вынуждена прибегать к союзам, в противном случае она подчиняется более сильным государствам и в тот или другой срок поглощается ими окончательно.

В этом, как и в других отношениях, мы имеем полную аналогию с жизнью всякого вообще индивида животного или растительного царства, который существует и живет, пока является существом самодостаточным, т.е. способным удовлетворять свои потребности и выдерживать конкуренцию в борьбе за существование. Когда эта самодостаточность почему-либо исключается, индивид перестает существовать и погибает. Также и неорганический индивид в форме химического соединения, не будучи при определенных условиях самодостаточным, распадается и перестает существовать.

Ясно, что закон индивидуальности есть закон общий для всего мира и имеет одинаковое применение как к явлениям, как

органического или неорганического порядка, так и к явлениям надорганическим, или социальным».

Мы привели эту длинную цитату для того, чтобы читатель смог осознать фундаментальный принцип природы, заключающийся в многообразии и обособлении любого частного ее проявления, во взаимосвязи всего сущего. Любой народ, нация, народность, существуют до тех пор, пока они способны сохранить свою собственную культуру, историю национальных традиций и нравственность, свою веру и религию.

В.М. Бехтерев приводит выводы из научного труда Г. Лебона «Психология народов и масс» [17]. В частности, он пишет: «Общность чувства, идей, верований и интересов, созданная медленными наследственными накоплениями, придает психическому складу народа большое сходство и большую прочность, обеспечивая ему в то же время громадную силу... Моральные и интеллектуальные особенности, совокупность которых выражает душу народа, представляет синтез всего прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины его поведения. Этот агрегат общих психологических особенностей составляет то, что основательно называют национальным характером».

Эта цитата как нельзя лучше подтверждает тот факт, что душу любого народа невозможно уничтожить никакими средствами. Традиции, поведенческие реакции общества, вера и обычаи исчезают одновременно с их носителями – коренным населением исторических территорий. Поэтому и оказалась столь неэффективной информационная война против России в комплексе с внедрением и поощрением системы подкупа, коррупции государственной власти в обмен на формирование нужной определенной транснациональным структурам политики.

Но мы пойдем дальше и рассмотрим социум с точки зрения теории информационных систем. Обычная практика рассматривает индивидуальное сознание с позиций нейрофизиологии, представляя его как сугубо электро-химическую систему. Однако кто может поспорить с тем, что сознание есть чисто информационная система, ведь оно работает только с информацией, а ощущения, в которых, как принято считать, нам дан мир, есть всего лишь проводники информации от внешней среды.

На самом деле мир дан нам в образах и понятиях. Образы формируются в ходе обработки поступающей на вход сознания информации. Понятия хранятся в памяти, они отображаются на

уровне материального носителя – мозга – вполне определенными нейронными структурами. Текущее мгновенное состояние взаимодействия поступившего в сознание образа с тем багажом знаний, до которого сознание может в этот момент дотянуться – и есть сознание. Поэтому оно динамично и постоянно изменяется под воздействием информации окружающей среды, непрерывно обогащая хранящиеся в памяти понятия.

По мнению вышецитированного В.М. Бехтерева, сознание не могло появиться вследствие эволюции косной материи, оно – продукт социальных отношений. Но и общественное сознание есть информационная система, если под формальными нейронами (простейшими неделимыми элементами информационной системы) понимать отдельных людей с их индивидуальным сознанием.

И здесь мы сталкиваемся с поразительной для многих истиной – любая информационная система может существовать лишь при наличии ЦЕЛИ. При этом цель не может быть задана изнутри информационной системы. Это то же самое, что и отсутствие цели. Именно цель заставляет сознание работать, изменять собственную структуру под воздействием информации окружающей среды [91]. Однако теоретики демократии, в частности, Юрген Хабермас утверждают обратное: «Граждане сами устанавливают для себя законы с намерением следовать им и тем самым формируют свой собственный жизненный уклад. Такой жизненный уклад понимается как продукт коллективной практики, в центре которой – сознательное формирование политической воли» [5].

В социуме происходят аналогичные индивидуальному сознанию процессы. Но здесь уже иные масштабы времени и формы представления информации. Общественное сознание формируется, с одной стороны, информацией от других народов, от природной среды обитания, с другой – хранящимися в народе традициями предков, нравственностью, культурой и религией. Последняя выполняет роль цели информационной системы. Подмена ее другими верованиями, атеизмом, либо просто ставшими ныне модными учениями о ценностях гражданского общества в форме гуманизма, равносильны самоуничтожению. Это обусловлено тем, что течения явно чужды самосознанию Русского народа с тысячелетней традицией православной культуры.

Из этой истины, вполне соответствующей научным данным социальной психологии, вытекает целый ряд фундаментальных

выводов, имеющих судьбоносное значение для любого народа, любого человека. Главным из них является вывод о том, что общество подчинено в своем бытии законам функционирования и развития информационных систем, но отнюдь не финансово-экономическим законам, к тому же изрядно извращенным. Поэтому его развитие связано с накоплением новых знаний, а это возможно только в рамках многообразия культур и истинного научно-технического прогресса, связанного не с потреблением, а с симбиозным существованием человечества и природы.

И здесь уместно привести выдержку из программы развала СССР, подготовленной в 1945 году будущим директором ЦРУ Аленом Даллесом: «...мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Как? Мы найдем своих единомышленников... своих помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему замыслу трагедия гибели самого непокорного на земле народа... Литература, театры, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государства мы создадим хаос и неразбериху... Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны... Беззастенчивое предательство, национализм и вражду народов, прежде всего, вражду и ненависть к русскому народу – всё это мы будем легко и незаметно культивировать... Мы будем бороться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее» [92]. Мы не станем комментировать эту дефиницию, она полностью укладывается в стратегию информационной войны, которая ведется против России, против Русского народа.

На протяжении многих тысячелетий все, без исключения, народы жили с определенной целью. И цель эта определялась религиями, все мировые разновидности которых проповедовали одни и те же нравственные ценности. К настоящему времени только русская Православная церковь сумела сохранить в неискаженном виде изначальное христианское учение. Именно поэтому цель общественного бытия нам следует искать в русском Православии.

И здесь уместно напомнить читателю основные вехи становления и развития Русского народа на протяжении последних двух тысяч лет. Хронология приводится по [92].

Исторический процесс на Руси, в России шел довольно сложным образом. Россия знала и пережила шесть цивилизаций.

Первая цивилизация. I-X вв. Восточнославянская, земледельческая и торговая, языческая по конфессии, общинная по форме собственности на землю, с властью старейших Рода и племени, бояр и племенных князей. Это время можно характеризовать как период предгосударственных родоплеменных объединений: антского (I-IV вв.) и полянского (V-IX вв.). «Даждьбожьи внуци» – четырнадцать восточнославянских племен – объединились в единую древнерусскую народность, ставшую в дальнейшем родоначальницей трех великих народов: русского, белорусского и украинского. Это был и есть единый Русский народ, с единым самосознанием и менталитетом, проявившимися в общей народной культуре и исторической памяти, с близкими языками и литературой, со сходными национальными характерами, с единой общеславянской идеей жить в мире и дружбе со всеми народами.

Что касается государства, то это понятие обычно определяют как военно-политическую и юридическую организацию классового происхождения, стоящую над обществом и повелевающую им. Прекраснодушные публицисты называют государство «душою народа», вспоминая о том времени, когда народ и князья были едины и любили друг друга. Большинство же историков склоняются к тому, что государство было выразителем Национальной Идеи и служило рычагом и организатором процесса строительства цивилизации. Романтики нарекают государство «общественным договором» по Жан-Жаку Руссо, полагая, что этот договор полюбовно заключен между правительством и народом.

Однако на Руси исстари лелеяли вечевой принцип как основу республики, стоящей на добродетели (Новгород, Псков, Вятка и пр.), в то время как монархия стоит на Законе. Иногда люди мечтали о народном заступнике, князе или царе вроде Александра Невского, или же уповали на идеальную форму, например, народную монархию града Китежа или Беловодского царства. К сожалению, русичи так и не создали идеальной формы государственного правления, хотя попыток было много.

Вторая цивилизация. 988 или 990-1240 гг. Цивилизация Древнерусской народности Киевской Руси, земледельческая, тор-

говая, ремесленная, христианская по конфессии, общинная и феодальная по формам собственности, с властью князей, бояр и веча. От Владимира I Святого (957-1015) до Святого Александра Невского (1220-1263), с тремя подцивилизациями: 1) Новгородской вечевой республики (IX в. – 1478г.), 2) Владимиро-Суздальского княжества (XII-XIV вв.), 3) Галицко-Волынского княжества (XII-XIV вв.).

С принятием христианства страна поменяла ведический философский код сознания на христианский, приобщившись к сокровищнице Ближневосточной и Средиземноморской культур, основанных на эллинистическом неоплатонизме. На семь веков установился замкнутый характер культуры Греко-Византийско-Русского православного мира. Этот период оказался благотворным для развития русской самобытности и сохранения первоначальной русской духовности. Равноапостольный князь Владимир и его преемники сделали все возможное, чтобы незаметно и конструктивно органично соединить все положительное из языческой культуры с культурой христианской.

В результате возникло одно синкретическое двоеверное мировоззрение Святой Руси, одного этносоциума, одной этноконфессии, которое служило интересам Национальной государственности.

Древнекиевская цивилизация погибла в результате татаро-монгольского нашествия 1237-1241 гг. С 1242 года, года основания Сарая-Бату и Большой Орды, началось почти 240-летнее татаро-монгольское иго. Освобождение пришло от потомков князя Александра Невского, московских великих князей, пользовавшихся поддержкой всего великорусского народа.

Третья цивилизация. Середина XIII в. – 1347 г. Цивилизация Великорусской народности Московского Великого княжества, земледельческая, торговая, ремесленная, православная по конфессии, общинная и феодальная по формам собственности, с властью великих князей, потом царей, опиравшихся на боярство, затем – на дворянство. От Даниила, младшего сына Александра Невского (1262-1303), до Ивана IV Васильевича, первого самодержца (1530-1584). За этот период закончилось собирание русских земель вокруг Москвы и началось образование многонационального централизованного государства.

В XV веке на Дону возникло Донское казачество, защитник рубежей и наша свято-русская вольница. При Василии III иноком Филофеем была сформулирована идея «Москва – Третий Рим»,

вобравшая в себя идейное наследие Рима, Константинополя, Киева и Владимира. Отныне Москва превращается во всемирную столицу. Это право было временно у нее отнято Санкт-Петербургом (1712-1918).

Четвертая цивилизация. 1547-1700 гг. Цивилизация Великорусской народности, потом Русского народа Московского царства, земледельческая, торговая, ремесленная, с нарождающейся промышленностью, православная по конфессии, с властью царей династии Романовых (с 1613 г.), опиравшихся на придворную аристократию – бояр и дворян, с военно-феодальной абсолютистской государственностью. От Ивана IV до Петра I (1672-1725). От сословного представительства до абсолютизма. С 1580-х годов началось крепостничество и полная потеря личной свободы. Тогда, в середине XVI века, на Днепре возникло Запорожское казачество («Сечь»), защитник рубежей и русско-украинская святая вольница как антипод угнетению народа. В этот период произошли присоединения к России Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Восточной Сибири. Велись Ливонская война за выход к Балтийскому морю, войны с Крымским ханством и с Речью Посполитой за воссоединение с Украиной (1654) и с Белоруссией.

Пятая цивилизация. 1700-1917 гг. Цивилизация Русского народа, со второй половины XVIII века – Русской нации, Российского царства, с 1721 года – Российской империи. Земледельческая, ремесленная, торгово-промышленная, с национальной буржуазией и дворянской аристократией, православная по конфессии, светская по культуре, преемственная по отношению к предыдущим цивилизациям, предлагающая пути открытых контактов с Европой, Америкой и всем остальным миром. От Петра Великого до Николая II (1868-1918). Открытость цивилизации всем культурам и конфессиям. Присоединение к России всей Украины, Белоруссии, Польши, Прибалтики, Финляндии, Крыма, Бесарабии, Казахстана и Средней Азии, Кавказа и Закавказья, Дальнего Востока с Сахалином, Камчатки, Чукотки, Аляски (в 1867 г. проданной США). На окраинах Российской империи возникают Кубанское, Терское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское и др. казачества для защиты рубежей и как оплот русской вольницы. В XVIII-XIX столетиях создается мощная русская классическая культура непреходящего мирового значения. Становится доступной сокровищница Европейской культуры, основанная на Греко-Рим-

ской образованности и достижениях эпох Возрождения и Просвещения. В противовес «западничеству» возникает концепция «Православие, Самодержавие и Народность» в целях сохранения основ Пятой цивилизации и ее духовного мира. Царизм становится гарантом легитимных режимов стран Европы, возрастает охранительная роль казачества.

При самодержавном правлении царей Николая I, Александра II, Александра III и Николая II Россия приходит к небывалому экономическому расцвету: занимает пятое место в мире по производству товаров на душу населения в 1913 году.

Шестая цивилизация. 1917-1985 гг. Советская тоталитарная, искусственно образованная цивилизация советской «интернациональной» нации, отрицавшая преемственность по отношению к предыдущим российским цивилизациям, военно-промышленно-аграрная и торговая, технократическая, с советской бюрократией и партукратией во главе, с элитой от генсеков Ленина до Горбачева и Политбюро ЦК КПСС. Продолжение имперской политики Сталиным в интересах советской элиты: присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии, Прибалтики, части Финляндии, части Восточной Пруссии, Закарпаття, Буковины, Сахалина и Курильских островов (1939-1945). Образование СССР (1922-1991), состоящего из 16-15 республик при минимуме личных свобод и свобод наций, при отсутствии гарантий прав и преступной антинациональной политике геноцида. Атеизм как государственная идеология в сочетании с марксизмом-ленинизмом. Непрерывные конфликты и войны. Образование Мировой социалистической системы, противостоящей системе мондиализма (см. ниже), сопровождавшееся вооруженными конфликтами, «холодной войной», грозившей перерасти в ядерную Третью мировую войну. Вырождение советской экономической и политической системы социализма, загнивание толпо-элитарного государства.

Седьмая цивилизация. С 1985 года наступает новая цивилизация Демократической России через «перестройку» Горбачева и «реформы» Ельцина. Ее краткая характеристика приведена в следующем разделе.

Возникновение, развитие, упадок и смена российских цивилизаций происходили по общим законам цивилизаций мировых. Конкретное наполнение содержанием зависело исключительно от природы Русского народа и от Русской идеи, находившейся во главе угла всех цивилизаций, кроме шестой, коммунистической и седь-

мой, современной. Наиболее чистой и наивысшей была пятая цивилизация Российской империи. В ней Русская идея проявилась в полной мере, но не могла себя исчерпать, так как личной свободы у поработанного народа не доставало. Этот дисбаланс и вызвал сдвиг в народном самосознании, породил отчуждение от власти и даже изоляцию самодержавия от потенциальных союзников.

Необходимо отметить особенность синкретического сосуществования в сознании России всех шести Росий, т.е. шести Русских цивилизаций, когда никакая прежняя духовная структура не умирает, а живет в народе тысячелетиями. Она накладывает неизгладимый отпечаток на все бытие народа и его самобытную культуру. Это должно быть понятным нашим реформаторам и приведенные здесь исторические вехи государства российского, а, шире, Русской цивилизации, совместно с ранее описанными традициями русской народной демократии могут послужить отправной точкой для методологического обоснования демократических реформ в современной России.

4.2. Общественно-политическая ситуация в современной России

Поскольку переходный период для России, по всем признакам, можно считать оконченным, имеет смысл посмотреть на то, с чего все это начиналось, с каких идей, с каких замыслов и планов, и к чему мы пришли в ходе наших бурных и неоднозначно оцениваемых реформ. Мы не будем глубоко анализировать практическую политику, это делают многочисленные специализированные издания, и многие из них вполне компетентны и профессиональны. В этой работе нас интересует, в первую очередь, наука, обоснование построения демократической России. Вернемся на 13 лет назад, и поглядим на один из первых таких трудов – проект конституции Союза Советских Республик Европы и Азии [93], разработанный и предложенный А.Д. Сахаровым (Айзенштадтом). Андрея Дмитриевича наши реформаторы чтят едва ли не за «святого», однако, попробуем подойти к его идеям с позиций объективной оценки и без гнета его непререкаемого авторитета.

Прижизненно проект был опубликован в «Комсомольской правде» ЦК комсомола Литвы 12 декабря 1989 года. Уже из названия нового государства понятно, что социалистическая идея, на

которой выросло два поколения советских людей, и которая доминировала в то время в Европе, сдается в архив истории.

Целью государства в проекте провозглашались «счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле».

Цели, привлекательные по своей форме, однако, мы уже привели критику демократии с позиций разных авторов, живших и живущих в разных исторических периодах и странах. Теперь посмотрим, кому адресована эта «счастливая и полная смысла жизнь».

«Евразийский Союз опирается в своем развитии на нравственные и культурные традиции Европы и Азии и всего человечества, всех рас и народов». Нет ни слова, ни о русском, ни об украинском, ни о белорусском, ни о каком бы то ни было другом коренном народе СССР. Они подразумеваются в составе всех народов мира. Но национальные интересы, как это сделано в конституции любого другого демократического государства, никак не отображены в Проекте, не говоря уже об их защите. Это очень напоминает гуманистические идеи мондиализма, о котором речь пойдет немного ниже.

Таким образом, проект предусматривал «благорастворение» русского, и с ним всех народов бывшего СССР в общей массе всех рас и народов планеты, нисколько не защищая права и национальную самобытность коренных народов СССР и, в первую очередь, его ядра – русского народа, вокруг которого сформировался вполне самостоятельный российский суперэтнос.

Проект конституции гласил, что «никто не должен жить в нищете. Пенсии по старости, инвалидам войны, труда и детства не могут быть ниже прожиточного минимума». Такими же должны были быть и пособия по социальной помощи. Действительность «превзошла» ожидания. Спустя пару лет соратники Андрея Дмитриевича по Межрегиональной депутатской группе и их последователи из того же гнезда – «младореформаторы», беззастенчиво, сначала ограбили народ, затем бросили его на выживание в «сложных экономических условиях».

Показателен и взгляд автора Проекта на административное устройство Союза. В него были заложены принципы дезинтеграции и развала, и вот почему.

Все республики, входящие в Союз должны были обладать суверенитетом – **политическим**, экономическим, администра-

тивным. Федеральное правительство, которое должно было располагаться в городе с особым статусом, и который не мог быть одновременно и столицей одной из республик, не могло вмешиваться в дела республик: «Никакое союзное строительство на территории республик не может быть без решения республиканских органов управления».

Республики могли иметь **самостоятельные денежные системы**, а налоги отчисляли по своему усмотрению на нужды, делегированные центральным правительством. Республики должны были иметь собственные правоохранительные органы, но центральных органов государственной безопасности и внутренних дел не предусматривалось.

В распоряжении федерального правительства из силовых структур остались только вооруженные силы, однако, поскольку военного трибунала не было, за военные преступления, по-видимому, автор проекта предлагал судить военнослужащих республиканскими органами правосудия.

Конституция не предусматривала и постоянно действующего законодательного органа Союза, третью ветвь власти, только Съезд и несколько комитетов (бюджетного комитета не было), что, по меньшей мере, странно, поскольку разделение властей является классическим признаком демократического государственного устройства.

В проекте предлагалось ввести приоритет международного права над национальным законодательством (видимо, в предвидении этого положения и отпадала необходимость в эффективном законодательном органе власти) и установить его прямое действие на территории Союза – беспрецедентный, невиданный случай в истории человечества!

Выборы в Палату национальностей предлагалось осуществлять от каждой национальности – по депутату от каждых 2 млн. человек, плюс два депутата. Но, при этом под национальностью понималась общность, объединенная, в первую очередь, общностью языка. Даже Э.С. Орловский, сторонник автора Проекта, в этом же сборнике пишет, что нации не обязательно идентифицируют себя по языковому признаку, например, «для евреев вовсе не язык является основным критерием национальности» (см. там же).

Зато конституционно устанавливалось, что Союз «не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессианизма» – это главная, «сквозная идея» проекта.

Соратник и страстный поклонник А.Д. Сахарова Л.М. Баткин в этом же сборнике пишет: «...гибрид федерации и конфедерации, ни на что в мире не похожее беспрецедентное государственное образование, слишком пестрое по уровням развития, историческим и культурным корням». Он пишет это в восторженных тонах. Мы предлагаем сменить тональность этой эскапады и констатировать, что в проекте было предложено на уровне конституции заложить основы разрушения СССР, несколько, на самом деле, не заботясь о «счастливой и полной смысла жизни», безбедной и подкрепленной могуществом государства и единством нации.

Конституционными идеями Андрея Дмитриевича воспользовался его сподвижник Б.Н. Ельцин, вкупе с другими своими «соратниками». Подписав Беловежские соглашения, они обошлись и без медленного «конституционного развала» советской империи. А Борис Николаевич предложил главам субъектов Федерации «брать на себя столько суверенитета, сколько смогут» [94].

Что касается дезинтеграции России, то такой план существует, и он опубликован. Ниже мы приводим карту расчленения России по [92].

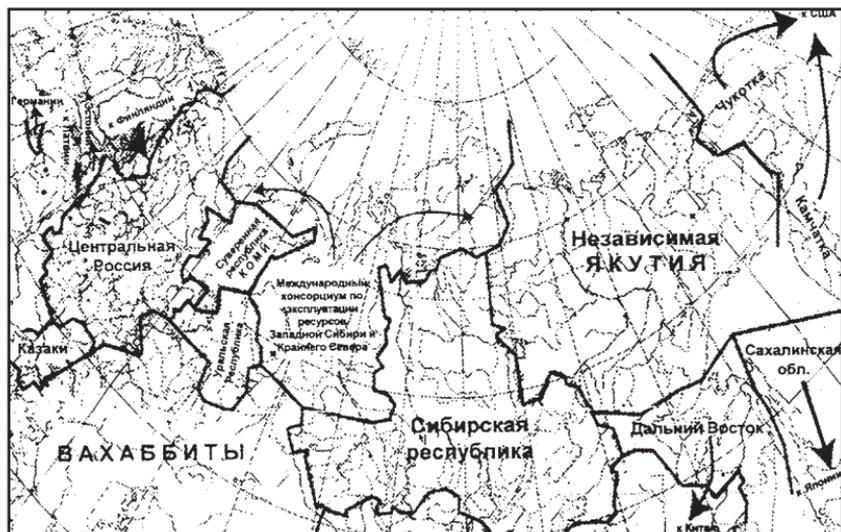

Рис. 2: План расчленения России

(из кн. Лисичкин В.А., Шелепин Л.Л. Третья мировая информационно-психологическая война. Программа расчленения России. – М., 1999)

Реформы, читай, великий «передел», окончены, и мы предлагаем читателю мнения трех авторитетных в своих областях знаний людей о том положении, в котором оказалась к настоящему времени наша страна. Приводя эти мнения, мы руководствуемся тем фактом, что они даны объективно, без ангажированности авторов какой-либо из сторон в нашей пестрой политической палитре партий, движений, фондов, институтов, центров, просто «историков», политологов и прочая и прочая напасть на многострадальное сознание наших сограждан.

Рассмотрим положение в России на уровне идеологии. Идеологию, по науке, должны определять политические партии и движения в процессе плюралистической дискуссии в обществе. Приведем кратко обзор в сфере демократического партийного строительства в России политолога Сергея Кара-Мурзы. Ниже мы цитируем автора по [95].

Многопартийность в России, о необходимости которой так много говорили антикоммунисты, буксует. Общество расколото глубокими социальными противоречиями, но набора партий, выражающих разные интересы в конфликте, не возникло. Видно, не таков конфликт и не таково общество.

Правда, на наших глазах ведется эксперимент по искусственному созданию партии без идеологии, со странным названием «Единство», несовместимым с самим понятием партии. Это – попытка создания КПСС без советского строя. Понятно, что без программы объединить людей нельзя. Повторяя каждую неделю, что программы нет, потому что какой-то Греф запаздывает с ее написанием, бригада президента Путина быстро теряет баллы. А те странные бумаги, которые «утекают» из ведомства министра Грефа, видимо, для изучения общественного мнения, приводят человека в недоумение. Неужели это всерьез?

Одна из причин такого положения – общий кризис идеологий. Сегодня, после ликвидации советской власти и ее официальной идеологии, к фразеологии марксизма восприимчива лишь небольшая часть пожилых людей. О сути же марксизма и речи нет, никто в нее в последние десятилетия не вникает. То есть, в России уже нет аудитории для того марксизма, который у нас культивировали. А о современном марксизме и говорить нечего, потому что у нас его и за марксизм не примут. Его освоение – дело будущего (? – авт.).

Если признать, что либерализм также не овладел массовым сознанием или затронул только самые верхние слои сознания

части энтузиастов, то положение России в идейной сфере оказывается сложным. Здесь нет ни религии, ни теории, ни производных от них социальных мифов, которые могли бы соединить общество и оправдать усилия, необходимые для выхода из кризиса. В других цивилизациях, которые уцелели после экспансии Запада и начали свой проект развития, необходимая идейная основа есть. Это – Китай и Япония, Юго-Восточная Азия, Индия и Исламский мир. Заметим, что ни в одной из них марксизм не является уже и оболочкой, «упаковывающей» идеи справедливости и благоденствия. У них созрели собственные национальные «упаковки».

Православие, на которое многие возлагали надежды, видимо, не может выполнить объединяющую роль. Главная причина – в самой сути Православия как истинно христианской религии, уходящей от мирских конфликтов. Вторая причина, исправимая, но неисправляемая – невежество и религиозная бесчувственность активных «интеллигентов в Православии», которые лихо смешивают Богово и кесарево и отпугивают людей своим напором (по-видимому, имеются в виду отечественные христианско-демократические партии – авт.).

Подведем итог. Мы по своей культуре – часть христианского мира (даже наши «нехристианские» народы), и мы слишком проникнуты Просвещением, чтобы искать обоснование нашего жизнеустройства в архаических чужих философиях и религиях. В то же время мы – часть христианского мира, не пошедшая по пути буржуазного либерализма и не впавшая в колониальное людоедство. Кто-то об этом жалеет, не будем с ними спорить. Главное, что жалеть поздно, к пиршеству людоедов нас уже не допустят, а без него и буржуазным либерализмом никого прельстить нельзя. И, похоже, «заграница нам не поможет», так что возможность дурить людям головы либеральными иллюзиями иссякает.

На чем же мы можем строить проект? Скорее всего, общей, «тотализирующей» идеологии, по силе сходной с марксизмом начала XX века, у нас не возникнет. Значит, консолидация, достаточная для большого проекта части общества будет происходить в виде т.н. «исторических блоков» – образования союзов партий и движений с существенно различными идеологиями, которые способны пойти на компромисс ради общих целей. Это – новая для нас задача, и этому надо учиться (прогноз автора сбывлся – из трех безликих партийных образований образовался новый

монстр – «Единая Россия», которую в передаче «Свобода слова» 29 марта 2002 г. на НТВ редактор еженедельника «Собеседник» Д. Быков метко назвал **воинствующей серостью**).

Указанная фундаментальная трудность выхода из кризиса сопровождается трудностью организационной. Все сложившиеся политические силы, представляющие фрагменты внешне расколотого общества, уже привязаны к определенному образу и языку. Все они, даже включая «Единство», прошли максимум своей способности к консолидации людей, и ни у кого эта способность не достигла критического уровня.

Рыночные идеологи исчерпали свой ресурс, ибо практически все, включая их самих, убедились в том, что «протестантской Реформации» в России не произошло, и гражданского общества не возникло. Капитализм, даже не родившись, выродился в воровство и хамство. По инерции, Григорий Явлинский удерживает часть интеллигенции, но этот проект уже на излете. Хотя «бедная» Хакамада потела, прыгая на дискотеках, молодежь, которую смогли собрать «правые», не желает никаких проектов. Это деклассированная молодежь, голосовавшая за СПС из нигилизма переходного возраста.

«Громилы» типа Жириновского, которые эксплуатировали расщепленное национальное сознание, также теряют паству, поскольку связного проекта предложить в принципе не могут. Для этого надо было бы преодолеть расщепление сознания, то есть утратить единственный источник их очарования. Ельцин поднялся на волне разрушения СССР и «западной утопии». Это уже никого вдохновить не может, и «ельцинизм воров» должен искать новую политическую маску, но срок ее действенности будет намного короче, нежели у Ельцина.

КПРФ – партия с самой большой объединяющей способностью, которую она, однако, не увеличивает. Слишком широк захват (от безработных до «национальной буржуазии») и противоречивы программные заявления. В результате в образе КПРФ, что сложился в массовом сознании, слишком много «номенклатуры» и не хватает искренности. Пусть это образ ошибочный, но он действует. Главная ценность КПРФ – система низовых организаций, реальная идеология которых мало зависит от заявлений публичных политиков от КПРФ и сводится в основном к здравому смыслу и стихийной философии справедливости. Надолго ресурса такой идеологической базы не хватит, да и в организа-

ционном плане разрыв между верхушкой и базой начнет ослаблять партию. Пока что КПРФ смогла выполнить главную задачу – сдерживать противника в отступлении, работая на идейных ресурсах возмущения. Но привлечь основную массу народа и особенно молодежь с этими ресурсами невозможно – для них нужен проект развития. Его можно выработать только на базе большого теоретического прорыва, через интеллектуальный диалог..

Это было мнение о положении дел в области политического плюрализма и его социальной базы. Оно неутешительно настолько же, насколько и объективно. Перейдем теперь к другому, не менее важному аспекту – геополитическому.

А.Г. Дугин [96] считает, что в современном российском обществе представлено два взгляда на российское будущее. Первый, доминирующий, проект принадлежит либералам, реформаторам, которые берут в качестве примера модель западного общества, «торговый строй», чем подписываются под проектом о «конце истории», развитым в одноименной статье Фрэнсиса Фукуямы (см. ниже).

Этот проект отрицает такие ценности, как народ, нация, история, геополитические интересы, социальную справедливость, религиозный фактор и т.д. Он построен на примате экономической эффективности, индивидуализма, потребления и «свободного рынка». Либералы хотят построить на месте России новое никогда еще не существовавшее здесь исторически общество, в котором установлены те правила и культурные координаты, по которым живет современный Запад, и особенно США.

Второй проект принадлежит так называемой «национально-патриотической оппозиции», которая представляет собой многоликую политическую реальность, объединенную неприятием либеральных реформ и отказом от либеральной логики. В этой оппозиции доминируют представители коммунистов-государственников, отошедших от жесткой марксистско-ленинской догматики, а также сторонники православно-монархического типа государственности.

Автор считает, что оба эти проекта являются сущностно тупиковыми для русского народа и для русской истории. Либеральный проект предполагает постепенное стирание национальных особенностей, особенно русских, в космополитической эре «конца истории» и «планетарного рынка».

Советско-царистский проект силится возродить нацию и

государство именно в тех исторических формах и структурах, которые постепенно привели русских к краху.

Современное состояние России автор предлагает рассматривать применительно к ответам на следующие вопросы: «Что такое Российская Федерация – наследница и правопреемница СССР?

Региональная держава?

Мононациональное государство?

Межэтническая федерация?

Жандарм Евразии?

Пешка в американских проектах?

Территории, предназначенные к дальнейшему дроблению?»

Ответы в трактовке автора звучат так: Российская Федерация не является Россией, полноценным Русским Государством. Это переходное образование. В перспективе РФ может стать Русским государством, но это совершенно не очевидно. Стратегические интересы РФ могут проясниться только после того, как появится, сложится и определится политический, социальный, экономический и идеологический субъект этих интересов.

По теории, это должен быть Русский народ.

А.Г. Дугин детально рассматривает причины, историю развала СССР с точки зрения геополитики. С этой же точки зрения автор предлагает и дальнейшие пути развития России в аспекте внутренней политики и геополитических интересов страны.

Автору удалось показать, что истинные причины развала СССР кроются не только в пороках социалистической системы, но, в первую очередь, в результате внешних условий, продиктованных геополитикой стран Запада и, главным образом, США (однако принято считать, что все империи гибнут изнутри, внешние условия служат лишь толчком, ускоряющим их агонию). Геополитика основана на утверждении о радикальной несводимости, абсолютной альтернативности двух цивилизационных типов, к которым принадлежит, с одной стороны, Россия, а с другой – западный мир во главе с США. Каждый из этих типов представляет «мир в себе», законченную самодостаточную модель.

В таком аспекте «мировое правительство» возможно лишь после окончательной победы одного полюса над другим, и «единое человечество» будет не «собираанием двух половин», а универсализацией, глобализацией, тоталитаризацией какого-то од-

ного типа – либо евразийского, либо атлантистского. Такое объединение предполагается осуществить на основе мондиализма, утверждающего, по крайней мере в теории, «гуманистическое единство» человечества, всякие деления в рамках которого представляются случайными, произвольными и качественно «негативными» (под либерально-демократическим «просвещенным гуманизмом» понимается светская версия маймонидского рационалистического талмудизма).

В теории мондиализм и геополитика конфликтуют, но мы должны помнить, что теория конвергенции, продвигавшаяся в рамках мондиалистических взглядов, оказалась всего лишь ширмой в достижении именно геополитических интересов Запада: после разоружения Варшавского Договора и развала СССР НАТО не только не расформировалось, но и существенно укрепило свои позиции, продвинувшись на Восток.

Сделаем небольшую ремарку. Мондиализм [92] выдвинул идею Общеευропейского Дома с США во главе. Это идея Нового Мирового Порядка. Основой мондиализма как идейного течения, рожденного на свет политическим сионизмом, явились идеи либерализма, космополитизма и монетаризма. Главным отличием мондиализма от капитализма стала утрата суверенитета государств в финансовой области и закрепленный в конституции принцип космополитизма. При этом информационное пространство действия Национальной идеи ограничивается, и против нее ведется борьба с целью сведения «на нет», вплоть до ее полного исчезновения.

Мондиализм – новая теория мирового господства миллиардеров. Целью мондиалистов является устройство Нового Мирового Порядка для человечества якобы с целью облагодетельствования: спасти от катастроф, войн, уничтожения. Ныне якобы сама собой по велению законов времени вступает и воцаряется повсюду единая мировая система. «Хотим мы того или нет, готовы или нет, мы вовлечены в это», – пишет проповедник Малахия Мартин [97]. И далее продолжает: «Вопрос в том, кто установит первую единую мировую систему правления, которая еще никогда не существовала в обществе народов, кто будет обладать двойной властью-авторитетом и контролем над каждым из нас в отдельности и над всеми нами вместе? Наш образ жизни как индивидуальностей и представителей наций, ремесло торговля и деньги, наша система образования, наши культуры, даже при-

знаки национальной принадлежности, которые мы получили наследственно, – все это будет фундаментально и в корне изменено. И никто не избежит этого влияния. Ни одна область нашей жизни не останется недосягаемой» (там же).

Придумана и единая религия для всех. Папа Иоанн Павел II настаивает на том, что у людей нет заслуживающей доверия надежды на создание жизнеспособной геополитической системы, если она не основывается на Римско-Католическом Христианстве [98].

Новый Мировой Порядок – это режим особого рода, где концлагерем является вся планета. Герберт Уэллс описал сходную ситуацию в романе «Облик грядущего», изобразив технократов – «морлоков» и их жертвы – интеллигентов «элоев». Прежде всего, это порядок *Космополитический*. Народы и нации должны забыть о своих этнокультурных цепях, о своей расовой и культурной принадлежности, о своей специфике, отказаться от всякой реальной зависимости в национальном плане.

Это также порядок *Внерелигиозный*. Все религии должны быть ослаблены, выхолощены, отодвинуты от жизни, за исключением иудаизма богоизбранного народа. Никакая религия и никакое учение отныне не должно будет противопоставлять себя «истинам», которые «изобретут» мондиалисты под руководством Папы.

Это также порядок *Демократический*, когда количественный фактор, опирающийся на пресловутые и неопределенные «права человека», будет контролироваться теми, кто манипулирует средствами массовой информации. Искусственно созданный «демократический принцип» должен отныне стать высшей мерой добра и зла, заменяя традиционные и верные источники подлинного авторитета: народные обычаи и обряды, духовные принципы народов, их мудрость и смекалку, семейные и родовые основы нравственности.

Это еще порядок *Плутократический*, когда тоталитарная свобода рынка будет общим правилом, хотя, как известно, рынки в государственных и больших регионах могут быть различными и своеобразными, опирающимися на традиционную многоукладность и веками существовавшие связи на разных уровнях.

Средствами достижения мондиалистами их целей являются манипуляция, шантаж, психологическая война, «революция нравов», денационализация с уничтожением исторической памя-

ти, насильственная имитация иностранных, особенно, американских моделей и образцов, массовая субкультура и антинаука.

Таким образом, мондиализм представляет собой теорию планетарной интеграции, перехода от множественности государств, народов, наций и культур к униформному миру – *One World*. История развития мондиализма такова: в 1921 году Морганом был создан Совет по международным отношениям (C.F.R.). На Совет возлагались задачи выработки стратегии США в глобальном масштабе с конечной целью создания Мирового правительства. Первоначально этот Совет возник как филиал Фонда Карнеги «За вселенский мир».

Символическая схема Тайного Мирового Правительства представлена ниже на рисунке, приводится по [92]:

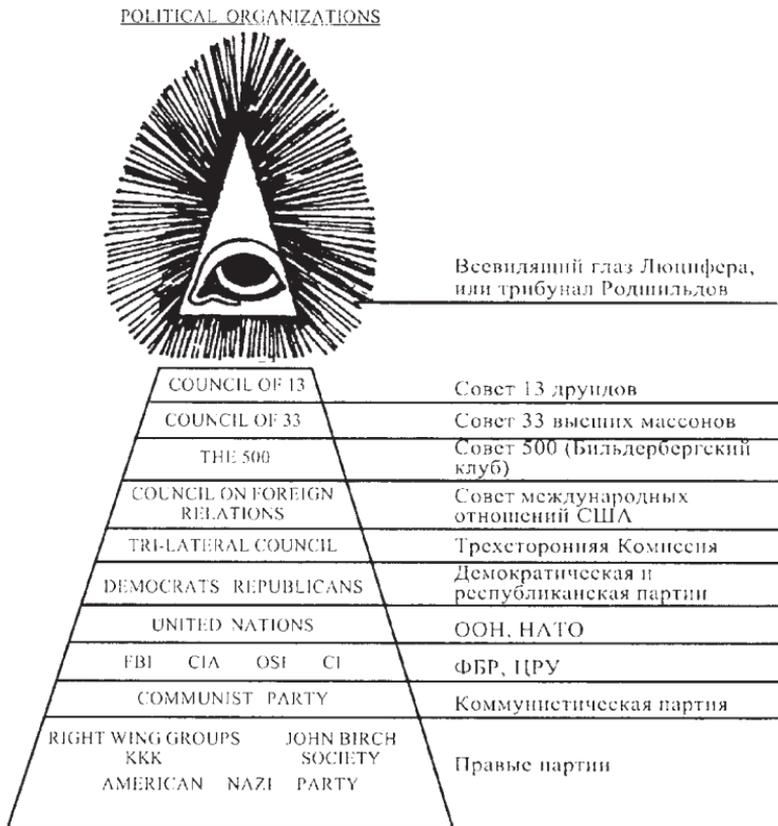

Рис. 3. Символическая схема Тайного Мирового Правительства

В 1954 году был основан Бильдербергский клуб, который расширил число участников проекта за счет Европы. По данным открытой печати за 1993 год на земном шаре жили 538 миллиардеров. Большинство из них входит в этот клуб. Его председателем является Джон Мортимер Рокфеллер IV, некоронованный король Земли.

В 1973 году была создана Трехсторонняя Комиссия (*Trilateral*), призванная объединять под эгидой атлантизма и США «три больших пространства», лидировавших в техническом прогрессе и рыночной экономике: США, Европу и Японию, как азиатского лидера.

С целью достижения поставленных геополитических целей в 1967 году был создан Римский клуб. По решению этого Клуба был создан Международный Институт Прикладных Систем (*IASA*) с центром в Австрии. В Советском Союзе была создана филиация этого института под названием Институт Системных Исследований во главе с академиком Джереми Михайловичем Гвишиани.

К 80-м годам советские мондиалисты контактировали не просто с Римским клубом, представлявшимся, на первый взгляд, безобидной организацией чудаков-ученых, утопистов и гуманистариетов, озабоченных судьбами человечества, но непосредственно с деятелями Трехсторонней Комиссии, которая сосредоточила в себе членов высшей элиты Запада. Эти деятели действовали тайно и без всяких демократических полномочий, не имея никакого легитимного права решать судьбы человечества.

Еще был жив Брежнев, еще здравствовал Варшавский Договор и исправно работал КГБ, но подготовка перестройки шла полным ходом. Под предлогом отказа от двухполярного мира, от противостояния и перспективы взаимного уничтожения Запад обманом и ловкой манипуляцией заставил своего противника отказаться от геополитической логики и от идеологической ориентации. Он разоружил нас, но в решающий момент отказался от встречных шагов и поступил с Советским Союзом так, как в свое время поступил И.В. Сталин с Еврейским Антифашистским Комитетом Михоэлса, выполнившим субверсивную миссию в отношении Запада и оказавшимся более ненужным.

Из этого следует, что мондиализм не является самостоятельной доктриной. Он не является законченным и последовательным планом, но лишь инструментом геополитики в идео-

логической борьбе между двумя цивилизационными полюсами. Все поведение атлантистского сообщества после перестройки: расширение НАТО на Восток, жесткое навязывание политической и экономической системы Запада растерянной и оглушенной России, сохранение всей полноты стратегической мощи США после одностороннего разоружения СССР – это ясные и убедительные примеры правоты геополитического подхода. Именно такой подход в данной ситуации адекватно отображает реальность, в то время как мечты о «едином человечестве» и гуманистические утопии служат лишь прикрытием, демагогическим фасадом для реальной и жестокой, беспощадной войны континентов.

Вот выдержки из речи Пола Волфовитца, сделанной им перед конгрессом США в 1992 году: «Все страны должны отказаться от противодействия американскому лидерству или от постановки под сомнение превосходства нашего экономического и политического устройства». И далее: «...опасность для европейской стабильности проистекает из-за подъема в России национализма или попытки России снова присоединить к ней страны, получившие независимость: Украину, Белоруссию и т.д.»

Таким образом, фатальным звеном в осуществлении геополитической катастрофы СССР явились мондиалистические круги и мондиалистические институты в стране. Их зародыш был унаследован со сталинских времен, но, возможно, они уходят корнями в предреволюционные (1917г.) общества и группы. Подлинный расцвет этих групп в виде институтов референтов, советников под руководством 5-го отдела КГБ приходится на 70-80-е годы.

Другой группой факторов краха России, СССР автор считает факторы внутренние. При этом он выделяет их в исторической последовательности применительно к Российской империи, а затем, к СССР.

К факторам краха Российской империи А.Г. Дугин относит следующие:

- русское Православие, потрясенное светскими реформами Петра I далеко отстояло от идеалов «Святой Руси», будучи фактически подчинено государственному контролю;
- самодержавие, вовлекаясь в решение чисто политических задач, забыло о своем сакральном, религиозном предназна-

чении, хотя и не доходило до уровня пустой пародии по примеру европейских монархий;

– народ пребывал в глубоком отчуждении от политической жизни.

В результате такого положения в последние 50 лет царствования Дома Романовых внешнюю политику определяли не евразийские традиции Александра I и перспективы континентального Священного Союза, основанные на альянсе России и держав Средней Европы, а проанглийские и профранцузские проекты, ради которых Россия втянулась в самоубийственные конфликты на стороне наших естественных геополитических противников против своих естественных геополитических союзников.

Славянофильская геополитическая утопия стоила России Царя, Церкви и Империи, и только приход евразийски настроенных большевиков спас тогда страну от тотальной дезинтеграции и превращения в «региональную державу».

Факторы краха СССР, по мнению автора, состоят в следующих основных положениях:

– традиционные духовные, сугубо национальные элементы так и не были введены в комплексную идеологию. Атеизм, материализм, прогрессизм глубоко чужды русскому народу в целом;

– неконкурентоспособность в долгой перспективе для сопротивления атлантистскому блоку, поскольку сухопутные границы более уязвимы, чем морские;

– административное устройство СССР было основано на чисто светском, функциональном, количественном внутригосударственном делении на основе хозяйственного и бюрократического центризма, не принимавшего в расчет ни религиозных, ни этнических, ни региональных особенностей территорий; в такой модели субъектами были не конкретный этнос, культура, религия, а абстрактное «население территорий»;

– экономическая система была основана на «длинном» социальном цикле, поэтому отдача со стороны общества конкретному человеку перестала ощущаться вовсе.

Таковы, в самом общем виде, взгляды на положение вещей с точки зрения геополитика.

Остановимся еще на одном взгляде, затрагивающем самые глубинные аспекты российской государственности – дела наши духовные. С позиций, во многом совпадающих со взглядами А.Г. Дугина, рассматривает современное положение России по-

койный Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) в своих трудах [99, 100, 101]. Мы перескажем взгляды Митрополита, как в некоторой степени уравнивающие, по нашему мнению, воззрения Сергея Кара-Мурзы и Александра Дугина на высшем, духовном, морально-нравственном уровне. На основе исторического опыта российской государственности он предлагает учесть следующие основные положения: единство политики и нравственности; единство народа и власти; межнациональное единство; соборное державное строительство.

При этом отмечается, что собор не есть конгресс или съезд. Собор есть духовно символический акт, возвращающий народу, власти и церкви утраченное в смуте единство, примиряющий их между собой и с Богом, подтверждающий восстановление Закона Божьего как державной основы Русской государственности. В качестве примера он приводит религиозные переживания Иоанна Грозного, подсказавшие ему идею Первого Земского собора: «Вниде страх в душу мою, и трепет в кости моя, и смирися дух мой, и умилхся и познах своя согрешения».

Это свое отношение к событиям в современной России священнослужитель раскрывает в рамках становления русского самосознания. На первом этапе, охватывающем период со времени крещения Руси до эпохи царя Иоанна IV Грозного, оформилась и закрепились основа национального самосознания. Были приняты окончательные формы народных идеалов в личной, семейной, общественной жизни и государственного служения. Этот период можно назвать периодом Святой Руси.

Второй этап автор характеризует, как период борьбы русского самосознания с богоборческими, материалистическими и антинациональными соблазнами. Его хронологические рамки охватывают Смуту XVII века, с одной стороны, и революцию 1917 года – с другой.

Третий этап наступил ныне, как момент Истины.

Отечественные СМИ организовали заговор молчания вокруг взглядов Митрополита на историю и на ее современное состояние. Одной из причин такого положения является отношение о. Иоанна к так называемому «еврейскому вопросу». Поскольку мы не нашли в этих взглядах ничего криминального, кратко изложим их читателю.

Основное противоречие между православным и иудейским

миропониманием состоит в том, что православное восприятие своего избранничества есть обязанность служить ближнему своему, в то время как иудейское заключается в господстве над окружающими людьми. Митрополит приводит в подтверждение реальные события, опираясь на достоверные исторические документы.

Иудейские купеческие колонии появились на русских землях в эпоху расцвета Киевской Руси, поддерживавшей оживленные торговые связи с Византией на востоке и христианскими государствами Западной Европы. Но уже в 1069 году произошел конфликт, в результате которого иудеи надолго потеряли право селиться в России.

Летопись Нестора под 1113 г. так описывает случившееся: «Киевляне же... жидов многих побили... за то, что сии... христианам вред чинили». Когда мятеж закончился свержением князя Святополка, который покровительствовал иноверцам, «приял Владимир престол с удовольствием всего народа», тогда «просили его всенародно о управе на жидов, что при Святополке имели великую свободу и власть, через что многие купцы и ремесленники разорились; они же многих прельстили... Владимир же отвечал им: ...для того немедленно созову князей на совет». Тогда же князья, съехавшись на совет у Выдобича, после долгого рассуждения решили принять закон: «Ныне из всея Руския земли всех жидов со всем их именем выслать и впредь не впускать...» [153].

Иоанн Грозный полагал, что: «Жидам ездити в Россию с торгами не пригоже, для того, что от них многие лиха делаются, что отравные зелья привозили в Россию и христиан от христианства отводили».

Петр I говорил: «Хочу видеть у себя лучше народы магометанской и языческой веры, нежели жидов: они плуты и обманщики. Я искореняю зло, я не распложу его».

Государыня Елизавета Петровна высказалась по этому поводу еще определеннее: «Жида в нашей империи под разными видами жительство продолжают, от чего не иного какого плода, но токмо, яко от таковых имени Христа Спасителя ненавистников нашим верноподданным крайнего вреда ожидать должно... Оных ни под каким видом в нашу империю ни для чего не впускать, разве кто из них захочет быть в христианской вере... таковых, крестя, жить им позволить...»

С присоединением к Российской империи Польши еврейский вопрос встал в иной плоскости, и русское правительство пошло на обеспечение равноправия иудеев и православных. Указом Екатерины II от 1791 года они были уравнены в правах с купцами, ремесленниками и мещанами тех городов, в которых они проживали на момент присоединения Польши к России. Позже, в 1802 году, повелением Александра I был даже создан «Комитет о благоустройстве евреев». Но как только выяснилось, что деятельность комитета способствует смягчению обособленности иудейских общин, кагалы (органы местного самоуправления иудеев) ввели «процентный сбор» на всех евреев с целью устранения намерения правительства относительно евреев. Были собраны огромные суммы на подкуп чиновников, интриги, в результате которых, в частности, русский поэт Г.Р. Державин, бывший в ту пору министром юстиции, был отстранен от должности.

Лидер консервативной партии Англии, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874-1880 годах, Бенджамин Дизраэли, граф Биконсфилд, будучи сам крещеным евреем и не боясь обвинений в антисемитизме, в 1846 году предупреждал, что «мощная революция развивается полностью под еврейским руководством». И она свершилась во Франции спустя два года.

Митрополит приводит многочисленные исторически проверенные сведения о негативном влиянии негласных тайных обществ на процессы в мире, в том числе, в России. Именно поэтому его так невзлюбили отечественные журналисты, однако мы не можем не привести его взгляды на строительство государства российского, поскольку, по целому ряду показателей, они выглядят достаточно обоснованными и убедительными. Что касается «еврейского вопроса», то эта проблема в рамках настоящей работы специально не рассматривается, и мы бы не хотели, чтобы читатель подумал, что мы виним во всех своих бедах «некоторые малые народы». Более того, мы считаем, что любой народ должен отвечать за себя сам.

В этой связи мы не можем обойти проблему криминализации нашего государства. Эти процессы начались в период так называемого «первоначального накопления капитала», поскольку отечественные реформаторы явно считают, что такое накопление возможно лишь на преступном пути. Мы сделали этот вывод на том основании, что во всех отраслях российской экономики преобладают криминальные тенденции. Здесь господ-

ствуют не законы, а бандитские «понятия», от которых стонут не только простые работники промышленных предприятий, но и «воры в законе».

Статистика свидетельствует – в разгар «реформ», в январе 1996 года, было зарегистрировано 202 тыс. преступлений по сравнению с 189 тыс. преступлений в этом же месяце 1995 года. Основной рост преступлений приходился на сферы, связанные с экономикой и имущественными отношениями – 57 процентов в указанные годы [103]. Невиданных масштабов достигли коррупция и расхищение бюджетных средств. В 1996 году Комитетом финансов Санкт-Петербурга было выявлено нецелевое использование бюджетных средств на сумму в 1,6 млрд. рублей (неденоминированных). Эти средства «ушли» на дополнительную оплату чиновников, их загранкомандировки, приобретение и содержание служебного автотранспорта, проведение семинаров. Спустя шесть лет Президент России В.В. Путин делает публичный разнос, показанный всеми телевизионными каналами, уже губернатору Санкт-Петербурга за неэффективное использование средств федерального бюджета, отпущенных на подготовку 300-летнего юбилея города. А это свидетельствует о том, что система хищений и коррупции только разрослась и укрепилась.

За каждую имущественную сделку чиновники разрешающих и регистрирующих ведомств получают «вознаграждение» до 20% реальной суммы сделок. В год это составляет 500-600 млн. долларов только по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Примерно до 50% взимают коррумпированные судебные арбитры, до 20% от суммы незаконной регистрируемой сделки получают нотариусы. 10% ежемесячной прибыли, набегающей от оборота искусственно задержанных на банковских счетах денежных средств, получают должностные лица, распоряжающиеся денежными потоками. Сравните – банковский перевод в Украине или в Белоруссии проходит за два часа, в России 3-5 дней по городу. Междугородный перевод может исполняться месяцами, даже, если он направлен на реализацию последствий стихийных бедствий по указанию Президента или правительства.

Только за 1994-1995 годы в Санкт-Петербурге преступным путем переоформлено и продано около 5 тысяч квартир на общую сумму примерно 100 млн. долларов. При продаже земельных участков под коттеджи в пригородных зонах чиновники «заработали» около 50 млн. долларов.

Гарантированный пропуск контрабандного груза и валюты только одного чартерного рейса стоит 10 тысяч долларов. Средняя фирма, поставляющая потребительские товары из Прибалтики, выплачивает на «содержание» таможенников 400-500 тысяч долларов в год. По возбужденным в середине 90-х годов уголовным делам по работникам таможни установлены многочисленные факты взяток, от нескольких сот до 300 тысяч долларов. Только в регионе Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Таким образом, главные сторожа экономических рубежей России украли у бюджета несколько миллиардов долларов [104].

Но не только чиновники расхищают государственные и общественные богатства. На одном из совещаний, показанном по телевидению, В.В. Путин привел такие цифры – Газпром продает газ в Европу по цене в 100 долларов, в то время как стоит он там 200 долларов, и задал риторический вопрос: «Где деньги?». Деньги-то немалые, если умножить разницу на объем экспорта газа. А ведь эти деньги очень нужны государству, являющемуся акционером Газпрома. На них можно было бы не только улучшить жизнь трудовому народу, обеспечивающему безбедную жизнь нашим чиновникам и олигархам, но и решить целый ряд системных проблем в экономике, в Вооруженных силах, в энергетике и т.д. Судя по всему, вопрос Президента повис в воздухе и остался без ответа, поскольку деньги не найдены. Может быть, их никто и не искал, и мы можем только догадываться, почему.

Однако основное внимание следует обратить на рост организованной преступности, которая напрямую выходит на властные структуры, путем коррупции продвигая выгодные ей решения, законы и незримо влияя на формирование политики в целом.

В 1989 году было учтено 485 организованных преступных группировок, а в 1995 – 8222, что составляет семнадцатикратный рост их числа. В 1999 году было зарегистрировано 25039 преступлений, совершенных организованной преступностью. В 2000 году таковых было уже 27362. При этом прирост, например, терроризма составил за этот период 676 процентов. По состоянию на 2001 год рост террористических актов по сравнению с 1999 годом, составил уже 718 процентов. При этом в 2000 году раскрыто 20 террористических актов, а в 2001 году – 19 [105].

Если бы наше высшее политическое руководство в 90-х годах заботилось об укреплении государственности, боролось с коррупцией, то оно было бы кровно заинтересовано в укреплении

нии правоохранительных органов. Однако на деле все вышло наоборот. Правоохранительная, а вместе с ней и судебная система, были фактически похоронены под обломками недавно бывшего могущественным государства. Основные структурные подразделения МВД укомплектованы лишь на 60 процентов. Из органов добровольно увольняются молодые сотрудники и уходят в частные охранные предприятия. В этой связи стоит отметить опасную тенденцию крена в обеспечении безопасности в сторону именно частных охранных структур. Эти структуры защищают интересы крупных собственников, в то время как милиция вынуждена, как говорится, «кормиться на асфальте» в ущерб исполнению своих основных обязанностей. А ведь правоохранительная система является стеновым хребтом любого государства, ибо она, совместно с судебной системой, призвана обеспечивать свободу, права граждан, их защиту и безопасность.

Как в этот период наше правительство «заботилось» об укреплении правоохранительной системы, мы можем рассказать, что называется, на личном примере. В конце 90-х годов в бытность Министром Внутренних дел А.С. Куликов попытался навести в стране порядок в этой области. За что и поплатился своей должностью. Системе оказались ненужными усилия по искоренению коррупции, криминальных схем в экономике, в борьбе с преступностью. Вместе с Анатолием Сергеевичем из аппарата Министерства и в регионах были уволены, другими словами, «убраны» и кадры, поддерживавшие курс Министра, в том числе и один из авторов этой книги – начальник ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области А.В. Пониделко. В весьма незначительный период времени, который судьба отвела нам руководить правоохранительной системой, произошли очевидные положительные сдвиги. Была искоренена порочная практика оценки состояния дел по числу зарегистрированных преступлений, а о том, что этот фактор является ключевым во всей деятельности МВД в аспекте взаимодействия правоохранительной системы с обществом, свидетельствует такой пример. Как член городского правительства, начальник ГУВД периодически принимает население по личным вопросам. Обычная практика местных руководителей состоит в «плановом» приеме 4-5 человек, по которым предварительно чиновниками проработаны необременительные для власти решения. Поэтому народ и идет с неохотой на такие приемы – добиться правды здесь

практически невозможно. В случае с Пониделко все обстояло так, как должно быть. На прием попадали все желающие, а по каждому обращению принимались эффективные решения. Это привело к тому, что такие приемы стали настолько популярными среди населения, что однажды один из них длился непрерывно 36 (тридцать шесть!) часов.

По обращениям граждан, только в 1996 году в Санкт-Петербурге было возбуждено 145 уголовных дел в отношении 198 милиционеров, а 164 работника милиции были уволены из органов или понижены в должности. В поле зрения ГУВД по региону попали 19 высокопоставленных чиновников, а также 7 депутатов различных уровней.

Как уже отмечено выше, такая активность оказалась не по душе нашей демократически избранной власти, и мы, искренне служившие своему народу, оказались не у дел. Однако время все расставляет по своим местам. Нынешний Президент России В.В. Путин и Министр Внутренних дел Б.В. Грызлов вернулись к опыту времен А.С. Куликова и пытаются навести порядок в стране, хотя теперь ситуация намного усложнилась в силу того, что криминалитет существенно окреп за истекшие годы. При этом знания и опыт генералов А.С. Куликова и А.В. Пониделко оказались востребованными, но уже на более высоком, международном уровне. Руководители ведущих стран мира поддержали идею создания Всемирного Антикриминального Антитеррористического Форума с участием представителей всех стран, идущих по пути борьбы с международной преступностью. И руководителем этой международной неправительственной организации был избран А.С. Куликов.

Мы также отмечаем факт, который, по логике демократической прессы, должен стать историческим (если бы он касался, например, какого-нибудь диссидента). **Впервые в истории Министерства внутренних дел человек был реабилитирован прижизненно** – приказом Министра Внутренних дел №600 л/с от 6 мая 2002 года прежний приказ об увольнении генерал-лейтенанта Пониделко А.В. в аттестационном порядке отменен, а формулировка мотива увольнения исправлена на статью «по выслуге лет».

Но, продолжим. Нам жизненно важно понять, что общество загнало себя в тупик в сфере борьбы с преступностью. С одной стороны, преступность признает лишь грубую силу. Именно по-

этому самая низкая преступность наблюдается в странах с тоталитарными режимами. Однако такие режимы сами по себе являются по своей сути криминальными, поскольку грубо попирают права и свободы своих народов. С другой стороны, в рамках демократии происходит неизбежный рост преступности и криминализации всех сфер социальной жизни. Гражданское общество демократических стран оказалось бессильным перед лицом преступного мира. Выход из этой дилеммы пока не найден, но искать его следует только на основе жесткого гражданского контроля над исполнением законов, принятых демократическим путем.

Выше мы уже описывали технологию «захвата в клещи», которая применяется политическими режимами в целях укрепления собственной власти. Однако и сама политическая система, по крайней мере, в России, попала в «клещи», а «клещи» эти носят криминальный характер. Снизу интенсивно развивается традиционная преступность, социальную базу которой составляют обездоленные граждане. Именно на борьбу с этой преступностью направлены усилия правоохранительной системы любого государства, в том числе, и России.

Однако правящая элита создает себе привилегии, одной из которых является неприкосновенность, установленная либо законодательно, либо по неписанным правилам и негласной таблице о рангах. Эта элита постепенно втягивается в орбиту криминальных отношений: коррупцию, взяточничество, лоббирование интересов определенных группировок, прямые нарушения законов и норм во всех сферах – от «мигалки» на крыше лимузина до приобретения земельных участков и недвижимости, в том числе, за рубежом. И это – давление сверху.

«Клещи» постепенно сжимаются – отдельные преступные группировки «вырастают» до такого уровня, когда им по силам сделать объектами своих преступных действий представителей «разжиревшей» элиты. В свою очередь, элита оказывает все большее давление на преступный мир низшего ранга, перехватывая его денежные потоки. Столкновение интересов неизбежно, как неизбежен и факт выхода этого процесса из-под контроля общества и государства. И здесь речь уже будет идти о самом сохранении государства, поскольку оно вполне может оказаться со своей обескровленной правоохранительной системой бессильным перед разгулом насилия со стороны нижней части «клещей», и не-

явного противодействия наведению порядка со стороны их верхней части. Более того, вполне в духе отдельных представителей власти использовать силовые ведомства в собственных корыстных интересах.

Ситуация в России освещена достаточно ясно и компетентно и в других источниках, и мы постараемся в очень сжатом виде дать квинтэссенцию всего сказанного ранее, как в этой книге, так и в этих других источниках.

Во-первых, государство может существовать лишь в том случае, если оно эффективно обеспечивает удовлетворение потребностей большинства своих граждан. Этого явно нет в России, поскольку ее правительство проявляет заботу, в первую очередь, о крупнейших собственниках и о чиновничестве. Именно поэтому страну покидают ее лучшие представители – ученые, инженеры, программисты, спортсмены, тренеры и просто красивые девушки в поисках счастья за пределами родного Отечества. Дальнейшее сохранение этой тенденции неминуемо приведет к распаду России. Просто не станет хватать людей для решения сложных задач в рамках нашей огромной территории.

Об этом правительство не задумывается и продолжает наращивать бюрократический аппарат, вместо того, чтобы обеспечить перетекание людских ресурсов в сектор реальной экономики. За годы реформ объем государственной собственности уменьшился более чем в три раза. Логично было бы предположить, что для обслуживания меньшего числа объектов государственной собственности требуется и меньший аппарат управления. Тем более, что он ныне оснащен компьютерами и оргтехникой. Однако бюрократический аппарат только вырос! В СССР на 100 тыс. работающих приходилась одна тысяча управленцев. Теперь их – 1800.

Правительство рапортует о «росте экономики». При этом под мифическим ростом экономики оно понимает абсолютные цифры денежного оборота, никак не связывая его с тем, что в этом обороте находится. Даже невооруженным глазом видно, что заводы, фабрики, стадионы превращены в склады вино-водочной продукции; скверы и даже тротуары, особенно у метро отданы под киоски и павильоны для «малого бизнеса», читай, лавочной торговли. Какие-то предприятия вновь создаются, но эти предприятия производят «Чупа-Чупс», «Минтон», «Кока-Колу», «Пепси-Колу»

и т.д. От лесов местами не осталось даже щепок, а цветной «металлолом», рекой текущий на экспорт, представляет собой уворованные из очень важных и нужных мест жизненно необходимые детали и узлы.

Во-вторых, насаждение через средства массовой информации, в первую очередь, через телевидение, массовой субкультуры, по определению чуждой российской ментальности, да еще щедро подкрепляемой деньгами, есть технология переучивания индивидуального сознания российских граждан, а вместе с ней и общественного сознания в целом. А это тождественно уничтожению русского народа.

В результате такого воздействия в социуме образуются патологические структуры, социальные группы и кланы: финансово-промышленные и слившиеся с ними криминальные группировки, организующие вывоз национального богатства за рубеж; устойчивые преступные сообщества, в первую очередь, в области наркоторговли, паразитирующие на теле общества; чиновничье-бюрократический аппарат, превративший государство в субъект рыночных отношений; так называемая «интеллектуальная элита» из числа бывших интеллигентов, продавшихся за гранты зарубежным структурам, имеющим цель бескровно овладеть богатейшими ресурсами нашей страны. Наши политические партии, по теории призванные формировать идеологию и представлять ее в информационном пространстве, от этой своей фундаментальной роли самоустранились и делят портфели в Думе.

В-третьих, государство должно создавать условия самодостаточности нашей страны для проживающего в ней народа. Американские магнаты и олигархи в свое время создали мощнейшую в мире промышленность именно в своей стране, и ни в какой другой. Но отечественные их «коллеги» почему-то везут природные богатства, доставшиеся им непонятным способом, на Запад. Туда же они везут и вырученные за них деньги, причем не отечественные, а чужие доллары в чужие же банки, укрепляя экономики других стран и ничего не создавая в своей стране.

Государство уподобилось нашим олигархам. Оно берет займы деньги, причем, сомнительные, ничем не обеспеченные пустые бумажки, но не у собственного народа, а у международных финансовых структур. Возвращаются же кредиты полноценными национальными богатствами. При этом кредиты берутся

отнодь не на развертывание новых и совершенствование существующих производств, способных приносить прибыль, а на «проедание». Поэтому расплачивается за такие кредиты народ, оплачивая не только разворованные чиновниками кредиты, но и проценты по ним. Страна оказалась в финансовом рабстве волею недобросовестных руководителей, злым провидением пришедших к власти в бывшем СССР, а затем и в России. В таком же положении оказались и другие государства СНГ.

В-четвертых, выдавливание из национального самосознания Православной культуры, являвшейся тысячу лет в союзе с другими традиционными для нас конфессиями фундаментом нашего общества, ведет к хаосу в области национального самоопределения, социальных установок, потере смысла общественного бытия и жизни отдельного человека. Именно поэтому у нас до сих пор не сформулирована Национальная идея, а западники, в первую очередь либералы, вообще говорят о ненужности такой идеи для народа. Тогда как можно объединить народ в государство? Ведь оно распадется из-за отсутствия общего фундаментального интереса (см. цитату из В.М. Бехтерева, приведенную выше).

Это подтверждается и фактом вымирания коренного населения России. Экономические условия вымирания здесь вторичны (посмотрите на лагеря чеченских беженцев, где полно детей, а каждая вторая женщина – беременная), **главное – в отсутствии смысла продолжения своего Рода**. На место генетически заложенных соборных традиций приходит чуждый образ жизни, шкурный «рай» рыночных отношений.

В число потребностей человека наши правители относят только потребности материальные, но забывают о том, что в первую очередь нужно заботиться о потребностях духовных, удовлетворение которых должно стать становым хребтом государства российского.

В-пятых, в стране нет сколько-нибудь удовлетворительной концепции социально-политического развития. Именно поэтому в речах наших политиков и в принимаемых ими решениях сумбурно смешаны положения о строительстве гражданского общества согласно принципам либеральной демократии, но рядом стоит типичная проблема партиципации ввиду необходимости распределения властных полномочий между уровнями власти и различными регионами. Президент провозгласил политику «рав-

ноудаленности олигархов» от власти, являющуюся признаком рыночной демократии, но в стране около двух сотен партий, а это – из области демократии плюралистической, что подкреплено разнообразием позиций наших средств массовой информации.

Все это происходит на фоне практически полного игнорирования всеми ветвями власти и региональными элитами существующего доминирующего общественного мнения. Правда, справедливости ради, следует отметить, что был проведен Гражданский форум, состоялись несколько других симпозиумов по проблемам строительства гражданского общества в России. Однако на деле эти форумы обернулись пустым пиаром, поскольку они не дали никакого импульса в сторону изменения политики власти в сфере разрешения социально-политических проблем. Ведь на этих форумах было представлено мнение лишь нашей «интеллектуальной элиты», политологов и политиков, никто не позаботился о представлении мнения народа.

Глубочайшей проблемой нашей власти является отсутствие опоры на реальную поддержку народа. Это вызвано отсутствием сколько-нибудь удовлетворительной социальной базы вновь созданных «партий власти». В настоящее время они представляют собой бюрократические организации партийных функционеров – без идей, без научно обоснованных программ, без планов, способных привлечь хотя бы внимание широких народных масс.

Надо также отметить, что все это происходит на фоне все более развивающейся генетической тяги народа российского к коллективистским основам, соборности, а не конкуренции. Народ желает твердого порядка, стабильности и уверенности в завтрашнем дне, хотя бы какой-то порядочности и нравственности в нашем изуродованном информационном пространстве.

Таким образом, проблема выбора пути социально-экономического развития на основе хорошо отработанного базиса остается актуальной и после 17 лет реформ, если за их начало брать приход к власти в СССР М. Горбачева. Отсутствие такого базиса можно объяснить не столько низким уровнем образованности нашего высшего политического руководства, не понимающего важность этой задачи, сколько отсутствием политической воли к сохранению страны как единого и мощного государства. В то же время это положение весьма выгодно западным элитарным клубам, учреждениям, банкам и корпорациям, которые в условиях отсутствия реальной государственности в России овла-

девают ее национальными богатствами чисто рыночными методами – за пустые бумажки они скупают нашу промышленность, природные ресурсы и интеллектуальный потенциал.

Безопасность государства, в первую очередь, экономическая, никак не обеспечивается. В данном случае под отсутствием государственности мы понимаем отсутствие элементарной экономической безопасности страны, ведь она находится во власти наших кредиторов. Ввиду этого нет заботы государства российского об интересах нации, коренных чаяниях народа, о своем будущем. Государство, по существу, перестало представлять его интересы не только внутри самой страны, но и на международной арене.

4.3. Сценарии развития событий в России

Мы вновь повторяем, что до сих пор народ, по теории являющийся в рамках демократического режима источником власти, так и не знает ни цели реформ, ни сроков их проведения и завершения, ни их содержания. За годы реформ, в период с 1990 по 1999 годы ВВП России сократился более чем наполовину. Для сравнения укажем, что за период Первой мировой войны он сократился на четверть, за годы Гражданской войны – на 23%, за годы Великой Отечественной войны – на 21% [106]. Цифры и факты свидетельствуют – реформы нанесли России значительно больший урон, нежели любая из кровопролитных войн XX века.

Мы уже говорили, что на фоне этой грозной статистики правительство рапортует своему народу об «экономическом росте», повышении уровня жизни граждан и других своих успехах. Не дождалась эксперты адекватных оценок и в послании Президента Федеральному собранию в 2002 году. Можно считать, что этого послания не было вовсе, настолько безликим и аморфным оно нам представилось. Может быть, форма этого послания выглядела таковой из-за каких-то тактических соображений, однако, мы должны оценить ситуацию достоверно.

Что же нас может ждать на самом деле? Разные исследователи рассматривают варианты мирового и национального развития в наступившем веке. Одни из них касаются глобальных

проблем, другие ограничиваются разрешением внутренних задач страны, в той или иной степени привязываясь к международной обстановке. Мы сделаем попытку обобщения этих взглядов и оценок с целью найти наиболее рациональное решение на их основе, а также используя ранее изложенный в этой книге материал.

Одним из первых в спектре заслуживающих внимания исследований следует признать статью Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории» [107]. В этой статье утверждается триумф западной идеи, поскольку «у либерализма не осталось жизнеспособных альтернатив». По мнению Фукуямы, наблюдаемые нами процессы связаны не только с окончанием «холодной войны» или с очередным периодом послевоенной истории. Автору происходящее напоминает конец истории в принципе.

В уходящем столетии либерализму были брошены два главных вызова – фашизм и коммунизм. Согласно первому, политическая слабость Запада, его материализм, моральное разложение, утрата единства суть фундаментальные противоречия либеральных обществ. Разрешить эти противоречия могли бы только сильное государство и «новый человек», опирающиеся на идею национальной исключительности. Как жизнеспособная идеология фашизм был сокрушен Второй мировой войной. Это, конечно, было весьма материальное поражение, но оно оказалось также и поражением идеи. Фашизм был сокрушен не моральным отвращением, ибо многие относились к нему с одобрением, пока видели в нем веяние будущего, а сама идея потерпела неудачу. Под руинами рейхсканцелярии, как и под атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму и Нагасаки, эта идеология погибла не только материально, но и на уровне сознания; и все протофашистские движения, порожденные германским и японским примером, такие как перонизм в Аргентине или Индийская национальная армия Сабхаса Чандры Боса, после войны зачахли.

Гораздо более серьезным был идеологический вызов, брошенный либерализму второй великой альтернативой, коммунизмом. Маркс утверждал, что либеральному обществу присуще фундаментальное неразрешимое противоречие – противоречие между трудом и капиталом. Впоследствии оно служило главным обвинением против либерализма. Разумеется, классовый вопрос успешно решен Западом. Современный американский эгалита-

ризм и представляет собой то бесклассовое общество, которое провидел Маркс. Это не означает, что в Соединенных Штатах нет богатых и бедных или что разрыв между ними в последние годы не увеличился. Однако корни экономического неравенства – не в правовой и социальной структуре нашего общества, которое остается фундаментально эгалитарным и умеренно перераспределительным. Дело скорее в культурных и социальных характеристиках составляющих его групп, доставшихся по наследству от прошлого. Негритянская проблема в Соединенных Штатах – продукт не либерализма, но рабства, сохранявшегося еще долгое время после того, как было формально отменено.

Сила либеральной идеи не была бы столь впечатляющей, не затронула она величайшую и старейшую в Азии культуру – Китай. Само существование коммунистического Китая создавало альтернативный полюс идеологического притяжения и в качестве такового представляло угрозу для либерализма. Но за последние пятнадцать лет марксизм-ленинизм как экономическая система был практически полностью дискредитирован. Начиная со знаменитого Третьего пленума Центрального Комитета в 1978 г., китайская компартия принялась за деколлективизацию сельского хозяйства, охватившую 800 миллионов китайцев. Роль государства в сельском хозяйстве была сведена к сбору налогов, резко увеличено производство предметов потребления, с той целью, чтобы привить крестьянам вкус к общечеловеческому государству и тем самым стимулировать их труд. В результате реформы всего за пять лет производство зерна было удвоено. Одновременно у Дэн Сяопина появилась солидная политическая база, позволившая распространить реформу на другие сферы экономики. А, кроме того, никакой экономической статистике не отразить динамизма, инициативы и открытости, которые проявил Китай, когда началась реформа.

Однако, при всей важности происходящего в Китае, именно события в Советском Союзе – «родине мирового пролетариата» – забивают последний гвоздь в крышку гроба с марксизмом-ленинизмом. События, происходившие с Советским Союзом нам известны, поэтому этот абзац мы закончим такими словами автора: «Те, кто считает, что будущее за социализмом, слишком стары или слишком маргинальны для реального политического сознания своих обществ».

Что означает конец истории для сферы международных

отношений? Ясно, что большая часть третьего мира будет оставаться на задворках истории и в течение многих лет служить ареной конфликта. Советский Союз находится на распутье: либо он вступит на дорогу, которую сорок пять лет назад избрала Западная Европа и по которой последовало большинство азиатских стран, либо, уверенный в собственной уникальности, застрянет на месте. Сделанный выбор будет иметь для нас огромное значение, ведь, если учесть территорию и военную мощь Союза, он по-прежнему будет поглощать наше внимание, мешая осознанию того, что мы находимся уже по ту сторону истории.

Это ни в коем случае не означает, что международные конфликты вообще исчезнут. Ибо и в это время мир будет разделен на две части: одна будет принадлежать истории, другая – постистории. Конфликт между государствами, принадлежащими постистории, и государствами, принадлежащими вышеупомянутым частям мира, будет по-прежнему возможен. Сохранится высокий и даже все возрастающий уровень насилия на этнической и националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпают себя и в постисторическом мире. Палестинцы и курды, сикхи и тамилы, ирландские католики и валлийцы, армяне и азербайджанцы будут копить и лелеять свои обиды. Из этого следует, что на повестке дня останутся и терроризм, и национально-освободительные войны. Однако для серьезного конфликта нужны крупные государства, все еще находящиеся *в рамках историзма*, а они-то как раз и уходят с исторической сцены.

Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, – вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изошренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Автор ощущает в самом себе и замечает в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала. Какое-то время эта ностальгия все еще будет питать соперничество и конфликт. Признавая неизбежность постисторического мира, автор испытывает самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта пер-

спектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?

Это был взгляд западного интеллекта, хотя и с восточными этническими корнями. Из него следует, что Запад одержал окончательную победу над всем остальным миром, и ему осталось лишь оформить эту победу юридически. В этом сценарии нет России, как нет и любого другого, пока еще великого государства. Они обречены стать обеспечивающими придатками Запада. В этом взгляде нет никаких альтернатив. Однако в статье явно прослеживается и безысходность, тупик в цивилизационном развитии. Запад выполнил свою историческую миссию, но он не может смириться с положением умирающего суперэтноса. Именно поэтому западные страны и, в первую очередь, США проводят молниеносные реформы, применяя технологию «Захвата в клещи» в аспекте «борьбы с международным терроризмом». Только теперь эта технология применяется в мировом масштабе и касается практически всех стран, обладающих какими бы то ни было ресурсами. Разумеется, в числе таких стран и Россия. Следует ожидать, что Запад не ограничится темой международного терроризма и постепенно раскроет «Клещи» шире, введя в эту технологию международный экстремизм, проблему движения «антиглобалистов» и т.д. Именно поэтому мы считаем, по крайней мере, непонятной ту часть послания Президента России, в которой он заявляет о необходимости продвижения по пути реформ мелкими и осторожными шагами.

Другой исследователь, А.Г. Дугин, труды которого мы уже цитировали, подходит к проблеме будущего мироустройства с позиций геополитики и реальной исторической и политико-экономической ситуации в мире. В одном из таких трудов [108] приведены основные тенденции в мировых процессах на ближайшее будущее.

По мнению авторского коллектива, возглавляемого Александром Дугиным, геополитическая картина на рубеже тысячелетий является для России довольно удручающей и не предвещает ничего хорошего. Противостояние Восточного блока, «цивилизации суши», странам Западного блока, «цивилизацией моря», окончилось поражением и дезинтеграцией первого, а с ним и супердержавы СССР. Победу одержал атлантизм, «цивилизация моря».

Согласно геополитической логике, архитектура планетар-

ной реальности, «новый мировой порядок» будет строиться на принципах, диктуемых Западом, США. По мнению стратегов атлантизма, будущий век станет «американским веком». Основное содержание стратегических проектов заключается в том, чтобы закрепить за США роль единоличного мирового арбитра, исключить даже возможность появления цивилизационной альтернативы однополярному миру. В таком контексте Россия заведомо исключается из будущего.

Следующим после атлантизма проектом является мондиализм, основная суть которого нами описана выше. Процесс мондиализации будет не нейтральным и не спонтанным. Он будет спонсироваться, курироваться и организовываться единственной супердержавой – США. Единый набор основных либерально-демократических ценностей будет распространен на весь остальной мир, частично адаптируясь к локальным условиям в различных регионах мира.

Таким видится авторам исследования мир в случае безусловной победы западной цивилизации над всем остальным миром. Этот исход представляется неприемлемым, и авторы предлагают собственную альтернативу тенденции «всемирной вестернизации» и мондиализации. Суть этой альтернативы сводится к следующим положениям.

Русская цивилизация представляет собой уникальный синтез мировоззренческих систем Европы и идеологий Востока. На этой основе Россия способна выдвинуть собственную глобальную альтернативу, в которой должны участвовать все мировые цивилизации.

Долгосрочный стратегический Русский проект можно назвать Евразийским проектом, поскольку Евразийская идея объединяет специфику самобытной русской цивилизации и большой проект творческого утверждения целого веера цивилизационных тенденций народов Евразии, шире – всего мира.

Эта стратегия должна исходить из верности историческим константам национального пути, отстаивания исторической уникальности России, с одной стороны, и эффективного участия в динамике новой мировой реальности, с другой стороны.

На геополитическом уровне утверждается евразийская цивилизация как глобальная альтернатива атлантизму. Осуществляется переход к двухполюсной системе стратегического баланса, которая должна стать отправной точкой для движения к много-

полярному миру. С этой целью России следует создать евразийский стратегический блок с гибким дифференцированным мировоззрением и многоуровневым членством. В таком контексте Россия является «географической осью истории», ядром Евразии.

Минимальный масштаб евразийской интеграции, или ее первый этап, может заключаться в стратегическом воссоединении стран СНГ в общую стратегическую конструкцию, объединенную общностью геополитических интересов и собственных исторических судеб.

Следующим этапом Евразийского проекта должно стать формирование единого стратегического союза с евразийскими государствами, заинтересованными в создании альтернативы господству США и атлантизма. Такими странами могут стать государства Ближнего востока и Северной Африки, Иран, Индия, Китай, некоторые дальневосточные страны, входящие в Тихоокеанскую зону.

Из этой широко дифференцированной плюральной картины и будет создаваться многополярная реальность на базе общего Евразийского пути.

Для России на таком пути наиболее приемлемой формой государственного правления, по мнению авторов, является демократия, причем, она рассматривается как альтернатива либерализму. Вводится понятие «органической демократии», «более свойственной евразийским сообществам». Такая демократия ставит акцент на народе как на целостном историческом сообществе, объединенном общей географией, историей, культурой и судьбой. Органическая, или «качественная», демократия, которую должна воспринять Россия, исходит из принципа суверенности народа, подчиняющего себе все остальные политические аспекты. Народ должен соучаствовать в своей судьбе, но управление стратегическим потенциалом страны должно быть сосредоточено в руках небольшой группы или отдельного лица (президента, монарха, Высшего Совета и т.п.)

Органическая демократия предполагает широкую и гибкую систему автономного самоуправления, соотношенную с культурными, религиозными и профессиональными традициями конкретных коллективов. В некотором смысле такая схема является аналогом советов с использованием принципов прямой демократии. Система политической координации между уровнями вла-

сти и плюральными группами должна осуществляться органами исполнительной власти. Эти органы призваны осуществлять координацию волеизъявления общин со стратегической линией центрального руководства.

Таков, в общем виде, «Третий путь», сочетающий умеренно социалистические элементы в экономике и консервативные государственнические традиционалистические тенденции в политике. Он отличается от социализма марксистского толка и от правых диктаторских режимов с рыночной экономикой и всевластием финансовых олигархий. Авторский коллектив предлагает нам Евразийский проект в противовес западной мировой экспансии, а также «органическую демократию» в качестве формы государственного правления.

Геополитический подход, представленный в рассмотренной нами работе, заслуживает внимания в силу того, что он направлен на сохранение территориальной целостности нашего государства, обеспечение его суверенитета, промышленное и социальное развитие, отстаивание интересов России на международной арене. Справедливо отмечено, что многие современные российские, да и приглашенные с Запада эксперты, пытаются осмыслить самобытный российский путь в рамках западного категориального аппарата. Это неконструктивно и малополезно.

Этот подход ценен также тем, что он выдвигает альтернативу «концу истории» в ее западном толковании. Однако мы не можем оставить без внимания некоторые аспекты, являющиеся, по нашему мнению, достаточно спорными.

Во-первых, курс на создание нового стратегического блока в противовес западному ведет к очередному витку цивилизационного противостояния, возврату к временам «холодной войны», лавинообразному нарастанию провокаций по развязыванию локальных войн и конфликтов внутри создаваемого евразийского блока. При этом новое противостояние будет уже на более высоком уровне.

Во-вторых, вряд ли вообще возможно создание какого-либо антизападного блока – слишком силен сейчас Запад. Времена примерного стратегического баланса отошли в историю. При этом в настоящее время Запад, в первую очередь, США овладели международными технологиями эффективного подавления непокорных режимов с использованием как вооруженных сил,

так и финансово-экономических, а также политических рычагов. Вряд ли они будут безучастно взирать на наши попытки создать какой-либо блок, тем более угрожающий их национальным и коалиционным интересам.

Кроме того, внутри самого гипотетического евразийского блока уже сейчас имеются трудноразрешимые, а подчас и неразрешимые противоречия. Поэтому подобный блок, даже, если и допустить возможность его создания, будет заведомо слабее западной коалиции во всех отношениях, начиная с организационного и заканчивая идеологическим, аспектами.

По поводу внедрения демократий, якобы «свойственных евразийским странам», мы можем сослаться на Введение к этой книге, где уже показано, что никакая демократия не свойственна, например, странам арабского мира или Китаю. Этого вполне достаточно для того, чтобы утверждать об отсутствии идеологического базиса подобного евразийского блока. К тому же уровни экономического и технологического развития стран предполагаемого блока будут существенно различаться между собой, в то время как западный блок примерно однороден (и чрезвычайно высок по сравнению с нами) в этом отношении.

Что касается «органической демократии», то мы не нашли такой теории. Из того, что изложено в [108] мы уяснили, что в ней недопустимо смешаны элементы социалистической демократии (советы), являющиеся в чистом виде представительной ее формой, с прямой демократией, предполагающей непосредственное участие народа в политическом процессе.

Кроме того, сосредоточение стратегических ресурсов страны в руках одного лица или определенной группы лиц, хотя и ратующих за государственность, ведет к очевидной деградации – об этом свидетельствует вся предыдущая история человечества. Кстати, уже теперь эти ресурсы сосредоточены в руках малочисленной группы. Передача этих ресурсов в другие руки не даст ничего хорошего.

Мы также видим опасность в предлагаемой идее отказа от национального государства и переходе к «этно-культурному, региональному плюрализму». Такая опасность состоит в том, что отказ от национального единства является аксиоматической предпосылкой к дезинтеграции любого государства.

Следует также отметить ряд допущенных неточностей в этом труде. В разделе о русской демократии мы уже показали, что

в Древней Руси существовал не монархический, как считают авторы, а истинно демократический строй, самобытный и эффективный.

Не до конца осознанным нам представляется и тезис о «традиционном отрицании русскими собственного государства». Мы склонны полагать, что речь идет о неприятии русским народом любого насилия над собственной внутренней свободой, в том числе, со стороны государства, пусть даже и своего. Русский человек искони покоряется лишь воле своего Творца, именно поэтому религиозность всегда служила фактором единства и стабильности русской нации, объединяла вокруг нее другие народы.

Авторы утверждают, что русское государство организовывалось вокруг военных княжеских дружин, и именно поэтому военный аспект являлся стержневым в истории российской государственности. Однако это неверно. Княжеские дружины, насчитывавшие от нескольких сотен до двух-трех тысяч воинов, не могли служить государственно-образующим фактором. Во-первых, основными были социально-географические факторы. А высокая культура и нравственность древних руссов выглядели настолько привлекательными в тогдашнем мире, что многие племена и народности добровольно ассимилировались в эту самобытную культуру. Во-вторых, общинные дружины значительно превосходили княжеские во всех отношениях, кроме, пожалуй, амуниции.

Русское государство созидалось не за счет военной насильственной экспансии. Военные действия всегда носили ответный характер и были в конечном итоге победоносными. Именно сюда следует отнести тезис авторов об ответном характере нашей национальной особенности, а не к промышленным рывкам, как предлагают считать авторы [108]. В этой связи стоит отметить, что русская земля всегда славилась талантами и изобретателями. Однако, когда творческий процесс завершается и начинается процесс извлечения прибыли из изобретения, русскому человеку становится скучно. Он ищет новые пути самореализации. Именно в этом одно из фундаментальных различий между прагматическим западным и творческим русским менталитетами.

Однако основное наше возражение предлагаемому евразийскому проекту состоит в том, что мы не приемлем противостояния суперэтносам на современном этапе развития челове-

ства. Подобно тому, как если бы внутри суперэтноса поощрялись бы противоречия и противостояние между образующими его народами, что было бы губительным для этого суперэтноса, так и в масштабе человечества противостояние суперэтносов рано или поздно приведет к гибели всего человечества. На современном уровне научно-технического и технологического развития такое противостояние недопустимо. Нужен поиск новых путей, но не противостояния, а консолидации.

Наиболее целесообразным мы считаем сотрудничество с Западом там, где это выгодно обеим сторонам. Такую же позицию следует занимать и по отношению к странам Третьего мира. В результате такого подхода в недалеком будущем может быть создана сложная и многоуровневая финансово-экономическая, политическая и стратегическая конструкция. Она будет достаточно прочной и устойчивой, поскольку построена не на противостоянии, а на объединении на основе общего для сторон интереса. При этом высшим мастерством при создании такой конструкции следует считать использование энергии конкуренции разных сторон в свою пользу, что еще больше укрепит создаваемые связи.

Мы не можем обойти вниманием еще одно весьма важное и интересное исследование, проведенное Сергеем Валянским и Дмитрием Калюжным в их книге «Понять Россию умом» [106]. Здесь также представлены сценарии возможного развития событий для нашей страны. Эти сценарии достаточно обоснованы и полезны для любого здравомыслящего политика, исследователя или простого гражданина, которого заботят судьбы своих потомков.

Авторы справедливо замечают, что в народе, да и в среде элиты бытует мнение, что и на сей раз, как и в прошлые века, Россия опять выйдет победителем из системного кризиса, в котором она оказалась. Расчеты показывают, что это отнюдь не факт. Вполне возможно, что на этот раз Россия не выкарабкается.

Множество возможных сценариев развития событий могут быть сведены к трем базовым вариантам, в рамках каждого из которых могут быть подварианты. Таких сценариев авторы выделяют три: первый – «путь продолжения реформ», второй – «куда кривая выведет» и третий – «мобилизационный».

Кратко изложим сценарий «продолжения реформ». В этом сценарии в наибольшей степени заинтересована элита, однако авторы, как и многие другие исследователи, мудро указывают этой элите, что на Западе никто ее не ждет, там есть своя элита.

Основной тезис реформ, подразумевающий экономическую свободу, означает уход государства из сферы экономики и открытие экономических границ (это подтверждается и устойчивым намерением нашего правительства вступить в ВТО). Поскольку богатый Запад дотирует свои сельскохозяйственное и высокотехнологичные производства, то за счет дешевого импорта уничтожается любое производство внутри России. Внутренние цены на энергоносители растут, и это ведет к тому, что многим станет не по карману платить за комфортное жилье, и их ждут бараки или могилы.

В скором будущем придется забыть об экспорте стали, удобрений и алюминия, поскольку цены на энергию увеличат издержки их производства до нерентабельных значений. Продавать Россия сможет лишь лес, нефть и газ. И даже производить бензин будет невыгодно. Можно будет еще продавать землю для организации мировых свалок всякого рода отходов, для чего в настоящее время принимается закон о земле. Добыча нефти и газа продлится до тех пор, пока будут работать уже работающие месторождения. Внешние долги настолько велики, что можно предположить продажу месторождений на внешнем рынке либо передачу их нашим кредиторам. Что касается торговли лесом, то рост тарифов на транспортные перевозки погубит и этот бизнес.

Государственные доходы неуклонно падают, поэтому оно вскоре станет неспособным сохранить свою территориальную целостность. Дальнему Востоку станет выгодней общаться с Японией и Китаем, чем с Центральной Россией. Сибирь найдет контрагентов в Китае, Чукотка – на Аляске, юг России – в Турции, Калининградская область – в Польше и Германии, Карелия в Финляндии и т.д.

Медицины не станет не только бесплатной, но и платной. Многие будут жить натуральным хозяйством в труднодоступных районах страны до тех пор, пока места их обитания для чего-нибудь не понадобятся. Уменьшение производства, рост безработицы, дороговизна продовольствия ускорят вымирание народа. А чтобы он делал это «по-тихому», не беспокоя западные гуманитарные организации, по примеру Латинской Америки из надежных силовиков создадут «эскадроны смерти».

Что касается «экономического здоровья» страны, то согласно официальной статистике темп падения ВВП за 1992-1996 годы

составил 38,6%, т.е. в среднем 9,3% в год. И это при том, что ни разу «реформаторам» не удалось реализовать свои реформы полностью. Как только это им удастся, темпы падения увеличатся в силу того, что все, что должно погибнуть, погибает в первые годы. Дальнейшее уменьшение производства приведет к росту безработицы. Экспертные оценки дают 50% всех работоспособных граждан, но процент будет ниже за счет вымирания населения.

Трат на армию, скорее всего не будет, поскольку не будет и самой армии. Для того чтобы уничтожение армии не встретило сопротивления изнутри, для высших чинов устроят раздачу всевозможных благ и привилегий, а также закроют глаза на нецелевое использование средств. Армия превратится в голодную ораву, не вылезаящую из перманентного ЧП, пока возмущенная западная общественность не потребует вмешаться в ситуацию. В результате в страну будут введены миротворчески силы, а основные командные должности займут иностранцы. При этом коренное русское население одобрит эти меры, поскольку никому не будет охота отдавать своих детей в такую армию.

Итак, в ходе реформ происходит постепенный «сброс» жизненного уровня. Люди приспосабливаются к новым, ухудшившимся условиям, а потом происходит новый сброс. Происходит вымирание населения с темпом примерно один миллион человек в год. Считается, что при таком темпе оно сократится наполовину в течение пятидесяти лет. Однако, по мнению авторов, зима 2000/2001 года показала, что у нас не осталось запаса времени. Довольно скоро произойдет окончательный сброс жизненного уровня.

Система жизнеобеспечения в России требует централизации и дисциплины, а также иных, чем в других странах, принципов распределения финансовых и др. ресурсов. Эта система складывалась веками, а в последние сто лет приспособлялась к техническому прогрессу. За десять лет реформ эту систему разрушили. Но «вдруг» оказалось, что частные лица не могут обеспечить поддержание энергосистем, строительство жилья и его содержание за свой счет. Западные модели оказались в этой области невыносимыми для народа.

С другой стороны, либералы, получив эти системы в руки, не позаботились об их развитии. Поэтому о техногенной катастрофе в 2003-2005 годах говорят как о неизбежном. Именно в этот период начнутся массовые отказы выработавшего ресурсы обо-

рудования. К тому времени кончатся и уголь, и мазут и неоткуда будет их привезти.

Без электроэнергии не будет продовольствия, остановится транспорт, не будет тепла, перестанут работать лифты, водопровод и канализация. На грани такой ситуации в январе 2000 года было около тридцати регионов России. Однажды весной обнаружится, что на поверхности земли лежит двадцать миллионов покойников, после чего начнется массовый мор: чума, холера и пр.

Россия вступит в НАТО, правительство подпишет договора о совместном использовании военных объектов, а на перекрестках московских улиц появятся американские полевые кухни. Поскольку отрабатывать кредиты станет нечем, будет сформировано «ликвидационное правительство», которое займется описанием имущества страны и приемом претензий кредиторов. Нас будут делить «технически», отсекая конкурентов от стратегических объектов.

Это был первый вариант, путь продолжения реформ, по которому нас ведет политическая и бизнес элита. Вторым вариантом, который авторы называли «куда кривая выведет», связан с торможением реформ. Сопротивление реформам происходит на различных социальных уровнях. Как правило, такое сопротивление неосознанно. Например, реформаторы пытаются уничтожить то, или иное производство. Создают кризис неплатежей. Работники не получают зарплату. Но продолжают работать и без зарплаты! Тихо саботируют курс реформ и в системе исполнительной власти, особенно на местах.

Любая деятельность различных социальных, государственных, научных и хозяйственных институтов, направленная не на разрушение, а на созидание, объективно тормозит курс «реформ» и отдаляет катастрофу. Однако этот вариант также опасен, в первую очередь тем, что скатывание вниз происходит рывками. Скатившись на несколько пунктов вниз, народ привыкает к новым, худшим условиям, и считает, что это временно, наступят лучшие времена. Затем происходит новый «сброс», но люди, по привычке продолжают считать, что ничего страшного не происходит, привыкая и к этому новому худшему уровню.

Продление агонии порождает дополнительные трудности с бюджетом: в течение длительного срока нельзя будет уменьшить расходы на государственное управление, поскольку придется

дольше удерживать единство страны. На местах начнут развиваться тенденции к сепаратизму, так как центральная власть будет слабеть. Ужесточение же «вертикали власти» увеличит расходы на госаппарат. Это, в свою очередь, повлечет снижение социальных расходов, затрат на содержание армии и т.д. Для большей доходчивости авторы приводят пример о том, что сейчас больные поступают в больницу со своими лекарствами, постельным бельем и принадлежностями. Однако в скором будущем не станет и самих больниц, поскольку не будет средств даже на ее покраску, не говоря уже об оплате счетов за электроэнергию и тепло.

Другой прогноз – о пенсиях – уже сбылся, несмотря на то, что со времени выхода книги [106] прошло всего чуть больше года. Авторы предположили, что государство может отказаться от пенсионного обеспечения граждан, предложив им самим копить на старость. Это уже частично реализовано в новом пенсионном законе. От себя можем добавить, что за деньги Пенсионного фонда развернулась незримая борьба, поэтому вполне здраво предположить, что и «накопления» вскоре исчезнут с безымянными «хранителями» этих накоплений.

Другой сбывшийся уже прогноз касался трудностей с общественным транспортом, отмены льгот и дороговизны «частных извозчиков». Только за половину текущего 2002 года цены на «маршрутки» в Санкт-Петербурге выросли не менее чем на 50 процентов. При этом воспользоваться муниципальным транспортом может лишь физически крепкий человек, обладающий к тому же завидным терпением, настолько редко этот транспорт «радует глаз».

Замедление падения можно достичь также снижением курса рубля (и это тоже по прогнозам и заявлениям ответственных лиц планируется сделать) с целью поощрения экспортеров природных ресурсов. Хотя, в полной мере удовлетворить экспортеров затруднительно из-за действий сил, которые наживаются на импорте.

Сценарий «куда кривая выведет» по мнению авторов, чрезвычайно неустойчив. В том случае, если в борьбе за передел собственности победит клан «реформаторов», то страна перейдет в режим первого сценария. Однако вполне вероятно, что Запад начнет давить на этих реформаторов в силу собственных финансовых проблем, вытесняя деньги отечественных нуворишей со

своих рынков. Тогда, возможно, часть денег вернется в отечественную экономику и возникнет вероятность перехода к «мобилизационному» варианту.

Такой сценарий в любом случае начинается с мобилизации народа на восстановление экономики. А это предполагает взятие под контроль государства наиболее важных отраслей промышленности, средств массовой информации, банков, связи, транспорта, внешней торговли. Саботаж со стороны ущемленных собственников должен быть решительно подавлен. Государство обязано восстановить монополию на спиртные напитки, табак, национализировать добычу природных ресурсов, энергетику. У России до сих пор есть возможность спасти свою экономику в силу того, что она опережает по совокупному природному потенциалу любую другую страну мира: США – в 2-3 раза, Германию – в 5-6 раз, Японию – в 18-20 раз.

Этот сценарий невозможен без восстановления боеспособности Вооруженных Сил и сохранения стратегического ядерного оружия. При этом надо иметь в виду, что наступательное оружие дешевле оборонительного. От себя добавим, что угроза получить ответный удар сдерживает гораздо лучше, чем вероятность планируемых потерь в случае агрессии. Авторы справедливо замечают, что потребности армии должны удовлетворяться в безусловном порядке и зависеть не от состояния экономики, а от внешнеполитической обстановки. К моменту, когда мы пишем эту книгу, речь идет всего лишь о повышении денежного довольствия военнослужащих. Однако зачем нужны военнослужащие без вооружения и современной техники? А на эти цели нужны средства, на два-три порядка превышающие содержание военнослужащих.

В «мобилизационном» варианте экономика России, в целом, сможет удовлетворять потребности страны. При этом следует заботиться не о росте экономики, а о ее развитии, т.е. качественном изменении. Идея поиска «золотого ключика» в форме единого решения всех проблем является методологической ошибкой. Более плодотворным может быть поиск спектра решений, каждое из которых затрагивает часть проблем, а все вместе они и составляют полное разрешение проблемы выхода страны из системного кризиса.

И обратное утверждение – каждая проблема не может решаться по отдельности. Их решение всегда следует увязывать с

наиболее общей проблемой. Этот системный подход авторов нам представляется очень важным и единственно верным.

В дальнейшем авторы указывают важнейшие, по их мнению, направления прорыва, и мы отсылаем читателя к первоисточнику. Поскольку основным источником кризиса России может послужить состояние ее энергетики, мы обязаны остановиться подробнее на этой важнейшей сфере государственной инфраструктуры. Читателю, очевидно, известно, что в настоящее время полным ходом идет подготовка к реструктуризации РАО «ЕЭС России». За комментариями по поводу этой фундаментальной реформы мы обратились к академику Международной энергетической академии и инженерной академии В.Н. Цареву. Оказалось, что по поводу этой реформы академик обращался с письмом к президенту России, основное содержание которого мы и приводим ниже.

Программа реструктуризации РАО «ЕЭС России» порочна ввиду следующих положений. Во-первых, в базовой высокотехнологичной отрасли основным мотивом всех преобразований предусмотрен коммерческий аспект, который позволит частным акционерам зарабатывать деньги на продаже электроэнергии. В этой связи предусматривается, по крайней мере на первом этапе, создание мелких компаний, которые должны будут конкурировать между собой.

Во-вторых, говорится об инвестиционной привлекательности энергетической отрасли, однако умалчивается о следующих цифрах и фактах:

- расчетный ресурс эксплуатации исчерпали три четверти энергоблоков, мощностью 150-200 МВт, 94% энергоблоков, мощностью 250-300 МВт, 41% энергоблоков 400-1200 МВт, 84,6% котлов теплоэлектростанций с давлением пара 14 МПа и 98,7% котлов с давлением пара 10 МПа;

- основной парк оборудования имеет наработку в 2-3 раза превышающую расчетный ресурс;

- по данным Госгортехнадзора России за 2000 год все технологические программы РАО «ЕЭС России» провалены полностью;

- приказом № 13 от 26.01.2001 г. под самостоятельное производство выделяются тепловые электростанции, гидростанции и несоединяемые в условиях мегаполиса кабельные и высоковольтные сети, что прямо ведет к снижению ответственности долж-

ностных лиц и провоцирует техногенные аварии в сфере энергетики;

– несогласие с безграмотными решениями руководства РАО «ЕЭС России» и, например, «Ленэнерго», ведет к отстранению от должностей, как было сделано с директорами Киришской ГРЭС и Первомайской ТЭЦ в Ленинградской области (приказ №7 от 19.01.2001г.);

– на ответственные должности, требующие глубоких специальных знаний в энергетике, назначаются люди, не имеющие опыта работы не только на руководящих постах, но и в энергетике вообще, зато обученные в области пиар-технологий.

Академик В.Н. Царев предложил президенту России пути выхода из опасной ситуации. Они охватывают организационный, экономический и технологический уровни.

На организационном уровне все находящиеся на территории региона системообразующие сети должны принадлежать и эксплуатироваться региональными энергетическими компаниями. Изъятые у них ЛЭП должны быть немедленно возвращены этим компаниям. Все энергоисточники на территории регионов должны технически управляться региональными энергокомпаниями, независимо от ведомственной принадлежности. Электростанции, отчужденные от энергосистем РАО должны быть возвращены и эксплуатироваться энергосистемами.

В экономическом аспекте важно соблюдение следующих основных положений:

– Вся экономическая и коммерческая деятельность должна осуществляться энергетическими компаниями без директивных указаний ФОРЭМ. Межсистемные перетоки между энергосистемами могут осуществляться по прямым договорам.

– Все потребители региона управляются и обслуживаются региональными энергетическими компаниями, осуществляющими сбытовые функции на договорных началах.

– Тарифы могут пересматриваться в соответствии с изменением цен на топливо и инфляцией на основании местного законодательства регионов при непосредственном государственном влиянии и контроле, осуществляющем анализ себестоимости электро- и теплоэнергии.

– Региональный рынок прямых поставок, оптовых продаж, регулируемых мощностей формируется внешней средой и контр-

ролируется федеральным инспектором от Полпреда Президента РФ в Федеральном округе.

РАО «ЕЭС России» обеспечивает избыточные и дефицитные перетоки через ЦДУ ЕЭС в границах России по правилам межрегионального коммерческого рынка и осуществляет методический контроль технологических функций холдинга.

Таким образом, процесс формирования энергетического рынка будет носить вертикальный ступенчатый характер. Он будет контролироваться органами власти различных уровней, а сама энергосистема страны будет управляемой и способной к программному развитию в соответствии с потребностями государства. Региональная оценка энергобизнеса, приближенная к условиям регионов, даст адекватную оценку стоимости основных фондов энергетических компаний различных форм собственности. В этих условиях монопольная концентрация акций энергетических компаний будет затруднена, что позволит развивать истинно конкурентную среду.

Мы не будем описывать технологический уровень, поскольку он интересен, в первую очередь, для специалистов. А привели мы эти соображения академика В.Н. Царева в целях предупреждения о неизбежном кризисе, а, по оценкам авторов книги «Понять Россию умом», и техногенной катастрофе, невиданной ранее в истории человечества, – с многомиллионными человеческими жертвами, а также распадом государства.

Мы можем привести еще один вариант исследования возможных сценариев будущего России. Его приводит один из авторов этой книги в своей статье «Копье судьбы человечества» [109].

Волею провидения, а точнее, вследствие пассивности народов СССР, к власти у нас пришли такие силы, которые поддались внешнему соблазну и поставили Россию в весьма нелегкое положение с туманным будущим. Однако будущее всегда имеет варианты, которые зависят от разумной воли, в данном случае, от воли высшего политического руководства страны и людей, имеющих существенное влияние на характер принятия политических решений. В этой связи в ближайшем будущем доступны следующие варианты развития политических событий в России.

Первый вариант состоит в том, что Россия окажется в результате «демократических реформ» под жестким управлением Запада. Такой вариант предусматривает фигуру нынешнего Пре-

зидента России В.В. Путина как переходную, но здесь дерево судьбы страны раздваивается, опять-таки, на два исхода.

Один из них предусматривает приход к власти прозападного лобби в лице наших либералов. В этом случае России, как великой державе, обеспечен молниеносный конец. Ее территория будет быстро поделена между развитыми странами в угоду транснациональным корпорациям. Само же «правое дело» от своей миссии не получит ничего, кроме разбирательств дел об отмывании «грязных денег» и длительных тюремных сроков. Как минимум, для второстепенных лидеров может быть предусмотрено изгнание из политики под предлогом запятнанной репутации. Это закономерно, поскольку после достижения целей опытные и закаленные в ходе борьбы за место под «солнцем демократии» политики станут ненужными. Пригодятся исполнители, весьма далекие от политических баталий и весьма недалекие в умственном развитии. Главное – они должны быть послушными, работоспособными и неприхотливыми.

Другой вариант этой ветви состоит в том, что волею случая или спонтанного развития событий к власти придут национально-патриотические силы, скорее всего – хунта. В этом случае Россию ждет «железный занавес», в том числе, со стороны союзников по СНГ. Вокруг территории России расположатся военные базы НАТО, спецслужбы инспирируют новых «бен-ладенов», а во всех регионах страны вспыхнут гражданские и локальные вооруженные конфликты, которые окончатся, по мере истощения сил в государстве, вводом «миротворческих сил» под предлогом обеспечения безопасности российских ядерных арсеналов. По сути – это тот же вариант гибели России, но только с кровавым исходом. Он также завершается разделом России между развитыми странами.

Этот же путь может предусматривать и другой вариант – развязывание Третьей мировой войны хунтой с применением ядерного оружия. Рассматривать этот вариант особых оснований нет, поскольку он достаточно хорошо проработан на моделях в разных странах и ведет к постепенному вымиранию человечества. Хотя, вряд ли Запад будет пассивно ждать такого варианта развития событий, он нанесет упреждающий удар в том или ином виде.

Теперь вернемся к начальному узлу, из которого мы пошли по пути негативного развития событий. Возможен не только не-

гативный путь, но и положительный аспект развития. Основное его содержание сводится к тому, что В.В. Путину удастся из «пешки пройти в ферзи», несмотря на все козни, которые строит ему наша славная «элита», поклоняющаяся Западу, где в банках лежат награбленные в родном Отечестве капиталы.

Здесь тоже есть варианты. Худший состоит в том, что все усилия сведутся к простой ротации этой элиты на другие персонажи, интеллект и духовность которых мало чем отличаются от нынешних хозяев жизни. В этом случае «колесо Сансары» прокрутится вновь, но уже в более жестких условиях, и мы выйдем на уже рассмотренную нами ветвь негативного пути развития. Это будет просто оттяжка агонии российского суперэтноса.

Самым труднодоступным вариантом является приход в команду нашего нынешнего Президента не только патриотов Родины, но таких людей, которые имеют глубокие знания во всех областях, которые здоровы духом и не озабочены содержимым своих карманов. Эти люди должны понимать, что их благополучие зависит от благополучия страны, читай, народа в целом. А, значит, надо поднимать экономику, т.е. национализировать нефте- и газодобычу, разработку других природных ископаемых и обращение средств за их реализацию в доход государства, а не «магнатов». Пусть будут эти магнаты, но получать они должны доходы в разумных пределах и в полном соответствии с приносимой государству пользой.

Экономика страны должна быть ограждена от так называемой «конкуренции» в лице развитых стран, которые способны просто раздавить наши предприятия в ходе такой «честной конкуренции».

Это были лишь ближайшие узлы судьбы государства российского по [109]. Более подробно с дальнейшим ходом событий по расчетам автора можно ознакомиться в первоисточнике на сайте.

Итак, мы привели наиболее вероятные варианты развития событий из различных источников и на разных уровнях. Как видим, в целом они не предвещают, в лучшем случае, ничего особенно хорошего. Но если вам попадутся источники с радужными перспективами, можно смело считать, что они «от лукавого». Об этом свидетельствуют цифры и факты. Разные авторы видят пути выхода из кризиса по-разному. Они и рассматривают действия

по этому выходу на разных уровнях и в различных областях социума и экономики. Ниже и мы постараемся дать самые общие подходы к этой проблеме.

4.4. Пути предотвращения катастрофы России

Мы изложили различные взгляды на существующее положение вещей, на пути дальнейшего развития государства российского. Ниже мы попытаемся обобщить все эти взгляды и представить собственный подход в наиболее общем виде. С этой целью мы вводим ряд аксиом и формулируем основополагающие принципы, которые могли бы лечь в основу принятия решения нашим высшим политическим руководством.

Аксиома 1: Никакие реформы в России не могут быть эффективными без их всенародного одобрения.

Аксиома 2: Никакие законы, затрагивающие коренные интересы широких масс, либо их отдельных слоев, не могут быть в России эффективными, если в необходимости и справедливости таких законов не будут уверены эти широкие массы, т.е. Русский народ, либо его отдельные слои, интересы которых затрагиваются этими законами.

Аксиома 3: Любое развитие России возможно только на основе консолидации всего народа вокруг общего интереса, Национальной идеи. Разделение народа на части и противопоставление этих частей друг другу (плюрализм) ведет не к консенсусу, а к самоуничтожению этих частей в непримиримой борьбе.

Аксиома 4: Никакие новые идеи в сфере духовной жизни, религии и верований, противопоставленные традиционной Православной культуре народов России, не будут иметь успеха, кроме как посредством физической ликвидации народа, в том числе, в результате вымирания коренного населения в силу отсутствия стремления к сохранению и продолжению своего Рода.

Аксиома 5: В информационной войне нет понятия «оборона», индивидуальное и общественное сознание формируются только посредством целенаправленного воздействия на него, поэтому пассивность в этой войне ведет к поражению и, как следствие, к вымиранию населения России.

Аксиома 6: Россия, объединяющая вокруг Русского народа многочисленные нации и народности, не есть «часть Запада» или «часть Азии», равно, как она не есть и «мостик» между ними. Россия представляет вполне самостоятельный, самодостаточный и самобытный Русский суперэтнос планетарного масштаба. Поэтому она может либо существовать в рамках этой категории, либо не существовать вовсе.

Аксиома 7: Судьба России традиционно находится в руках элиты: степень самосознания этой элиты, ее просвещенность и духовная зрелость есть важнейшие факторы сохранения целостности российского государства и судьбы народа. Однако на элите лежит историческая и Высшая ответственность за судьбу России. Поэтому, даже с точки зрения самосохранения, элита не может не учитывать интересы Русского народа в целом.

В начале XXI века в России сложились все условия для образования Гражданского общества, основанного на самобытной русской культуре. На приведенном ниже рисунке показан принцип взаимодействия элементов социума, которые участвуют в процессе формирования Гражданского общества.

Рис. 4: Схема образования Гражданского общества в России

Как видим, идет борьба, что называется, двух миров. Один из них отстаивает национальные интересы, борется за сохранение самоидентичности и собственной культуры. Второй ратует за реализацию мондиалистических планов, основанных на космополитизме.

Гражданское общество в России находится в зачаточном состоянии, поэтому оно не может оказывать существенного влияния на власть с целью заставить ее соблюдать общественные и национальные интересы. Это обусловлено, в первую очередь, тем фактом, что авангард общественных организаций, представляющих общество перед лицом власти, не опирается на Русский народ, его коренные интересы и чаяния, на его традиции, нравы и обычаи. Мы сталкиваемся с чуждыми Русскому народу понятиями и нормами, а это не может привести к образованию полноценного Гражданского общества в России.

То же можно сказать и о наших политических партиях. Ни одна из них, несмотря на громкие названия и лозунги, не представляет коренные интересы Русского народа. Это подтверждает и тот факт, что ни одна из них так и не сумела сформулировать Национальную идею, которая могла бы объединить вокруг себя весь народ, все нации и народности России, во главе с Русским народом.

Традиционно в России единственно возможным общим стержнем для всех слоев общества и социальных групп может служить Русское Православие, которое успешно справилось с этой ролью в процессе тысячелетнего собирания земель государства российского и его сохранения в устойчивом положении. Когда в начале XIV века Москва приняла от павшей Византии эстафету лидера Православного мира, площадь Московского княжества составляла 540 тысяч квадратных километров. В 1958 году СССР занимал 25 миллионов квадратных километров, и это после потери многих земель вследствие Октябрьского переворота 1917 года. Западные специалисты подсчитали, что темпы прироста площади государства российского за указанный период составляли 125 кв. км в день!

Однако в настоящее время Православие столкнулось с рядом трудноразрешимых проблем борьбы с атеизмом, сектантством, агрессивной миссионерской деятельностью католицизма и некоторых других религий, о которых ранее в России знали только религиоведы. Безусловно, от того, кто победит в этой борьбе, без преувеличения зависит судьба России – быть ей единым государством с нормальным Гражданским обществом или кануть в историю, распавшись на ряд мелких стран.

К сожалению, средства массовой информации, призванные просвещать народ, правдиво информировать его о текущих в

мире и в стране социальных, политических и экономических процессах, оказались в руках имущественных кланов и собственников. Поэтому они формируют такое общественное мнение, которое выгодно этим собственникам, а в этих условиях, когда никакой свободы слова нет, есть только ее декларация, никакое строительство Гражданского общества, государственное строительство и социально-экономическое развитие невозможно.

В центре вышеприведенной схемы находится государство. Технологичный взгляд на его схему справа и слева различен и может быть выражен следующим графическим построением [92].

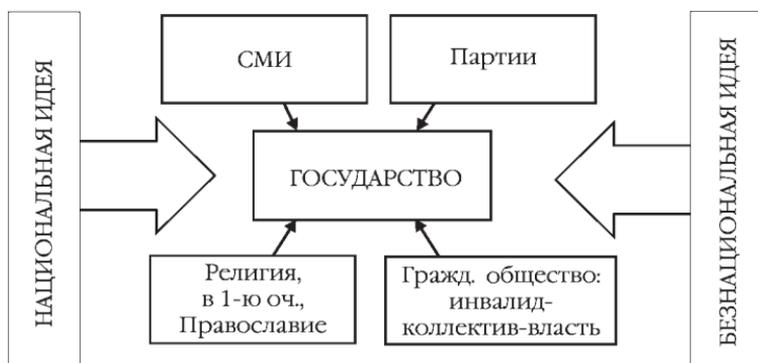

Рис. 5: Схема истинного и ложного государства

В целях восстановления русской государственности, возрождения Русского народа и всех народов, проживающих с ним в дружбе и братстве на территории России, в интересах сохранения экономики и достояния страны во главу угла следует поставить основополагающие принципы государственного строительства. Таковыми могут быть следующие:

1. Россия может сохраниться как государство лишь в том случае, если она будет государством Русской нации, объединяющей вокруг себя народы, желающие жить с ней в мире и дружбе.

2. Русская нация – это результат самоовеществленного исторического опыта восточного славянства по самоподдержанию и воспроизводству своего генофонда на протяжении двух тысяч лет в ходе строительства собственной Русской цивилизации, состоящей из семи периодов или типов.

3. Русская нация – это кровнородственное по генофонду и

по менталитету единство великороссов, украинцев и белорусов, скрепленное единым самосознанием, проявляющимся в культуре, религии, а также в военно-политическом союзе на протяжении многих веков.

4. Политическая власть в России должна принадлежать единому Русскому народу; основа власти – ответственность и запovedное служение своему народу.

5. Построение Русской государственности и Русской цивилизации происходит в соответствии с Русской Идеей и по этнокультурной цепи, когда каждый русский человек точно знает свой Род от прадеда и дальше, и нет без того дороги к светлой, державной власти, к единой, сильной и богатой России.

6. Основа Русской государственности – здоровая и счастливая семья, колыбель нравственности, хозяйственности и осознанной необходимости, т.е. свободы.

7. Основа процветания Русской государственности и цивилизации – в общинном, индивидуальном и государственном хозяйстве при всей его многоукладности, без преступных связей и при полной экологии природы и общества.

8. Основа богатства России – земля как собственность государства, находящаяся в пользовании тех, кто ее обрабатывает.

9. Основа культуры России – материальное и духовное богатство, которое создано трудами русских на протяжении двух тысяч лет; на Руси ничто не исчезает бесследно: незримая связь Матери-России вечна и могущественна, она подпитывает своих сыновей и дочерей и требует от них достойной отдачи. Непреходящи национальные ценности, имеющие приоритет над «общечеловеческими ценностями», и это касается любого народа.

10. Все основные идеи, структуры и организации государственной, общественной и культурной жизни рождаются на витках этнокультурной цепи России в процессе ее вечного поступательного развития, в том числе научные, религиозные, общественные, культурные, технические взгляды и соответствующие им производные. Это означает, что не существует абстрактных понятий «государство», «общество», «религия» и т.п., а может быть лишь «этногосударство», «этносоциум», «этноконфессия», имеющие относительную самостоятельность в своем существовании и развитии.

11. Строительство Российской цивилизации осуществляется при помощи государства как орудия этого строительства на

основе Русской Идеи. Постичь особенности этой идеи, законы исторического развития – значит, овладеть механизмом истории России, пониманием задач настоящего и предвидением будущего.

12. Россия строит свои отношения с окружающим миром на основе добрососедства, взаимопонимания, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества со всеми народами. Являясь правопреемницей Российской империи и, отчасти, СССР, свободная Россия должна и будет защищать интересы всех русских, где бы они ни жили, будет служить идеям свободы и счастья всех славянских народов.

В интересах реализации этих принципов государство обязано выполнить свою просветительскую миссию. Народ нужно учить, нести в массы истинные знания, чтобы они перестали быть зомбированной толпой. И тогда народу откроется прямой путь к единому Национальному Сознанию и Самосознанию (по Трубецкому), путь к единому государству Восточных славян, к Единой Русской (седьмой) цивилизации, к Соборной Республике, о чем люди мечтали не одну тысячу лет. И тогда к свободным народам придет Тайное Сокровенное Знание, выпестованное лучшими философами на основе единства пяти типов национального сознания.

Заключение

С незапамятных времен Русский народ, а также все нации и народности, вошедшие в состав государства российского, выбрали соборность. Эта черта является для нас не только традиционной, но и генетической. Навязывание чуждых моделей общественно-государственного правления тождественно разрушению самих основ, на которых зиждется все – от национального единства до проблемы продолжения своего Рода.

Во все века на Руси, затем в России господствовала Русская идея, основное существо которой состоит в добродетели. Эта добродетель касалась всех сфер общественной и государственной жизни и базировалась на высокой нравственности Русского народа, его духовности и глубокой религиозности, сначала на язычестве, а затем, более тысячи лет – на Христианстве, Православии. В центре всей общественной и политической жизни всегда был Русский народ, его коренные интересы и чаяния. Высочайшая культура и нравственность Русского народа послужили главными факторами объединения вокруг него многочисленных народностей и наций, влившихся добровольно в состав государства российского. Именно в этом, а не в экспансионистской политике, состоит феномен динамичного расцвета России, природы ее территорий. И сейчас, в том случае, если будет обеспечено процветание Русского народа, то автоматически будут процветать и все народы, живущие бок о бок с ним в дружбе и братстве.

На этих фундаментальных основах Русский народ, Русская нация существовали две тысячи лет. Руководствуясь этими простыми истинами, мы построили одно из наиболее могуществен-

ных государств в истории человечества. И всегда, когда власть имущие отступали от этой истины, происходили кризисы, потрясения и катастрофы, затрагивавшие всех без исключения – от простого труженика до верховного правителя и блистательной элиты.

И лишь в начале XX века с Октябрьским переворотом 1917 года из сердца народа была вырвана его совесть, его душа, Русское Православие. поголовная атеизация населения привела к утере самих основ социального бытия, в первую очередь, в среде правящей элиты. По западному образцу Русскому народу стали прививать «гуманистические» идеалы и царство бездушного Закона в рамках демократии, которые якобы способны обеспечить народу счастье и справедливость.

На самом деле законы служат интересам тех, кто их заказывает, разрабатывает и принимает. Государство из рычага общественно-политического и экономического развития превратилось в инструмент обеспечения корыстных интересов имущественных кланов и само стало субъектом рыночных отношений, все более отдаляясь от своих главных функций. И никто теперь не заботится о проживающем в России Русском народе, о продолжении русского Рода, о сохранении Природы для наших потомков. Все пущено на продажу – несметные сырьевые запасы, леса, интеллект и даже матушка-земля переходит в собственность бездушных финансовых воротил в обмен на ничтожные, ничем не обеспеченные зеленые фантики, поговору именуемые «мировой валютой». И это напоминает то, как предки нынешних янки за стеклянные бусы вывозили из Америки настоящее золото.

Многочисленные теории демократии, как мы убедились из проведенного на страницах этой книги анализа, преследуют не цели поиска наиболее справедливой формы государственного правления. Они ищут все новые способы манипуляции общественным сознанием вслед за общим его развитием. Между тем, Западная цивилизация пришла к тупику в своем развитии. Еще сильна технологическая база, еще могущественны вооруженные силы, еще в руках все нити мировой финансово-экономической системы, но общество вырождается. Белая раса быстро вымирает, опутанная липкой идеологией ложных основ социального бытия. Ей на смену приходит динамично развивающийся арабский мир и Китай.

И нет спасения этому краху в навязываемом процессе глобализации. Во-первых, не так просто ее навязать всему остальному миру. Во-вторых, эта же глобализация бумерангом ударит по ее апологетам, обратив этот инструмент в пользу тех, против кого она направлена. Нужно понимать основы – каждый человек есть уникальное Творение, он индивидуален и должен обладать свободой выбора. Но свобода эта не может быть произвольной, она зиждется на морально-нравственных основах. Этот же тезис касается и народов. Каждый народ уникален и обогащает мир в целом своей неповторимой культурой. Он также является сакральным носителем своей религии. Глобализация же предусматривает создание, если и не всемирного концлагеря, то, по крайней мере, всемирной казармы с человеко-машинами по производству благ для «сильных мира сего». Однако Природа не потерпит такого насилия. Люди частью вымрут от тоски и безысходности, частью вырождаются в убудков, а сами «хозяева жизни» окажутся в окружении этих монстров и погибнут от их же рук.

Поэтому демократия хороша там, где она уместна. Она приемлема на уровне местного самоуправления, в малых коллективах, где все люди хорошо знают друг друга. Демократия эффективна в профессиональной среде, когда, например, врачи выбирают министра здравоохранения, а директора сельскохозяйственных предприятий – министра сельского хозяйства. Совет лучших людей земли способен избрать верховного правителя, равно как и отстранить его от власти при его неспособности эффективно управлять страной. Демократия – это органичная связь власти с народом, служение своему народу, но не в рамках живых законов и пустопорожних конституций, а на основе совести, высокой нравственности и чувства долга.

Демократия есть вечная мечта человечества, но она может быть достигнута только на основах высочайшей нравственности и духовности, истинной веры и самоотдачи. Мы – поклонники такой демократии, которая исповедует свободу выбора как осознанную необходимость, которая учитывает роль и место каждого человека в едином, сакральном организме народа, в его высшем предназначении.

Приложение 1

Тринадцать вопросов реформаторам

Вопросов, разумеется, намного больше, однако, руководствуясь названием книги, будем последовательны. Эти вопросы возникали по ходу изложения всего предыдущего материала, и мы выносим их отдельно в целях концентрации внимания читателя на наиболее важных проблемах теории демократии. Итак,

1. Почему нет методологического обоснования реформ, касающихся всего народа нашей страны? А если оно есть, то почему не опубликовано и не вынесено, в полном соответствии с нормами демократии, на всенародное обсуждение?

2. Почему в проводимых реформах выбрана американская модель и игнорируется модель традиционной Русской народной демократии?

3. Почему в России руками средств массовой информации создается мнение, что Русского народа нет не только в родной стране, но и в природе?

4. Почему ни одна из двух сотен партий, по теории представляющих определенную часть народа (85 процентов населения России – русские), до сих пор не сформулировала Национальную идею, которая могла бы объединить народ на эти самые реформы?

5. Почему бессовестно извращается история государства российского, и никто не только не несет за это ответственности, но даже не предоставляет слово оппонентам, защищающим правду?

6. Почему за все годы реформ наша славная «интеллектуальная элита» не сочинила ни одной песни для наших детей?

7. Почему эта элита до сих пор доходчиво не объяснила народу, как можно соединить несоединимое – свободу и равенство, провозглашенные главными ценностями демократии?

8. Почему «электорат» не выбирает пилотов и космонавтов, но выбирает депутатов и правителей?

9. Почему уменьшение веса гири продавцом товаров считается уголовным преступлением, а уменьшение ценности денег в форме инфляции официально планируется правительством?

10. Почему растут цены на электроэнергию – один киловатт не прибавляет света, и стоимость топлива – тонна угля не изменяет своей теплотворности, а рабочие, его добывающие, не просят больше еды с каждым днем?

11. Почему в ходе реформ, при приватизации имущества, переходящего в частные руки, чиновничий аппарат не только не уменьшается, но и увеличивается, причем – кратно? И это – в предвидении катастрофической демографической ситуации и несмотря на внедрение информационных технологий!

12. Кто и зачем дал «зеленую улицу» тоталитарным сектам и проповедникам чуждых религий, в том числе – с экранов телевизоров?

13. Как государство собирается обеспечить безопасность своего народа, которому оно служит, если оно передает в частные руки все свои ресурсы, а также основную инфраструктуру страны в предвидении динамично ухудшающихся природно-климатических условий, а также под усиливающимся натиском международных финансовых и политических организаций?

Приложение 2

Лев Николаевич Толстой **о частной собственности на землю**

(подборка выполнена газетой «Коммунист», Киев)

1. «...продажа земли, созданной небесным Творцом, является дикой нелепостью».

2. «Мой Разум учит меня, что земля не может быть продаваема. Бог дал ее своим детям, чтобы им жить на ней... Земля есть общее и равное достояние всех людей и поэтому не может быть предметом собственности отдельных лиц».

3. «Все люди с самого начала и прежде всякого юридического акта находятся во владении землею, т.е., имеют право быть там, где природа или случайность поместила их. Владение землей, как собственностью, есть одно из самых противоестественных преступлений. Отвратительность этого преступления незаметна только потому, что в нашем мире оно признается правом».

4. «Нельзя утверждать, что существующие права на землю были законны. Пусть тот, кто думает так, посмотрит хроники. Насилие, обман, власть, хитрость – вот те источники, из которых исходят эти права».

5. «Собственность на землю по самому существу своему отличается от собственности на предметы, созданные трудом. Отнимите у народа деньги, товары, скот, и ваш грабеж окончится с вашим уходом. Но отнимите у народа землю, и ваш грабеж будет продолжаться вечно. Он будет новым грабежом для каждого ряда сменяющихся поколений».

Споры о частной собственности на землю идут в России бурные, но бесплодные. Закон уже принят и будет иметь в недалеком будущем самые неприятные последствия для всех сторон земельных отношений. Думается, что приведенные выше слова нашего величайшего писателя и мыслителя, которому вряд ли есть равный и в современности, несколько остудят пыл сторонников пустых обоснований этой противоестественной реформы в фундаментальной области жизни социума.

Библиография

1. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию Учебник для студентов высших учебных заведений – М.: Аспект-Пресс, Третье изд., 1997. – 447с.
2. Локк Джон. О государстве. – СПб, 1902.
3. Руссо Жан-Жак. Об общественном договоре или Начала политического права. – М.: Труд и воля, 1906. – 206с.
4. Токвиль Алексис. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 559с.
5. Хабермас, Юрген. Демократия. Разум. Нравственность./Сборник лекций, интервью. – М.: Наука, 1992.
6. Джефферсон Томас. Томас Джефферсон о демократии. – СПб: Лениздат, 1992. – 394с.
7. Гамильтон Александр. Федералист: Политэссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. – М.: Весь мир, 2000. – 590с.
8. Даль Роберт А. Введение в теорию демократии. – М.: Наука, 1992. – 158с.
9. Майроф Брюс. Лики демократии. – М.: Весь мир, 2000. – 475с.
10. Лово Ф. Ведущие современные демократии. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 13с.
11. Frobel, Julius. Monarchie oder Republic. – Manheim, 1848.
12. История политических и правовых учений: Домарксистский период: Учебник/Под ред О.Э. Лейста. – М.: Юридическая литература, 1991. – 528с.
13. Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – 798с.
14. Аристотель. Афинская полития. – М.: Мысль, 1997. – 459с.

15. Полибий. Всеобщая история: В 40 кн. – СПб.: Наука; Ювенти, 1995.
16. Цицерон Марк Туллий. Диалоги. О государстве. О законах. – М.: Наука, 1966.
17. Лебон, Гюстав. Психология народов и масс. – СПб, Макет, 1995. – 311 с.
18. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Published Univ. of Oklahoma press, 1991. – p. 366.
19. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. – СПб.; Университетская книга, 2001. – 640с.
20. Костомаров Н.И. Русская республика: Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада: (История Новгорода, Пскова и Вятки). – М.: «Фирма «Чарли»; Смоленск, Смядынь, 1994. – 540с.
21. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 377-378.
22. Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. – М.: Лю, 1939. – с. 145, 184-185.
23. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. – СПб, 1995. – с. 156-157.
24. Мельникова Е.А. К типологии государства в Северной и Восточной Европе (Постановка проблемы)// Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР ВТ. Пашуто. Москва, 13-15 апреля 1992г. Тезисы докладов/Отв. ред. А.П. Новосельцев. – М., 1992. – с. 20-23.
25. Горский А.А. Древнерусская дружина. – М., 1989.
26. Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. – М., 1963.
27. Василевский Т. Организация городской дружины и ее роль в формировании славянских государств//Становление раннефеодальных славянских государств. – Киев, 1972.
28. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л., 1974.
29. Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики//ИСССР. 1970. №1, с. 50-51.
30. Майоров А.В. О составе участников древнерусского веча (по материалам Новгорода и других регионов Древней Руси)//Петербургские чтения – 96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». - СПб, 1996.
31. Елчев В.А., Васецкий Н.А., Краснов Ю.К. Парламентаризм и на-

- родное представительство в России: история и современность. – М., 2001, с. 21.
32. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. – СПб, 1910, с. 124.
33. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – М., 1956, с.185.
34. ПСРЛ. Т.II. Стб. 643.
35. ПСРЛ. Т.II. Стб. 659-660.
36. Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. – М., 1994, с.70-73.
37. Обзор двадцатилетней деятельности Крестьянских учреждений, образованных по Закону 12 июля 1889 года в Курской губернии, с 1 сентября 1890 г. по 1 сентября 1910 г. – Курск, Тип. Губернского Земства, 1911.
38. Ленин В.И. Голод и черная Дума. – «Рабочая газета» 22 декабря 1911 г.
39. Пособие по демократии. Функционирование демократического государства на примере Швейцарии/Под ред. Э. Молчанова. – М.: Литература и политика, 1994. -64с.
40. А.В. Лукашев, А.В. Пониделко. Анатомия демократии или Черный PR, как институт гражданского общества. – СПб.: Издательский Дом «Бизнес-Пресса», 2001. – 240с.
41. Bernstein E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. – 8. Aufl., Neusatz d.1921 erschienen 2 Aufl. – В. Bonn; 1984. – 234 s.
42. Рокар Мишель. Трудиться с душой. – М.: Международные отношения, 1990. – 340с.
43. Sozialismus und Staat/Hrsg.: Kremendahl H., Meyer Th. – Kronberg Ts. 1974. – Bd 1. – 294 s.
44. Диманис М.Д. Социал-демократическая модель государства в Берлинской программе СДПГ 1989 г./В сб. ИНИОН РАН – Три взгляда на государство: христианские демократы, либералы и социал-демократы. – М., 1992. 163с.
45. Ferheugen G. Liberalismus und Sozialdemokratie – vom Godesberg Programm 24 den Freiburger Thesen//Neue Ges. Bonn, 1983. – Jg. 30. №7 – S 602-609.
46. <http://www.bakov.ru/ideolog.shtml>.
47. Сокольский С.Л. Концепция государства в программе и политике христианских демократов ФРГ. /В сб. ИНИОН РАН – Три взгляда на государство: христианские демократы, либералы и социал-демократы. – М., 1992. 163с.

48. Grundsatzprogramm der Christisch Demokratischen Union Deutschlands. – Bonn; Kxln, 1978. – 72s.
49. Grundsatzprogramm der Christisch Sozialen Union/Hrsg.: CSU – Landesleitung. – Мьнchen: Vogel – Vert., 1977. – 75s.
50. <http://www.rcdp.ru>
51. Якунин Г. Я предостерегаю!//«Независимая газета», 12 апреля 1994 г.
52. Основы социальной концепции Русской православной церкви/В сб. Юбилейный Архиерейский собор Русской Православной церкви. Москва, 13-16 августа 2000 года. – СПб, Издательский отдел Санкт-Петербургской епархии, 2000.
53. Enelone J. The Sportial Theory of Voting: An Introdaction. Cambridge, 1984, p.3
54. Darendorf R. Die Zukunftsaufgaben des Liberalismus – ein politisches Programm//Liberal. – Bonn,1989.
55. Сеилханов Е. Государство и либеральные ценности./В сб. ИНИОН РАН – Три взгляда на государство: христианские демократы, либералы и социал-демократы. – М., 1992. – 163с.
56. Sontheimer K/ Мцglichkeiten und Grenzen liberaler Politik. – Dьsseldorf, 1975. 132s.
57. Darendorf R. Die neue Freiheit: Iberleben und Gerechtigkeit in einer verandenter Welt. – Мьнchen, 1980. – 160s.
58. Darendorf R. Europa der Regionen?//Mercur. – Bonn, 1991. – Jg.45, H. 8. – S 703-704.
59. Letz G/ Ein Leitbild freier Menschen//Was heivt heute Liberal? Juling P. (Hrsg.) – Gerlinger,1987. – S. 53-63.
60. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч.1 Метафизические начала учения о праве//Сочинения: в 6-ти томах, 1965, т.4, ч.2. – с. 107-304.
61. Kieler Thesen der F.D.P.//Liese H.-J. Zielvrstelun – gen der Partien. – 2 ьberarb. Aufl. – Мьнchen; Wien, 1979. – S 115-139.
62. Flach X- H., Maihofer W., Scheet W. Die Freiburger Thesen der Liberalen. – Reinbek bei Hamburg, 1972. – 117s.
63. Lambsdorf O. Frische Luft fьr Bonn: Eine liberale Politik mit mehr Markt als Staat. – Stutgart, 1987. – 400s.
64. Wahlaussage zur Bundestagwahl 1983//Neue Bonner Depesche. – 1983, №2. – S. 2-16.
65. Politische Ideologien.//Informationen zur polit. Bildung. – Мьнchen, 1990. №212. – S. 1-33.
66. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336с.

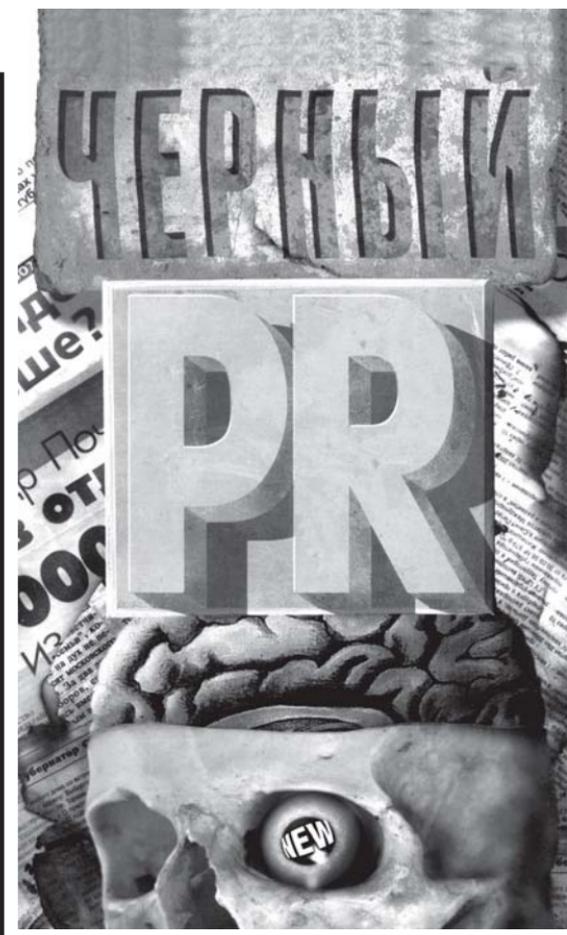
67. Бунге М. Холототехнодемократия: альтернатива капитализму и социализму/Вопросы философии. – М.: 1994 – №6, с.42.
68. Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – 400с.
69. Зиновьев А. Мировое негодяйство. – газета «Завтра», № 16, 1994г.
70. Кириенко С.В. Что теперь будет? – газета «Коммерсантъ», 14 апреля 2000г.
71. Берман Г. Дж. Право и религия. – М.: Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований, 2001.
72. Эпперсон Ральф. Невидимая рука. – СПб: СЗ Ф ИНЭС, 1999. – 450с.
73. Kozak, Jan. Not a Shot is Fired. – New Canaan, Connecticut.: The Long House, Inc., 1957.
74. Демократия перед лицом терроризма/Доклад Комиссии по политическим вопросам. Докладчик г-н Тэрри Дэвис (Соединенное Королевство, Группа социалистов, председатель Комиссии по политическим вопросам). – Док. 9228, 24 сентября 2001 г./Обсуждение в Ассамблее 25 и 26 сентября 2001 года, Рекомендация 1534, ПАСЕ, предварительное издание.
75. Stang, Alan. The Actor, p. 117.
76. Chambers, Claire. The Cicus Circle, p.104.
77. Morris, Henry M. The Gospel of Creation and the Anti-Gospel of Evolution. – ICR Impact, № 25, p.III.
78. Humanist Manifesto I and II. – Buffalo, New-York, Prometheus Books, 1973, pp.7-11.
79. “Education”, Saturday Review, August 10, 1974, p.84.
80. Two Worlds, p.107.
81. The Review of the News, June 20, 1979, p.29.
82. Alen, Gary. The Colleges. – American Opinion, May 1973, p.73.
83. The Review of the News. – January 19, 1977, p.45.
84. Chambers, Claire. The Sicus Circle, p.93.
85. Chambers, Claire. The Sicus Circle, p.93.
86. Humanist Manifesto I and II, p.13-31.
87. Allen, Garry. The Conspiracy. – American Opinion, May, 1968, p. 28.
88. Мухин А.А. Информационная война в России: участники, цели, технологии. – М.: Гном и Д, 2000. – 256с.
89. Крыленко А.К. Денежная держава – тайные механизмы истории/пер. с англ. Бехтерева Е.С. – М.: Marinka Marling, 2002. – 208с.

90. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. – М.: 1998.
91. Лукашев А.В. Осознание сознания/Доклад в Русском Географическом обществе 10.01.2002. – <http://www.luka-sheff.narod.ru/> Планета людей, 2002г.
92. Бегунов Ю.К. Тайные силы в истории России. Сборник статей и документов. Четвертое издание. – М.: Издательство газеты «Патриот», 2000. – 624с.
93. Конституционные идеи Андрея Сахарова. – М.: ТИП «Новелла», 1990. – 95с.
94. Кровавый террор/Сост. В. Ставицкий. – М.: ЦОС ФСБ РФ, ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 319с.
95. Кара-Мурза С. Ядро и шелуха. – <http://www.kara-murza.ru>.
96. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. – 3-е издание, М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – 928с.
97. Малахия Мартин. Что кроется за Новым Мировым Порядком? – Джемисон (США), 1992.
98. Малахия Мартин. Ключи крови. – 1990, с. 492.
99. Митрополит Иоанн (Снычев). Битва за Россию. – Саратов: Приволжское кн. Изд-во, 1993. – 120с.
100. Митрополит Иоанн (Снычева). Пути русского возрождения (национально-православный взгляд). – М.: Русский Вестник, 1993. – 14с.
101. Митрополит Иоанн (Снычев). Творцы катаклизмов. – Советская Россия, 22 марта 1994.
102. Бурдые Пьер. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 333с.
103. Чабанов В.Е. Проблемы и пути реорганизации экономики России. – СПб: Олбис, 1997. – 242с.
104. Водолеев Г.С. Коррупция: хроника региональной борьбы. СПб: Фонд поддержки правоохранительных органов, 1995. – 94с.
105. Лунеев В.В. Организованная преступность и терроризм в условиях глобализации/В сб. «Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. – М: Международные отношения, 2002. – 311с.
106. Валянский С.И., Калюжный Д.В. Понять Россию умом. – М: Алгоритм, 2001. – 480с.
107. Фукуяма Фрэнсис. Конец истории. – <http://www.netda.ru/> Конец истории.
108. Наш путь. Стратегические перспективы развития России в XXI веке. – М: «АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – 144с.

109. Лукашев А.В. Копье судьбы человечества. – [http://www.lukashcheff.narod.ru/Планета людей](http://www.lukashcheff.narod.ru/Планета%20людей), 2001г.
110. Паренти Майкл. Демократия для немногих. – М.: Прогресс, 1990. – 502с.
111. Арон Рэймонд. Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – 303с.
112. Альтинг фон Гейзау, Франс А.М. Как совершить переход к правому обществу? Размышления, обращение к русским друзьям. – М.: Рудомино, 1997. – 96с.
113. Бентам Иеремия. Введение в основание нравственности и законодательства. – М.: Росспэн, 1998. – 415с.
114. Берлин Исайя. Четыре эссе о свободе. – London, Overseas publ. Interchange, 1992. – 394с.
115. Битэм Дэвид, Бойл Кэвин. Демократия: вопросы и ответы. – М.: Текст, 1995. – 158с.
116. Бро Филипп. Политология. – М., 1992. – 86с.
117. Валуженич А.В. Облагораживая демократию. Вызов постмодернистского века. /Реф. Пэнгл Т. – М.: ИНИОН РАН, 1994. 21с.
118. Веселовский Б.Б. Исторический обзор деятельности земских учреждений Санкт-Петербургской (ныне Петроградской) губернии (1865 – 1915гг.). – Пг, Петроградское губернское земство, 1917. – 621с.
119. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – нач. XX веков. – СПб, Изд. СПбГУ, 1996. 153с.
120. Гудин Р.И., Клингеманн, Алмонд Г. и др. Политическая наука: новые направления. – М: Вече, 1998. – 814с.
121. Дай Томас Р., Зиглер Л., Хармон. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. – М.: Юридическая литература, 1984. – 320с.
122. Даль Роберт А. Введение в экономическую демократию. – М.: Наука, 1991. – 124с.
123. Даль Роберт А. О демократии. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 203с.
124. Драгоманов М.П. Либерализм и земство в России. 1. Земский либерализм в России (1858 – 1883). 2. Самодержавие, местное самоуправление и независимый суд. – Geneve, H. Georg, 1889. – 64с.
125. Дюгьи Леон. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. – М., 1919. – 110с.
126. Ибрашев Ж.У. Политическая концепция Шарля де Голля. – Алма-Ата, 1971. – 130с.

127. Кант, Иммануил. Соч. в 6 т., т. 4, ч. II, с. 234. – М., 1965.
128. Коган С.Н. Теоретические основы российского либерализма начала XX века. – М.: Философское общество, 1997. – 92с.
129. Комар Ю.И. Демократия и авторитаризм в третьем мире в конце XX века (Концепция С.П. Хантингтона и отклики на нее). – М.: ИНИОН РАН, 1995. – 23с.
130. Конституционные идеи Андрея Сахарова. М.: ТИН «Новелла», 1990. – 95с.
131. Лейпхард Арэнд. Демократия в многосоставных обществах: сравнительные исследования. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 286с.
132. Макиавелли Никколо. Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. – М.: Современный гуманитарный институт, 2000. – 152с.
133. Манделл Эрнест. Власть и деньги. – М.: Экон. демократия, 1992. – 276с.
134. Марат Жан Поль. Избранные произведения. В 3-х т. – М.: АН СССР, 1956.
135. Мацонашвили Т.Н. Основные ценности социальной демократии. – М.: ИНИОН РАН, 1996.- 150с.
136. Монтескье Шарль Луи. О духе законов. – СПб, 1901.
137. Новый взгляд на демократию: Институционализм, большинство против консенсуса, средства массовой информации. – М.: Международные отношения, 1991. – 184с.
138. Обзор двадцатилетней деятельности крестьянских учреждений, образованных по закону 12 июля 1889г. в Курской губернии 1 сентября 1890г. – 1 сентября 1910г. – Курск, Тип. губ. земства, 1911.
139. Патнэм Роберт. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. – М.: «Ad Marginem», 1996. – 287с.
140. Петерсон Олоф. Шведская система правления и политика. – М.: «Ad Marginem», 1998. – 207с.
141. Проект положения о предоставлении крестьянам по желанию помещиков в собственность посредством выкупа вместе с усадьбами полевых угодий (по Саратовской губернии). – Б.м., 186с.
142. Робеспьер Максимилиан. Революционная законность и правосудие. Статьи и речи. М.: Госюриздат, 1959. – 275с.
143. Родригес Эччевериа Мигель Анхель. Моральная революция: демократия, рынок и общее благо. – М.: Советский писатель, 1992. – 158с.

144. Салмин А.М. Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты: опыт Франции в сравнительной ретроспективе. М.: Наука, 1992. – 331с.
145. Sartori, Giovanni. The Theory of Democracy Revisited. – Chatam – New Jersey, 1987.
146. Синкотт Хауард. Что такое демократия? – Вашингтон, 1991. – 31с.
147. Три взгляда на государство: христианские демократы, либералы, социал-демократы. Сборник обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 163с.
148. Хайек Фридрих Август. Общество свободных. – London, Overseas publ. Interchange, 1990. – 309с.
149. Хелд Д. Политическая теория и современное государство. Очерки о государстве, власти и демократии. – М.: ИНИОН РАН, 1991. – 15с.
150. Шаран Парматра. Сравнительная политология. – М.: Б.и., 1992. – 200с.
151. Карамзин Н.М. История государства российского. – СПб, 1892, т.3, с.130.
152. Лукашев А.В., Пониделко А.В. Черный PR как способ овладения властью, или Бомба для имиджмейкера. Третье издание. – СПб.: Издательский Дом «Бизнес-Пресса», 2002. – 176с.
153. Татищев В.Н. Российская история. Т. I. – СПб., 1774.
154. Бердяев Н.И. Философия неравенства. Письма к недругам социальной философии. – Берлин: Обелиск, 1923.
155. Митрополит Иоанн (Снычев). Творцы катаклизмов. – газета «Советская Россия», 22.03.1994.
156. Кант, Иммануил. Соч. в 6 т., т. 4, ч. II, с. 234. – М., 1965.
157. Лукин В.П., Травкин Н.И. «Яблоко» объясняет и рекомендует. М., 1999. – 48с.

**Пониделко Анатолий Васильевич,
Лукашев Анатолий Викторович.
«ЧЕРНЫЙ PR» как способ овладения властью
или Бомба для имиджмейкера»**

Эта книга стала политическим бестселлером еще до своего выхода в свет. Ксерокопии отдельных глав рукописи «гуляли» по предвыборным штабам и всевозможным «центрам политологических исследований». Поэтому если Вы, уважаемый читатель, имеете отношение к выборам любого уровня и сейчас стоите перед книжным прилавком, держа в руках эту книгу, немедленно покупайте ее за любые деньги, поскольку тираж ограничен. А еще лучше — скупите все экземпляры, попавшие на книжные прилавки Вашего города, чтобы этим оружием не смогли воспользоваться Ваши конкуренты по предвыборным баталиям.

Всемирный Антикриминальный Антитеррористический Форум (ВААФ)

103473, Москва, 1-й Волконский пер., д.15

**По мнению Оргкомитета ВААФ,
единственная война нового столетия –
это война с преступностью.
Цель ВААФ – объединение усилий
для победы в этой войне**

**Банковские реквизиты для спонсоров и меценатов,
разделяющих мнение Оргкомитета ВААФ**

Р/счет 40703810900000000047, в «Эталонбанке» г. Москва,
БИК 044552988, кор. счет 3010181040000000988, ИНН 7707288611

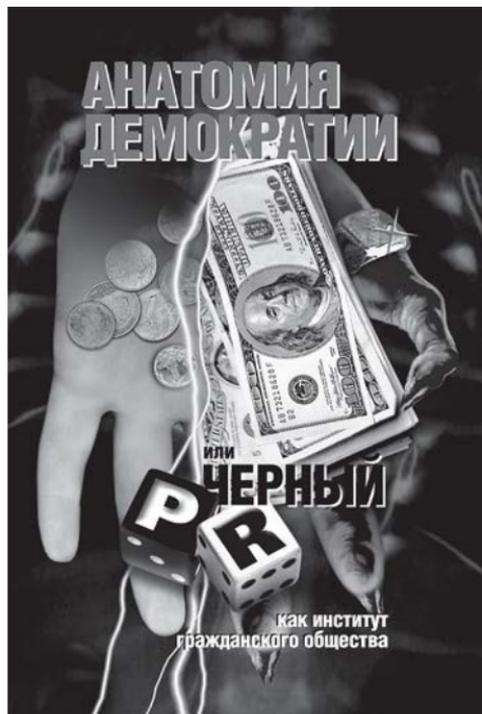
Эта книга является продолжением разговора о демократическом варианте выбора

пути развития России. Разумеется, мы имеем в виду демократию в ее современном понимании, а на самом деле существуют не менее двенадцати теорий демократии, в том числе, русская – новгородская, псковская и т.д. Современная демократия к демократии в ее классическом смысле имеет весьма отдаленное отношение. Ложь, манипуляция общественным сознанием являются ее основным содержанием. Именно эти аспекты демократии и явились предме-

том критики в книге. В ней представлены недостатки системы государственного управления, деятельность политических партий по овладению и удержанию власти, вскрыты системные пороки гражданского общества в условиях лживости общественных отношений, а также международные отношения сквозь призму черного пиара, все больше и больше захватывающего все аспекты общественной жизни. Отдельной главой, правда, весьма сокращенной в «Анатомию..» вошла и книга, которую вы держите в руках.

Уважаемый читатель, если вы решили сделать партийную или политическую карьеру в условиях развитой демократии или намерены установить теплые отношения со странами «цивилизованного мира», эта книга вам необходима, как воздух. В ней вы найдете все, что вам нужно для этой цели.

Если же вы намерены вернуться к здравому смыслу и опыту наших мудрых предков, веками собиравших земли российские в единое и могучее государство, то эта книга вам тоже пригодится – в ней есть рекомендации и по здравому устройству общественно-государственных отношений. Есть также новые идеи в отношении реформы рекламного бизнеса, имеющего, плюс к его чудовищной эффективности, и положительный социальный аспект.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Ю.К. Бегунов, А.В. Лукашев, А.В. Пониделко

13 ТЕОРИЙ ДЕМОКРАТИИ

В оформлении лицевой стороны переплета использованы фрагменты картины В.М. Васнецова «Витязь на распутье», а также элемент одностолбчатой кутюры – масонская пирамида из 13 ступеней, символизирующая новый мировой порядок, при котором «избранному народу» будет передано все могущество и ценности других народов. Над пирамидой парит заключенное в треугольник око «великого архитектора вселенной».

Бегунов Юрий Константинович,
Лукашев Анатолий Викторович,
Пониделко Анатолий Васильевич
«13 теорий демократии»

Издательский Дом «Бизнес-пресса»,
г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 17. (812)-275-7518, 272-0561
Лицензия ЛР №065601 от 26.12.1997.2001. – с.240

По вопросам приобретения книги обращайтесь:

Агентство «Бизнес-пресса»
Тел.: (812) 164-5601, 164-7482, 164-5700
e-mail: bp@bizpressa.spb.ru
Дом деловой книги
Санкт-Петербург, Лиговский пр., 99
Тел.: (812)164-5069
www.bpressa.ru

Формат 60x90 1/16, усл. печ. л. 15.
Гарнитура GaramondC. Бумага офсетная. С.240
Тираж 3000 экз. Заказ №
Подписано в печать

Отпечатано с готовых диапозитивов
В ФГУП ордена Трудового Красного Знамени «Техническая книга»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
1988005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

Юрий Константинович Бегунов

Родился 20 октября 1932 года. Профессор политологии, доктор филологических наук России и Болгарии, член Союза писателей России, Русского исторического общества, Ассоциации болгаристов СНГ, Почетный доктор Великотырновского университета имени братьев Кирилла и Мефодия, академик Международной Славянской, Русской и Петровской академий наук. Автор 400 научных трудов, в том числе 20 книг по русской истории, литературе, политологии. Наиболее известными из книг являются «Тайные силы в истории России», с 1995 по 2000 год издававшаяся четырежды, а также «Мир политической мысли. Хрестоматия по политологии. Часть IV. Русская политическая мысль», кн. 1 и 2, VI-XV и XVI вв., 1999г.

Анатолий Васильевич Пониделко

Родился 8 ноября 1944 года в семье потомственного донского казака. Получил основное юридическое образование, затем окончил исторический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета. 33 года отдал службе во внутренних войсках МВД. С 1990 года судьба оказалась связанной с Санкт-Петербургом. В 1994 году получил звание доцента кафедры педагогики и психологии университета МВД. В 1996-1998 годах – заместитель, а затем начальник ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, член правительств этих субъектов Федерации. Награжден знаком МВД «За благородство помыслов и дел». Действительный член Международной академии народов мира «Элита» и МАНЭБ. Награжден медалью Н.К. Рериха «За заслуги в области экологии». Советник Председателя Международного оргкомитета Всемирного Антикриминального Антитеррористического Форума (WAAF), председатель С-Западного отделения МОО «Ратники Отечества», генерал-лейтенант.
E-mail: ratniki.ot@mtu-net.ru

Анатолий Викторович Лукашëв

Родился 13 декабря 1951 года. 25 лет прослужил в Вооруженных Силах, командовал подразделениями и частями связи, возглавлял научно-исследовательское подразделение МО, кандидат военных наук. Имеет более тридцати опубликованных научных трудов в сфере управления и создания больших информационных систем, а также, после увольнения из ВС в 1995 году, двенадцать публицистических работ, в том числе, четыре книги. Действительный член Русского Географического общества (Комиссия истории цивилизаций и ноосферы). <http://www.luka-sheff.narod.ru>
E-mail: luk@mail.spbnit.ru

ISBN 5-8110-0060-X

9 785811 000609